

ПРАСКОВЬЯ ДИДЫК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
"КАРТА МОЛДОВЕНЯСКЭ"
КИШИНЕВ * 1960

ПРЕДИСЛОВИЕ

Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне еще полностью не раскрыт, не показан нашей литературой. Художественная беллетристика создала, правда, немало книг. Но эпопеи все нет и нет. Читатель часто спрашивает: а когда же, кто из советских писателей напишет “Войну и мир” о подвигах советского народа в годы Великой Отечественной войны? Видимо, все же общество должно накопить большой подготовительный материал, фаны, характеры, эскизы, наброски.

Мемуарная литература о Великой Отечественной войне стала появляться еще в боевые годы. Много над этим потрудились бывшие партизаны, документальные книги которых широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Но в этой области сделано еще далеко не все. В особенности мало книг о подвигах фронтовиков, людей разного рода оружия.

Предлагаемая читателю документальная повесть разведчицы-парашютистки Прасковьи Дидык восполняет в какой-то мере этот пробел. Правда, книга написана не в чисто мемуарном жанре — повествование ведется от третьего лица. Такой литературный прием закономерен. Мы помним его по книгам Дмитрия Фурманова-Клычкова, Николая Островского-Корчагина; им же пользовался и Макаренко в своих документальных книгах о колониях бывших беспризорных. Правда, о Великой Отечественной войне мы как-то больше привыкли читать прямые мемуары, написанные от первого лица. Войны, партизаны откровенно, не стесняясь, говорят о самих себе, о своих боевых товарищах, боевых коллективах, в рядах которых они сражались. Здесь мы встретились с документальной, но уже творчески преображенной формой письма. Но разница эта чисто литературная. Задумываясь над записками разведчицы Прасковьи Дидык, читатель все же невольно будет подходить к ним как к мемуарам, описаниям боевой жизни “бывалого человека”. А советская литература бывалых людей имеет свою традицию. Эта традиция освещена пытливым вниманием крупнейших русских художников слова. Само название “литература бывалых людей” дал ей Алексей Максимович Горький, отметивший в одной из своих статей, как важна в нашей советской литературе особая струя литературы бывалых людей. И Горький помогал ей развиваться, подпирал ее своим могучим плечом. Он радовался появлению каждого нового произведения, в котором раскрывались подвиги жизни простых людей из народа. Крупный русский писатель-психолог и яркий беллетрист Вересаев на склоне жизни также отдавал предпочтение невдуманной литературе. В начале томика своих “невдуманных рассказов” он писал: “Чем старше я становлюсь, тем все более привлекают меня рассказы о действительно случившемся в жизни и тем меньше я могу читать произведения своих коллег-писателей. Слишком много они пихают в них извести, единственное назначение которой тонким слоем спаивать кирпичи”. Все мы, советские мемуаристы, люди лишь подвозящие кирпичи фактов на строительную площадку литературной эпопеи о подвиге советского народа — спасителя своей Родины и Европы от мрака фашизма.

Итак, перед нами записки девушки-молдаванки; ушедшей на фронт добровольцем, сначала в медсанбат, а потом ставшей разведчицей-парашютисткой. Советский читатель уже знаком с действиями разведчика Кузнецова по замечательной книге Героя Советского Союза Медведева. Но многообразный, яркий подвиг этих скромных и мужественных героев еще остается скрытым. Правда, в последнее время тема разведчиков широко эксплуатируется писателями третьего сорта, которые, наспех создавая дешевые, низкопробные произведения так называемого приключенческого жанра, только дискредитируют тему развесистой клюквой, недостойной советской литературы. Появление записок Прасковьи Герасимовны Дидык, показывающих разведку не со стороны, а как бы изнутри самим разведчиком глубокого тыла врага, несомненно обрадует читателя. В этом прелесть книги. Ведь это факт, что бесыскусно написанные документальные книги, мемуары читаются советским читателем всегда охотно, может быть, именно благодаря своей безыскусной простоте. В этих произведениях есть не только правда фактов, что предопределено уже самим жанром, но и правда человеческих чувств и переживаний. Именно это достоинство и ставит их в разряд художественных произведений, именно это и создает им популярность в народе. Читатель книги, конечно, сразу поймет, что Мариана Флора, о которой повествуется в этих записках, и ее автор Прасковья Дидык — по существу в большинстве случаев одно и то же лицо и забудет на первых же страницах эту наивную скромность, в которой право же нет и доли ханжества — порока некоторых наших литературных произведений. Может быть, он догадается и о том, что уж очень много необычного выпало на долю советской девушки, если она решила рассказать о самом сокровенном от третьего лица, как бы отрекаясь от самой себя. Ну, что ж, это дело автора и право автора. Положа руку на сердце, хочется сказать не только ей, но и читателю: не стоило бы нам, фронтовикам, партизанам, разведчикам, людям, совершавшим небывалые дела в истории нашего народа, прятаться от своей собственной славы, особенно женщине-фронтовику, подвиг которой высоко оценен партией и правительством. Народ всегда поймет своих героев и не назовет их нескромными.

Мы в Советском Комитете ветеранов войны, созданном лишь два года назад, уже предприняли ряд изданий мемуарного порядка. Коллективная книга “Партизанские были”, авторами которой являются около 30 человек рядовых партизан, — лишь первый шаг в этом направлении. Хорошо делает Молдавское издательство, выпуская подобного рода книги. Вместо того, чтобы увлекаться, как некоторые литературные торгаши, низкопробной, так называемой приключенческой (а по существу — уголовно-детективной) литературой, во много раз полезнее записки разведчицы П. Дидык или выпущенные несколько ранее мемуары командира 2-го Молдавского партизанского соединения Я. Шкрябача “Дорога в Молдавию”, или “Слово о сыновьях” З. Главан — матери одного из молодогвардейцев Краснодона. Уверен, что короткую документальную повесть П. Дидык, так же полюбит читатель, в особенности каша молодежь. Она, затаив дыхание, будет вместе с ней прыгать с парашютом, вслед за ней попадает в тыл врага с портативной рацией на плече. И ее первые шаги на Полтавщине, где вместе с маленькой сельской подпольной организацией она ведет разведку для фронта и совершает диверсии, прочтут, зата-

ив дыхание, и уже более зрелые действия под Краковом, где советские разведчики работают в тылу у врага умно, осторожно и четко. Все это ново, свежо, интересно.

Кинга написана просто, безыскусно. В ней, кажется, нет никаких ярких красок, но читается она залпом. В ней есть еще неопытные описания, пересказы случившегося, но есть и такие страницы, которые по своей психологической глубине, напряженности действия и умело построенному диалогу, могли бы украсить художественное произведение и опытных наших беллетристов.

В записках разведчицы Дидык, ярко и увлекательно рассказывающих о сделанном советской патриоткой в годы войны, зреет начинающий писатель, которому мы от всей души пожелаем успеха.

А дальше пусть свое слово скажет читатель, которому мы и рекомендуем эту хорошую патриотическую книгу.

Герой Советского Союза *Петр ВЕРШИГОРА*.

ЧАСТЬ 1

ГРОЗНЫЕ ДНИ

В воздухе пахло гарью. По вечерам зарево большого пожара застилало еще недавно такое ласковое небо зловещими багровыми сполохами.

У ворот домов, на перекрестках улиц собирались группами озабоченные люди, тревожно прислушивались к глухим раскатам отдаленной артиллерийской стрельбы.

Не слышно было песен и шуток. Измученные налетами фашистской авиации, жители города делились невеселыми новостями.

Утром ушли на фронт квартировавшие в городке воинские части. Более сведущие говорили, что это пехотный полк; днем его место в старых казармах заняла новая войсковая часть, прибывшая из Кишинева.

В городе ходили слухи о том, что на побережье Днестра будут возведены неприступные для немцев укрепления, что город с прилегающими к нему в радиусе 25 километров селами превращается в “укрепрайон”, что отсюда Красная Армия начнет контрудар по фашистам...

Толком, однако, никто ничего не знал.

Местные “стратеги”, передавая друг другу новости “из самых верных источников”, строили, всяк на свой лад, планы разгрома фашистских орд.

Люди старшего поколения, ветераны первой империалистической, хорошо знавшие немцев, делали более точные прогнозы.

— Сунул рыло в чужой огород — пеняй на себя, — говорил сторож студенческого общежития дед Харлампий. Этот семидесятипятилетний с красивой бородой старикан встречался, как он говорил, с германцем не только в окопах четырнадцатого года.

— Я, брат, ихнего плена тоже хлебнул. Так что знаю этот характер. Это их собачья повадка нападать исподтишка. Но только в России они себе клыки обломают...

Жители маленького молдавского городка, как и весь советский народ, твердо верили в то, что наглые захватчики будут с позором изгнаны с советской земли. Они верили в победу над гитлеровцами и ковали эту победу. По призыву родной Ленинской партии коммунистов они уходили на фронт или в партизанские отряды, вставали за станки, заменяя ушедших на фронт, рыли окопы...

Молодежь осаждала райком комсомола, военкомат, требуя, настаивая, умоляя направить в действующую армию.

...Перед райвоенкомом стояла худенькая невысокая девушка с большими пушистыми косами.

— Я с утра ожидаю в вашей приемной...

Военный поднял утомленное лицо с покрасневшими от бессонных ночей веками.

— Слушаю вас.

Девушка, стоя навтыжку, неумело держала руки “по швам” и, запинаясь от волнения, говорила:

— Прошу зачислить меня добровольцем на фронт! Я студентка педтехникума... Флоря моя фамилия... На фронте могу быть полезна как медсестра... Недавно курсы окончила... Училась шесть месяцев, сейчас в санитарной дружине работаю, на нашем вокзале... Прошу, очень прошу не отказать!..

Она умолкла и замерла в ожидании ответа, который решал ее судьбу...

Комиссар не спешил с ответом. Он смотрел на юное лицо, непокорную светлую прядку на лбу, и в его взгляде можно было прочесть боль и обиду за разрушение счастье сотен вот таких же юных существ, как эта девушка. Мариана по-своему поняла его и встрепенулась: “Неужели откажет?”

— Садитесь! — комиссар жестом указал на стул. — Сколько же вам? Похоже — не очень много... — Глаза его, строго, по-военному подтянутого человека, потеплели в улыбке. — Не кажется ли тебе, что возраст твой для тяжелого воинского труда да еще на фронте, ну, как бы сказать,... маловат?

— Да нет же, — возразила девушка. — Не белоручка ж я. Дома всякую работу делаю. И потом не одна я. Много моих одногодков ушло на фронт... Не смотрите, что я ростом маленькая. Мне уже восемнадцать лет исполнилось, девятнадцатый пошел...

Комиссар вздохнул, устало потер пальцами седые виски.

— Да, — сказал он, — армии сейчас нужны люди... Могут быть полезны и такие, как вы — молодые патриоты. — Он записал фамилию в блокнот. — Хорошо. Ждите повестку!..

Вышла Мариана Флоря из военкомата, как-то сразу повзрослев. Вот она уж не просто студентка-выпускница, а почти воин, медицинская сестра...

Вечерело. Пять раз в этот день бомбили фашисты мирный молдавский городок. Зенитки местного гарнизона не в состоянии были отразить мощные бомбовые удары противника. И вот сейчас догорали лесопильный склад, больница, несколько жилых домов.

В городе была введена светомаскировка. Улицы, покрытые копотью и обломками разрушенных зданий, опустели. В вечернем сумраке гулко раздавались шуги одиноких прохожих, спешивших после дежурства домой, да слышались тихие окрики патрулей.

Мариана подошла к старому парку. Отсюда совсем недалеко было до общежития. Девушка опустилась на скамейку.

Большой и тенистый, знакомый до мелочей, любимый парк обступил Мариану. Сколько счастливых часов проведено здесь, на берегу Днестра. Захватив с собой конспекты лекций, студенты веселой гурьбой приходили сюда по утрам готовиться к сдаче зачетов, экзаменов, обдумывали дипломные работы.

...Утренние лучи майского солнца ласково пригревали открытые головы. Трава, покрытая серебристым налетом ночной росы, переливалась в лучах солнца тысячами блестящих капелек. Здесь они занимались, спорили. А когда начинало припекать по-летнему — спускались к реке и бросались в быстрые, прохладные волны Днестра.

В старом парке хорошо было мечтать, делиться заветными думами с подругой, мысленно рисовать картины предстоящей работы в школе, встречи с первыми своими учениками...

Когда же спускались короткие сумерки, что греха таить, тень пушистых деревьев укрывала от посторонних взглядов не одну парочку влюбленных.

И вот чья-то злобная воля смяла светлые мечты, обуглила траву, замутила родной Днестр...

Мариана вскочила со скамьи, крепко сжала в кулаки маленькие руки:

— Никогда, никогда не хозяйничать вам на нашей земле, поганцы, — погрозила сна в сторону доносившегося с запада прерывистого гула самолетов. — Все пойдем, все. Стеной станем, а не пропустим, тебя, змея, в наш большой, чистый дом... — Мариана не замечала, что разговаривает вслух, а по ее щекам текут слезы.

Девушка не имела представления о фронте, не знала, как будет себя там чувствовать. И все же она радовалась, что у нее и ее подруг есть специальность, которая может принести пользу в эти тяжелые для Родины дни.

Студентки Молдавского педагогического техникума недавно окончили шестимесячные курсы по подготовке медицинских сестер и теперь были зачислены в местную санитарную дружину. Они ходили с повязкой на рукаве, с большой сумкой, украшенной ярким красным крестом. Никто из них не представлял, что их медицинские знания понадобятся так скоро. Уже на второй день войны пришлось дежурить на привокзальном пункте и в других местах.

На площади, примыкавшей к вокзалу, в ожидании поездов собрались, казалось, все жители города — женщины, старики, матери с грудными детьми, школьники...

Люди стояли и сидели под открытым небом, под палящими лучами солнца. Одни держали в руках узелки с продовольствием, другие сидели на чемоданах и мешках с тем немногим скарбом, что могли взять с собой.

Вслед за прибывавшими на станцию поездами налетали фашистские самолеты. Они обрушивали смертоносный груз на здание вокзала, расстреливали с бреющего полета ожидавших эвакуации жителей, представлявших заманчивую, безопасную цель...

Люди бросались в разные стороны. Матери прижимали детей к груди, пытались укрыть их от осколков бомб собственным телом. Старики хватили узлы, но не будучи в состоянии тащить их, бросали, чтобы тут же упасть сраженными вражеской пулей...

Грохот рвущихся бомб, вопли перепуганных насмерть людей, стоны раненых, надрывный плач детей — все смешалось в сплошной гул. Рушились здания. Пыль густой пеленой стояла над головами...

Мариана впервые увидела столько смертей, впервые ощутила всем существом страшную, нечеловеческую жестокость врага. В первое мгновение она растерялась и в страхе бросилась под защиту здания. Но чей-то спокойный, внушительный голос остановил ее:

— Куда, сестрица? Там раненые.

— Да, да, я сейчас, я так... — невпопад ответила она и стремглав выбежала на площадь. Плотно сжав губы, пересиливая сотрясающую все тело дрожь, Мариана наклонялась над ранеными, молча перевязывала, ока-

звала первую помощь. И не казалось странным, что именно в эти страшные минуты в душе потрясенной Марианы мгновенно созрело бесповоротное решение уйти на фронт...

Зенитки, наконец, отогнали фашистские самолеты. Голоса командиров и красноармейцев понемногу приводили людей в чувство, возвращали им самообладание. Когда подошел кишиневский поезд, вся масса ожидавших эвакуации хлынула к перрону. Только одна женщина оставалась неподвижно сидеть на своем узле. Она прижимала к обнаженной груди что-то завернутое в одеяло, прикладывалась ухом к нему, прислушивалась. Пышные волосы ее спутались и в беспорядке падали на плечи и лицо. Но женщина не делала никаких движений, чтобы поправить их. Она сидела неподвижно, словно окаменев. Свисток паровоза, раздавшийся у самого вокзала, вывел женщину из оцепенения. Она поднялась и, пошатываясь, пошла за толпой к перрону. Узел так и остался лежать на земле, но она ни разу не повернула головы, по-прежнему прижимала к груди самое драгоценное, что, видимо, у нее осталось на всем свете, — ребенка.

У входа в вагон женщину так сжали, что ребенок оказался у нее где-то под мышкой. Свободной рукой она хваталась то за стенку, то за чью-то спину, из ее больших черных глаз беспрерывно катились крупные слезы.

Попав в вагон, она начала лихорадочно развязывать сверток. Залитое слезами лицо женщины вдруг расцвело в счастливой улыбке. В вагоне удивленно переглянулись.

— Свихнулась, видно, бедняжка, — послышался чей-то голос.

— Ну-ка, помогите. А ты, милая, дай сюда ребеночка, а сама посиди вон здесь, отдохни, — строго распорядилась пожилая женщина, вздевая на нос очки.

Молодая мать опустилась на колени, развернула пеленки, тихонько подхватила одной рукой худенькие с нежно розовыми пяточками ножки, приподняла вверх, заботливо подвернула сухой край пеленки.

— Крошка моя ненаглядная, — зашептала она, целуя маленькое хрупкое тельце. — Счастливая ты, в рубашке родилась...

— С ней, кажись, все в порядке, — сказала бабка, взглядывая из-под очков.

— Думала, пропало дитя, — заговорила молодая, успокаиваясь. — Слава богу, отдышалась. С каким нетерпением ждали мы его с мужем...

— А я, грешным делом, подумала, что неладно с рассудком у тебя, дочка. Что ж... ничего удивительного. Времечко-то какое? Все может случиться... — говорила бабка, усаживаясь на свой узел.

Мариана отчетливо вспомнила, как вместе со всеми замирала от страха при налетах, и, преодолевая противную слабость в ногах, бежала на крик, перевязывала, приводила в чувство, помогала ослабевшим взобраться в вагон. Сердце разрывалось от жалости к тем, кому уже нельзя было помочь...

— Стой, кто идет! — прозвучало в ночной тишине. Оклик патрульного отвлек Мариану от тяжелых воспоминаний... — Прошу пройти на ту сторону, здесь хождение запрещено.

Девушка вспомнила, что днем здесь упала бомба и не разорвалась. Теперь этот участок оцеплен. Она молча перешла дорогу.

Когда Мариана вошла в общежитие, был уже поздний час. Но девушки не спали. Побледневшие, осунувшиеся за эти дни, они вздрагивали от каждого стука, скрипа дверей.

А ведь совсем недавно в этой комнате кипела молодая студенческая жизнь. Люба спорила с Верой о кинофильме “Дети капитана Гранта”; Маруся затыкала уши, чтобы не слышать, как Лина разучивает на гитаре новую песню; Устя, собираясь на танцы, часами вертелась у зеркала, а Ваня терпеливо ждал ее в коридоре. Все это теперь казалось таким далеким, словно с тех пор прошла целая вечность.

Долго в ту ночь не могли уснуть девушки. Мариана рассказала им о посещении военкомата и своем решении уйти на фронт.

— Своими руками буду стрелять в них. Разве это люди? Хуже собак бешеных, чертовы фашисты.

Только под утро смолк в комнате горячий шепот. Но спать так и не пришлось: началась бомбежка.

Это была последняя ночь, которую Мариана провела в общежитии. На второй день ее зачислили в часть медсестрой. Началась незнакомая, суровая солдатская жизнь. Мариану Флоря часто приглашали в качестве переводчицы в штаб. Однажды ночью, когда допрашивали румынского офицера, в кабинет вошел майор. Он присел к столу, внимательно стал следить за допросом. На гимнастерке его блестел орден Красной Звезды. Пленный все чего-то жался. Он хватался то за живот, то за голову, стараясь увильнуть от прямых ответов.

— Отправьте его, пусть подумает. Потом заговорит, — вмешался майор.

Когда пленного увели, майор обратился к Мариане:

— Давно переводчиком работаете? Из вас бы неплохой контрразведчик вышел...

— Я не переводчик, я медсестра. Это так... — смутилась девушка. — Здесь много румынских пленных, и вот я иногда помогаю.

— Интересно, — сказал майор задумчиво и стал делать какие-то пометки в записной книжке. Затем внимательно расспросил Мариану, кто она, откуда, как попала в армию. Но очередной налет прервал их разговор.

На следующее утро стало известно, что майор прибыл отбирать людей для выполнения каких-то специальных заданий.

— Как фамилия той девушки, молдаванки, что вчера допрашивала румынского капитана? — спрашивал в это время майор у начальника дивизионной разведки.

— Какая из них? У нас пять молдаванок...

— Маленькая, с большими светлыми косами...

— А-а-а! Мариана Флоря! Она у нас смелая, бегаёт по передовой во весь рост. “Я, говорит, маленькая, меня не заметят”. Старательный работник.

— Как вы посмотрите на такую кандидатуру для нашей работы?

— Да, она, пожалуй, подошла бы. Девушка исполнительная и серьёзна не по годам...

* *
*

Мариана и впрямь была любимицей в части. Уважали её красноармейцы за смелость, за то, что в беде никогда не оставляла товарища. Бывало, под огнём проползёт, перевяжет, притащит раненого.

Неудивительно, что прощались с Марианой в части не без сожаления и грусти. А подруги не удержались от слез: когда-то увидятся вновь?

Спустя несколько дней Флоря была уже далеко от своей части. Она сидела за длинным столом и старательно выстукивала точки и тире. Все её мысли были теперь заняты одним — освоить хорошо рацию и азбуку Морзе.

Что будет потом, она не знала. Но ей очень хотелось, чтобы это “потом” наступило скорее. Она стремилась снова на фронт, поближе к родным днестровским берегам, и не сомневалась, что раньше или позже ступит на свободную от фашистов землю родной Молдавии.

Преподаватели школы были довольны успехами девушки. В самом деле, в несколько дней она усвоила месячную программу. И никто, кроме дневального, не знал, что Мариана после занятий просиживает за ключом до глубокой ночи. Эти успехи окрыляли Мариану, и она училась ещё усерднее. Несколько раз командир беседовал с ней. Девушка начала догадываться, что её готовят для серьёзного задания. С этой мыслью Мариана однажды постучалась в дверь кабинета начальника.

— Войдите. Что случилось, Флоря? — спросил майор Петров.

— Разрешите обратиться с просьбой.

— Слушаю вас, — майор внимательно посмотрел на Мариану. За другим столом черноусый капитан перелистывал какие-то бумаги.

— Говорят, теперь требуются радисты для партизанских отрядов. Отправьте меня...

— Любопытно, — сказал капитан, отрываясь от бумаг. Он окинул Мариану взглядом. — Мне такое заявление нравится, признаться. Сколько же вам лет?

— Восемнадцать исполнилось, значит, можно считать девятнадцать, — выпалила Мариана.

— М-да-а... Девятнадцатый, говорите, пошел. Маловато. М-да-а... маловато. — Капитан поднялся из-за стола, сунул руки в карманы галифе и стал прохаживаться по кабинету, все повторяя свое “м-да”. Мариане почему-то не понравился капитан, и она с раздражением проговорила:

— Не моя вина, что молода... Я хочу служить Родине и прошу направить меня на фронт или в партизанский отряд, или... — что-то перехватило у нее горло. Мариана сделала над собой усилие. “Не хватало еще разреветься здесь, как маленькой”, — подумала она, стиснув зубы. Детски обиженное и в то же время упрямое выражение лица тронуло капитана. Он остановился перед девушкой и весело сказал:

— Ух ты, какая сердитая. Это хорошо. Солдату злость нужна. Только учти, лес — не дом. Придется прыгать с парашютом. К тому же ночью. А горячиться не надо, — капитан улыбнулся, повел девушку к стулу, усадил.

— Вот так. Отдохни.

Он разговаривал с ней, как с девочкой. Мариана действительно понятия не имела о жизни партизан в лесу. Она бывала в молдавских Кодрах. Но то прогулки. А ночью бывать в лесу не приходилось. Но девушка и не думала отступать.

— Я не боюсь. На передовой, думаете, легче было? Не могу я сидеть больше здесь, когда народ воюет.

— Да вы и впрямь героем выглядите. Ну-ка, посмотрим вашу боевую характеристику.

Майор протянул капитану папку — личное дело Марианы Флоря, и тот углубился в чтение.

— Ну вот и познакомились. Молдаванка, значит? Так, так... Румынский знаете?

— Раз знаю молдавский, значит, разберусь в румынском тоже, — сразу повеселев, ответила девушка.

— Отлично. Думаю, что ваша просьба будет принята во внимание. — Капитан поднялся, давая этим понять, что разговор окончен.

На следующий день Мариану вызвали к начальнику школы. Там был и вчерашний ее собеседник.

— Итак, продолжим наш разговор. Садитесь, — капитан предложил ей стул. Сегодня он казался более приветливым, и большие, закрученные кверху черные усы не пугали, как вчера. Мариана почувствовала себя увереннее.

— Командование решило удовлетворить вашу просьбу. Хотим поручить вам весьма ответственное дело, капитан говорил медленно, поглядывая то на девушку, то на майора.

— Я готова выполнить любое задание, — сказала Мариана, вставая.

— Сидите, сидите. Верю, что готова. Иначе и быть не может. Я и не представлял себе, чтобы комсомолка отказалась выполнять задание партии...

— Меня пошлют в отряд?

— Нет, не в лес к партизанам, а вообще, в тыл противника. Возможно, в большой промышленный город или в села, занятые фашистами. И там придется действовать не день и не два, а месяцы. Придется на время забыть, кто ты в действительности, расстаться со своим именем...

Мариана напряженно слушала.

— Тебе придется приспособиться к тем условиям, в которых будешь работать, — продолжал капитан, незаметно переходя на дружеский тон. — Без этого нельзя быть разведчиком. А армии нашей нужно все знать о противнике. Идет война. Большая война. И она требует больших усилий всего нашего народа на всех участках... Запомни, что разведка — один из самых ответственных, самых тяжелых, рискованных участков. Разведка — это глаза и уши армии. Ты столкнешься с трудными загадками. Их невозможно предугадать, и ты должна будешь сама справиться с ними — не столько силой физической, сколько смекалкой, ловкостью, изворотливостью. Словом, умом. Ясно, дочка?

— Постараюсь все выполнять, как нужно.

— Ну, тогда, значит, готовься. Прежде всего — готовь свои нервы, — капитан крепко пожал ей руку.

Мариана теперь уже знала, что скоро пойдет выполнять свое “большое задание”, так она называла его про себя. Ее ожидают большие испытания. Хватит ли мужества? Не струсит ли она?

— Нет, не струшу, — горячо шептала Мариана в подушку. — Не боялась же ночевать на винограднике, взлетать высоко на качелях... Да, но качели — не парашют. А вдруг он не раскроется. Что тогда?

Всю ночь она не могла уснуть. Лишь под утро забылась чуткой дремотой, сразу же увидела себя в самолете и испуганно вскрикнула...

* *
*

Мариана прибыла в город Н, представилась новому начальнику.

— Отправитесь в Молдавию, — сообщил он.

— В Молдавию?.. — Мариана не смогла скрыть волнения.

— Да. В Молдавию, — подтвердил полковник, — Я понимаю вас — увидеть родные края теперь не каждому удастся...

Перед мысленным взором Марианы, как живые, возникли курчавые виноградники, сады, родное село и доброе лицо матери... Она покраснела и не могла выговорить ни слова. В последнее время Мариана много слышала о зверствах гитлеровцев на оккупированной территории, о страшной участи некоторых партизанских семей. Ей представилась такая картина: оккупанты ловят ее. обнаруживают рацию, арестовывают мать, избивают, мучают, а она, Мариана, бессильна ей помочь...

Девушка тряхнула головой, чтобы отогнать ужасное видение.

— Я просила бы вас послать меня в другие места. Понимаете, не в Молдавию, хотя мне очень хотелось бы...

— Почему? Вам не подходит наше предложение? Что вас смущает?

— В нашей работе, сами понимаете, всякое может случиться. А я... я не имею право рисковать жизнью родных. Ведь из-за меня может погибнуть мать, — ответила девушка, опустив глаза.

— Вот оно что. Так и сказали бы сразу. Причина заслуживает внимания... Однако разведчик сильнее, когда Он знает язык, обычаи.

— Я говорю по-украински. Может, туда бы?

— Хорошо. Подумаем.

* *
*

Мариана стала готовиться для переброски на оккупированную немцами территорию Украины. Начались горячие дни. Мариана подробно изучала район действия, свою новую роль, проверяла рацию.

В спутники ей или, как выражались разведчики, в напарники, предназначался сорокапятiletний железнодорожник Петр Афанасьевич Кравченко. По документам Мариана значилась его племянницей. Нужно было хорошо познакомиться, привыкнуть друг к другу.

...Наконец подготовка окончилась. Ночь вылета была звездной. Молодая луна уже закатилась. Поэтому небо казалось очень высоким. Из его бездонной глубины вниз смотрели тысячи ярких звезд, словно подсматривали чьи-то глаза.

На аэродроме царило оживление. Летчики любят такую погоду. Мимо Марианы и дяди Пети, которые сидели в ожидании команды, сновали люди: то гражданские, то летчики с большими, как бы стеклянными планшетами.

То тут, то там, в разных концах аэродрома раздавалась короткая команда: “Винт”, “Есть винт”, “Готово”. Из темноты доносился рев моторов.

“Бомбить, наверно, полетел или десант повез”, — подумала Мариана и не то от ночной прохлады, не то от мысли, что приближается ее вылет за линию фронта, съезжилась. Но вот к ним подошел инструктор Павлик, как всегда бодрый, веселый. Мариана невольно подумала; “Вот счастливый. Никогда не унывает”.

Погода как по заказу, — сказал Павлик. — Скоро и вам карету подадут. Как настроены?

— Как перед балом, — ответил дядя Петя.

Мариана улыбнулась шутке своего скороиспеченного “дяди”, радуясь в душе его бодрому настроению.

— Прекрасно. Бал начнется через часок. Ты, дивчинко, смотри не вздумай затяжной сделать. Помнишь, как тогда? — крикнул Павлик и исчез в темноте.

О, она хорошо помнила свой первый прыжок. Это было в тот день, когда прибыли на аэродром для сдачи экзаменов по парашютному делу.

...У-2 набрал необходимую высоту. Послышалась команда “Приготовиться”. Мариана должна была выбраться на крыло. Но она мешкала. Ее словно что-то приковало к кабинке. Самолет сделал круг над поляной, на которой было выложено большое белое “Т”. Мариана снова услышала: “пошел”. Это означало, что надо прыгать. Но она медлила. Летчик заметил нерешительность девушки и, набрав высоту, повторил круг. Мариана вылезла кое-как на крыло, при взгляде вниз ее охватил ужас. Пальцы намертво прикипели к фюзеляжу. Летчику, однако, было знакомо такое состояние новичка. Он спокойно и плавно накренил самолет и скомандовал “пошел”.

Мариана полетела кувырком. Но... парашют не открывался. Земля надвигалась с сумасшедшей скоростью. Еще несколько секунд и... Но тут над ее головой взвился белый купол. Величаво покачиваясь, он спустил свой легкий груз на землю. А к месту приземления уже мчалась “скорая помощь”.

Разехонька, что благополучно окончился ее первый прыжок, Мариана ловко вскочила на подножку подоспевшей санитарной машины. У большого автобуса, что служил полевым кабинетом начальнику, она спрыгнула и с подчеркнутой храбростью поднесла руку к козырьку и хотела отрапортовать. Но не тут-то было. Разгневанный начальник Борис Петрович Меркулов не дал ей и рта раскрыть.

— Кто позволил это лихачество в воздухе? Почему сделали затяжной? — почти крикнул он.

— Затяжной? — изумилась Мариана. — Я, я... — ее перебил прибежавший летчик.

— Товарищ майор! Разрешите доложить. Она не виновата. Растерялась с непривычки... Ну, повезло девчонке. А я уж думал все, убьется насмерть.

— Вот как... — майор сразу остыл. — Тогда молодец. Счастливо отделалась. А я подумал, самовольничает...

Снова из темноты вынырнул Павлик, отвлек ее от воспоминаний.

— Товарищи! На посадку. Пора...

* *
*

Самолет поднялся в воздух и взял курс на запад. Дядя Петя примостился на лавочке и все поглаживал свои рыжеватые, прокуренные махоркой усы. Он держался спокойно, уверенно и этим спокойствием заражал окружающих.

“Хорошо, что у меня такой надежный товарищ”, — думала Мариана и старалась держаться так же бодро.

Но вот послышался голос штурмана:

— Приближаемся к фронту. Будьте готовы к прыжку, если самолет будет обнаружен и подбит.

Петр Афанасьевич вздрогнул:

— К фронту, говорите, подходим? Значит, мы его никак не обходим? — в его голосе сквозил такой панический страх, что девушке показалось, будто этого человека подменили.

— Прыгать на линию огня? — все спрашивал дядя Петя.

Мариану неприятно поразила эта неожиданность.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Еще ничего не случилось, а он уже труса празднует. Что же будет там? — возмутилась она. Но тут же подумала: “А тебе самой не страшно? Помнишь, как ты обругала на аэродроме двух парней, которые хвастались, что прыжок с парашютом, мол, плевое дело. Разве не ты им ответила: “Только хвастун может говорить, что прыгать с самолета пустяковое дело”. А сейчас, разве мне не страшно? Страшно, конечно, но в панику я не бросаюсь, вот в чем дело”.

Она взглянула в окошко. За ним зияла бездонная пропасть. Черные тучи пронизывало красное зарево. То тут, то там вспыхивали языки пламени. Шли над лилией фронта.

Еще немного времени, и зарево передовой осталось позади. Разведчики летели в полной темноте. И хотя они знали, что самолет идет над селами и деревнями, нигде не заметили ни одного огонька.

— Ишь как соблюдает маскировку немчура, — проговорил дядя Петя, тоже выглянув в окошко. Он, видимо, справился с собой, и у Марианы отлегло от сердца.

Самолет начал разворачиваться, потом как будто застыл в воздухе... Нет, он кружил, разыскивая место, которое на карте у разведчиков было обведено красным кружком. Мариана нашла ощупью руку дяди Пети, показала ее — пора...

— Приближаемся к цели, — сообщил Павлик, прорванный “толкачом”. В его обязанности входило помогать нерешительным прыгать со всеми вместе.

Над кабиной пилота загорелась лампочка — единственная светлая точка в окружающем мраке.

— Приготовиться, — прозвучал голос штурмана. Павлик подошел к Мариане, помог встать — на ней был груз, пожалуй, тяжелее ее самой... Дядя Петя сам поднялся, и, придерживаясь одной рукой за стенку, двинулся к двери самолета.

— Больше веры в себя и все будет в порядке! — приободрял Павлик, нагибаясь к Мариане. Он был очень высок. Часто на аэродроме, когда он становился рядом, она умоляла шутя: “Садитесь, прошу вас, вы прямо Гулливер”. В ответ он громко смеялся и опускался на корточки. Теперь однако было не до шуток.

— Когда в третий раз вспыхнет лампочка, прыгайте! Ну вот, пошел! — и он легонько тронул плечо Марианы. — Вперед...

Выбросившись из самолета, Мариана через несколько секунд почувствовала резкий толчок; казалось, кто-то сильно рванул парашют вверх, к самолету. То был динамический удар — важный момент для парашютиста. “Есть толчок, значит парашют послушно раскрылся... — вспомнился Мариане инструктаж на сборе парашютистов. — Теперь главное — приземлиться правильно, где надо”. Над головой у нее покачался в темном небе раскрытый купол; даже в темноте казалось, что это плывет по ветру огромный цветок. Девушка удобнее устроилась на лямках и оглянулась.

— Вот вы где! — вырвалось у нее при виде второго парашюта, который плыл невдалеке.

“Молодец, дядя Петя, — подумала Мариана, — прыгнул сразу за мной. Только бы хорошо приземлиться, остальное зависит от нас!”.

Тут она заметила, что парашют сносит в сторону. Внизу послышался гудок.

Что это? Неужели железная дорога? Так и есть. Внизу огоньки...

Мариана лихорадочно подтягивает стропы, стремясь уйти подальше от этой западни. Хоть бы еще немного отнесло. Она поворачивается то лицом, то спиной к ветру. Маневрировать приходится очень быстро, время измеряется секундами. Немцы ведь расставляют патрули по железной дороге через каждые пятьдесят метров. Надо быть готовой ко всему. Мариана решительно отстегнула ножные ремни и повисла на широком опоясывавшем ее ремне. Ухватилась обеими руками за стропы, поджала ноги. Приземлилась, упав в какие-то кусты, оказавшиеся кукурузными стеблями. Поезд гудел где-то в стороне. Девушка перевела дух. Первая опасность миновала.

“Ох, спасибо тебе, Павлик, за науку. Не сдобровать бы мне сейчас без нее”, — благодарно подумала Мариана об инструкторе по парашютному делу.

Она высунула голову из кукурузных зарослей и осмотрелась. Дяди Пети не было... Где-то он, бедняга, приземлился...

Зарыла парашют, лопаткой сгребла сухую землю, заровняла место. Подумала было спрятать и остальной груз, но оглядела местность и, не заметив никакого ориентира, решила взять все с собой до встречи с напарником.

Мариана вышла из кукурузы. Под ногами чувствовалась жесткая стерня. Девушка часто останавливалась, через каждые две-три минуты повторяла условный сигнал-пароль. Но вокруг было тихо. Только изредка спросонья вскрикнет птица или прощуршит потревоженная ящерица. Это был тыл врага, и девушке чудилось в каждом шорохе, в каждом дуновении ветерка что-то враждебное. Затаив дыхание, она прислушивалась. Затем, присев, долго и напряженно взглядывалась в темноту — не идет ли кто. Но поле было мертвым.

Встретились они с Петром Афанасьевичем уже перед рассветом. Увидев его, Мариана сразу повеселела. Теплее на душе стало от мысли, что она не одна. Но дядя Петя пришел с пустыми руками. Без рюкзака, без оружия, а главное — без сумки с комплектом радиопитания. Это удивило и обеспокоило Мариану. Все же она искренне обрадовалась и крепко пожала руку напарника.

— Вы все спрятали, чтобы легче двигаться? — спросила девушка, ласково глядя на дядю Петю. Ведь теперь на занятой врагом земле этот человек был для нее самым близким, самым родным.

Тот молчал.

— У вас хороший ориентир? Не потеряете направление? — спросила Мариана, уже подозревая что-то неладное.

И действительно, случилось то, чего Мариана не могла и предположить.

— Эх, какой там ориентир! Пропали мы с тобой, дочка, — дядя Петя безнадежно махнул рукой, присел в сырую стерню и обхватил руками колена.

У Марианы похолодело в груди.

— Что такое? Где батареи, автомат? Что вы сделали с парашютом? — вскрикнула она.

— Не шуми, милая. Слишком молода, чтобы кричать на меня. А насчет амуниции... Как завидел я, что лечу на железную дорогу, сразу пробудился, как от спячки. Посмотрел вниз и понял: там мне и могила. Ну, и побросал, значит, все, что на мне нацеплено было. Пусть меня лучше фрицы поймают, в чем мать родила. Все же шанс на жизнь какой-то останется. А ты, я вижу, бодрисься?

В темноте Мариана не видела его лица, но в голосе уловила ядовитые нотки и вздрогнула, как от прикосновения змеи.

— Перестаньте паясничать! Скажите лучше, что вы решили? Может, отправитесь в гестапо и доложите, что вот, мол, мы, советские парашютисты, прибыли сюда разведкой заниматься, но решили сдать и просим вас не обижать... Так?

— Не говори глупостей! Я советский человек и никогда не продам свою Родину. Но... и подышать, как собака, или висеть на столбе тоже не охота. Вот я и решил и тебе советую — давай вернемся назад. Какой из нас тут толк? А там еще пользу можем принести.

Мариана вскочила, голос зазвенел от гнева:

— Гадина, вот кто ты, а не советский человек. Такое доверие, оказали, а вы? Предатель... А еще туда же старшим шел.

— Предатель? Да ты что? За такие слова, знаешь...

— Трус — то же, что и предатель. Жаль, не разглядели вовремя... А ну, руки вверх!

Петр Афанасьевич растерялся. Он не ожидал такого поворота.

— Доченька! Я ведь, я...

Молчать!.. Жаба в болоте тебе “доченька”...

— Пожалей старика. Грешен я, не проверил своих сил, не знал, что нервишки у меня никуда не годятся.

— Зачем же тогда согласился? Насильно никто ведь не заставлял?

— Не знал себя, видать... Не приходилось такое переживать. Сам же я попросился. А оно, выходит, что человек смел, пока не видит своими глазами смерть, — оправдывался Кравченко.

— Не человек, а тварь, — прервала его Мариана. — Такое дело доверили, а он о своей шкуре печется.

— Родину ты лучше не трожь, а не то... Я за себя не ручаюсь. Нервы мои израсходовались — вот она причина-то проклятая.

“Что делать? Оставить его — опасно, — думала Мариана. Попадет в лапы первому встречному немцу, — выдаст с головой... Скоро рассвет. А ну, как найдет кто-нибудь парашют или батареи, что тогда? Не миновать беды... Нет, его от себя нельзя отпускать”. Ну, нечего отсиживаться. Пошли... Куда же идти? Тут на каждом шагу рискуешь головой!

— Куда велю, туда и пойдете.

Так начался первый день разведчицы в тылу у врага. Вокруг царил мертвая тишина, каждый шорох настораживал. Но все же это была своя земля. “А в своем доме и стены помогают”, — вспомнилось Мариане. Она шала, что на оккупированной гитлеровцами территории находились сотни и тысячи советских граждан, готовых прийти на помощь Красной Армии. Многие из них искали связи с партизанами, помогали им, укрывали. Ей рассказывали, что люди, заслышав в ночи звук советского самолета, не сбросившего бомбы, выходят встречать парашютистов. И все-таки надо быть очень осторожной. А дядя Петя, как назло, то громко чихал, то кашлял. Он часто спотыкался, ему все мерещились немцы...

— Кто-то перешел дорогу, — испуганно шепнул он, останавливаясь. Остановилась и Мариана. Они притаились на кювете. Долго длились минуты ожидания. Мариана не выдержала:

— Что вы панику зря поднимаете? Возьмите, наконец, себя в руки. Предупреждаю, чтобы это было в последний раз...

Они разулись и в одних чулках двинулись дальше. Мариана шла, согнувшись под тяжестью груза. В одной руке она держала наготове браунинг. Впереди шел дядя Петя. Он как-то семенил и был похож на наказанного мальчишку.

Наступил рассвет. Парашютисты двигались уже около четырех часов. Стороной обошли первое селение. По всем расчетам, от места приземления их разделяло примерно восемь-девять километров. Компас показывал, что держались они нужного направления.

— Утром пойдем на встречу с “Тополем”, — предупредила Мариана своего напарника, невольно занимая место старшего. — Но смотрите, если и там струсите, первый же фашист, который нас заметит, арестует наверняка. Тогда уж, действительно, не миновать того, чего вы страшитесь.

— Ладно, не беспокойтесь! Будь по-твоему, — ответил он, оправившись немного от первых приступов страха

На востоке загорелась утренняя заря. Парашютисты свернули с дороги и укрылись в зарослях кукурузы.

— Отдохнем немного и сориентируемся...

Дядя Петя растянулся на земле, а Мариана присела на рюкзак и задумалась. Не верилось, что только вчера она была среди своих, расхаживала свободно, разговаривала громко, не боясь, что ее услышат. А сейчас надо глядеть в оба, остерегаться каждого кустика. Да еще с напарником повезло, как утопленнику... “Забрали б лучше его обратно и дело с концом”, — подумала девушка, с отвращением взглянув на бледное лицо Кравченко.

— Надо двигаться дальше, пока окончательно не рассвело.

Кравченко неохотно повиновался.

К селу, раскинувшемуся в широкой долине, подошли уже утром. Кое-где над хатами дымились трубы. Прохладный ветерок доносил острый запах горелого кизяка.

— Укройтесь вон тут, за кустом, и ждите, пока я разыщу какую-нибудь яму или другое подходящее место, — приказывала Мариана.

Дядя Петя не заставил себя долго просить и сразу вытянулся на жухлой, покрытой инеем траве.

— Смотри, не заблудись, упаси бог, — напутствовал он девушку, заботясь не то о себе, не то о ней. В его словах звучала неподдельная тревога.

Мариана смягчилась. “Может, он все же преодолеет страх”, — с надеждой подумала она. Вслух сказала:

— Не беспокойтесь. Только не подымайтесь и не демаскируйтесь. Я вас найду.

Вернулась она спустя полчаса.

Они закопали мешок с батареями. Затем Мариана набрала немного глины в мешок. В другом месте зарыла рацию, гранаты, автомат. Пистолет она вложила в небольшую сумку, которую спрятала в мешке с глиной. Покончив с этим, разведчица раскрыла карту.

Вот и две церкви: одна в середине села, другая в северной части. Северо-западнее Диканьки находилось другое село — Васильково.

— Приземлились мы неплохо. Находимся сейчас недалеко от цели, — сказала Мариана. — Теперь надо связаться с центром, дать знать о себе и можно приступать к выполнению задания.

Старик вдруг вскочил и, видимо, позабыв, где находится, громко заговорил:

— Ну, что мы здесь можем сделать? Подумай сама, кругом немцы...

“Он предатель или свихнулся?” — Мариана сурово приказала:

— Ложитесь, немедленно ложитесь и разговаривайте шепотом, идиот...

Старик послушно припал к земле.

Наступил день, суливший бог весть какие неожиданности. Требовалось разумно обдумать каждый шаг, каждый поступок, а тут — на тебе. Мариана не знала, как поступить со своим напарником или как его назвать теперь.

— Ну что мне теперь с вами делать? Вы знаете права разведчика в тылу у врага. Прежде, чем вы попытаетесь меня предать, я пристрелю вас, и концы в воду...

— Я не предатель, клянусь, — взмолился дядя Петя. — Говорю, нервы у меня никуда не годятся. Прости ты меня, дочка. Видно, не помощник я тебе. Об одном прошу, оставь меня здесь. Устроюсь где-нибудь в селе или потихоньку перейду линию фронта.

— Значит, бороться здесь, когда уже приземлились, страшно, нервы не выдерживают, а переходить линию фронта не страшно?

— Страшно, дочка, но не хочу тебе мешать...

Ей странно и неприятно было видеть, как по изборожденному морщинами лицу Кравченко текли слезы. Мариана поняла, что от старика проку не будет и решила.

— Ладно, идите. Устройтесь возле какой-нибудь солдатки и ждите наших. Но зарубите себе на носу: к фронту ни шагу. Не с вашей храбростью туда соваться. И постарайтесь забыть обо всем прежнем. Имейте в виду — за вами будут следить наши люди. Если что замечу — разыщу из-под земли.

С запада подул ветерок. Запах дыма напомнил, что село давно проснулось, что пора двигаться. Мариана протянула дяде Пете измазанную глиной руку:

— До свиданья.

— Прощай, дочка.

— До свиданья, говорю. Не вздумайте оставаться здесь. Ну, идите...

Кравченко поплелся на восток. Мариана несколько минут глядела ему вслед. Еще вчера вечером на аэродроме и ночью в самолете он, вооруженный, с парашютом на груди, шутил, строил большие планы. Будучи много старше ее, Петр Афанасьевич казался смелым товарищем, надежной опорой. И только иногда, когда Мариана ловила его на хвостовстве, настораживалась: “Цыплят по осени считают”.

А вот сейчас он шагает по-стариковски согнувшийся, с непокрытой головой. Руки как-то нескладно висят вдоль туловища. И этот неуверенный шаг... босиком по крапиве и то лучше пройдешь. Ничего уж не могло в нем выдать парашютиста, и все же он опасливо озирался по сторонам. Мариана со злостью подумала:

“Вот такой попадает в руки гестапо, струсит и вы даст, как пить дать. Как изменился за ночь человек, вчера еще такой бравый, а сегодня — мокрая курица. Черт его знает, что у него на уме, как бы не напакостил.”

Она подумала — не перенести ли груз на другое место? Но менять планы было уже поздно. Наступил день. Из села потянулись подводы, люди. Кто с лопатой, кто с сапой на плече. Босые, с покрасневшими от холода ногами девочки выгоняли на луг тощих коров. Две женщины в поношенных фуфайках, низко повязанные платками, направлялись за глиной.

Разведчица решила дожидаться их, порасспросить. Правда, небезопасно это. Ну, да сейчас война, народ сдвинулся с места. Кого не встретишь в дороге?

Мариана умышленно нагнулась, будто собиралась поднять мешок с глиной, и услышала за спиной:

— Подожди, пособим, — заговорила одна из женщин. Она помогла взвалить мешок на спину. — Что так рано за хозяйство принялась?

— А откуда ты, девонька? Вроде не из наших будешь, — вступила в разговор другая. Она бросила лопату в яму и присела на корточки.

— Хиба ж зараз людина знае соби мисце? — заговорила Мариана по-украински, стараясь придать своей речи мягкий полтавский акцент. — Эвакуирована я...

— Так ты что с этими эвакуировалась? — прервала ее сидящая в яме.

По тому, с какой ненавистью она произнесла слово “этими”, легко было догадаться: она имеет в виду немцев.

Мариане хотелось броситься в объятия этих незнакомых, но близких ей, чистых душой советских женщин. Однако разведчица не имела права рисковать. Требовалось хорошо проверить — кто как относится к “новому порядку” прежде, чем довериться хотя бы в самой малости. Повернувшись спиной, чтобы женщины не разглядели ее лица, Мариана бросила коротко, но многозначительно:

— Да. Эвакуировалась.

— Хм! Вот как! Вакуировалась? — передразнила женщина.

— Нашла себе друзей, дуреха, — в тон ей сказала вторая. — Да только в нашем селе они не дуже держатся. Слышь! Не дуже...

Женщины презрительно отвернулись, и Мариана услышала громкое “тьфу”. Было ясно, что “дуреха” — это она, Мариана. Но именно это ее обрадовало больше чем если бы эти женщины — первые, кого встретила Мариана на оккупированной врагом территории, сказали ей что-нибудь льстивое, приятное. Сразу стало легче. Люди не сломлены духом. Они ненавидят врагов и их прислужников. Они ее, Марианины, друзья.

А ей сейчас, как никогда, нужны свои люди. Кто ей знает, что еще может выкинуть дядя Петя. Мариана решила остановиться пока здесь.

Она вошла в село. По развалинам гулял ветер, поднимал смрад пожарищ и едкую пыль. Многие хаты зияли провалами выбитых окон и дверей. Нигде ни поросенка, ни птицы домашней, чем были так богаты украинские села до войны. Все говорило о том, что здесь прошли гитлеровцы.

Девушка вздохнула, передвинула мешок с одной плеча на другое и пошла дальше. Минула хату, другую. Незаметно приглядывалась, стараясь разобраться, есть ли где немцы и много ли их.

Вот на дороге стоит машина. Возле нее возится солдат.

“Фриц”, — мелькнула догадка. Сердце заколотилось. Это первый гитлеровец, которого Мариана видит здесь. Там, на фронте, она издали наблюдала их, когда ходила в разведку. Видела пленных, но все они выглядели иначе, чем вот этот молодой невысокого роста немец, в коротенькой куртке, опоясанный широким ремнем, в сапогах с короткими голенищами. Он по-хозяйски копается в моторе и напевает.

— Точно у себя дома, сволочь! Погоди, бисова душа скоро запоешь по-другому, волком выть будешь... — думала Мариана, проходя мимо него.

...Проволока тянется по земле. На заборах, воротах, на стенах домов мелом и краской выведены цифры, знаки. Все это о чем-то говорит разведнице. Еще в школе она наизусть выучила значение всех этих значков, цифр. Глаз отмечает марки автомобилей, даже след шин.

Так прочитала Мариана первую страничку из жизни оккупированного села.

У третьей хаты она остановилась. Хотела было зайти, но двор показался слишком чистым, и девушка прошла дальше. Еще несколько хат осталось позади. Около полуразрушенной хибарки, еле видневшейся из-за бурьяна, одиноко возилась у глиняной печки старуха. Мариана шагала уверенно. На груди под вышитой рубашкой у нее хранились в узелке “документы”: справка с печатью. Среди немецких букв пауком проступала черная свастика; несколько марок и пожелтевшая фотография пожилой женщины с крестиком на груди. Эту женщину Мариана для всех называла матерью...

В документе значилось, что Диденко Мариана Григорьевна, украинка, 1923 года рождения, жительница села Россоши, Россошанского района, Воронежской области, проживает в городе Харькове.

Бумага была выдана немецкой комендатурой города Харькова, и сам комендант никогда б не догадался, что не его подпись стоит на справке. Мариана была уверена в своих документах. Но у разведчиков есть закон: “Старайся, чтобы тебя меньше проверяли”. И она стремилась свято соблюдать это правило.

Несколько секунд Мариана наблюдала за движениями женщины, потом подошла ближе.

— Добрый день, бабуся. Чи не даєте трохи води?

Женщина медленно повернулась всем своим сгорбленным телом, и в лицо Марианы глянули ее глаза, полные глубокой скорби.

Она приблизилась к Мариане и, приложила ко лбу ладонь ребром, спросила:

— Ты чья будешь, дочка?

— Сиротка я. Дядю своего разыскиваю. Один он у меня остался и того потеряла. Сил нет больше искать его. Думаю, на время наняться куда-нибудь на работу, — поспешила представиться девушка. — Изголодалась я...

— Ох, правда твоя, донько. Сколько народу нынче осиротело — страшно подумать, — сказала старуха, припоминая что-то. Спohватившись, она добавила:

— Чего же мы стоим? Ци ж окаянные, — старуха кивнула куда-то в сторону головой, — с самого ранку шныряют по дворам. Все молодых ищут, отправляют, их, как, прости господи, скот в свою проклятую Неметчину, все им мало, чтоб им повылазило... Да ты заходи до хаты, — пригласила старуха, вытирая глаза фартуком.

В хате она выпрямилась и теперь выглядела далеко не старой... Голос, взгляд, движения доказывали, что она значительно моложе, чем кажется. Видно, какое-то горе до срока состарило ее.

— Вы одни живете, бабуся? — осмелилась спросить Мариана, оглядывая неподметенный пол хаты.

— Теперь одна. Тяжко обидели разбойники окаянные и меня, старуху, осиротили. Последнюю дочку, Марусю, увезли. Вот уже второй месяц, как нет моей голубки. Всего шестнадцатый годок миновал горемычной, а где она — один господь знает. Только и живу надеждой — авось весточку о себе подаст. А сыновья все на фронте. Воюют. Даст бог, вернутся к старухе-матери. Не век же этим антихристам здесь оставаться...

Хозяйка еще раз внимательно оглядела гостью.

— А ты, лышенько, как убереглась? Не угнали тебя?

“Ну и старуха, прямо агитатор?”, — подумала Мариана и спросила:

— А вы, бабуся, не боитесь так говорить?

— Чего ж мне теперь бояться? Да и они за сумасшедшую принимают.

У Марианы полегчело на душе: она попала к хорошим, советским людям. Это все, что ей требовалось после бессонной ночи и тяжелой истории с Кравченко.

Они не успели больше ни о чем поговорить. В дом вбежала, запыхавшись, девушка. Ее большие серые глаза были широко раскрыты, длинные черные косы разметались по спине.

— Облава! — крикнула она. — Они уже у криницы...

Тут девушка заметила незнакомку и запнулась.

Хозяйка подала ей знак, указывая на Мариану, а сама вышла, бормоча что-то... Девушка схватила Мариану за руку и потащила к деревянной лестнице.

— Полезай наверх, на чердак, живо, — шепнула она, — скорее!..

Видно было, что ей не впервые приходится прятаться на чердаке этой полуразрушенной хаты. Как только Мариана вслед за ней добралась до трубы, девушка схватила ее за руку, и обе зарылись в солому.

— Будем здесь сидеть пока бабка не подаст знак выходить, — объяснила Мариане девушка. — Иначе не успеешь и охнуть, как очутишься в ихней проклятой Германии.

Когда девушки подымались по лестнице, Мариана заметила, как хозяйка, растрепанная, страшная, простерлась ничком на пороге избы и начала что-то невразумительное бормотать.

Через несколько минут послышались шаги, раздался грубый, пропитый голос:

— Ну, тут никого. Одна сумасшедшая старуха живет...

Девушка зашептала на ухо Мариане:

— Это про нашу бабку так говорят. Полицай водит гестаповцев по домам. Выискивают, где еще какая девушка или парень уцелели. Но народ уже разобрался, теперь друг друга выручают. Не знаю только, успели ли предупредить тетю Ганну. Сегодня эта облава, как с неба свалилась. А так мы заранее разнюхиваем.

В то же мгновение откуда-то послышались крики, ругань, рыдания.

— Боже мой, это она, Галина, не успела значит спрятаться. Я узнаю голос тети Ганны. Бедная Галя, что теперь с нею будет?!

Девушка тихо заплакала, уткнувшись Мариане в плечо.

— Если бы у ее матери были марки или золото, — шептала она, — тогда можно еще выручить, а так... И когда только закончится эта напасть...

Мариана видела, что и девушка и бабка ненавидят фашистов лютой ненавистью. Они принимают близко к сердцу не только свою, но и чужую беду. Вот и ее укрыли от облавы, и соседей спасают как могут. Она уже не сомневалась в них.

“В одиночку трудно бороться, — размышляла Мариана. — Надо организовать хорошую группу и начать действовать. Не давать фашистам покоя... Скорее бы связаться с “Тополем”. Вместе придумали бы, что дальше делать”.

Внизу щелкнула дверная задвижка.

— Убрались аспиды. На этот раз пронесло. Слышишь, бабка вошла в дом? — встрепенулась девушка. — Можно сходить и нам.

По лестнице медленно подымалась хозяйка. Растрепанная, худая, с запавшими глазами, она действительно была похожа на умалишенную.

— Спускайтесь, только на улицу не выходите. Могут вернуться проклятушие.

Девушки сошли вниз. Бабка сказала, обращаясь к Мариане:

— Закуси чего-нибудь. Небось, наголодалась в дороге. Леся, подай миску, — обратилась она к девушке, ухватом доставая чугунок из печи.

— Фасолька белая, больше ничего, — говорила она, пододвигая полную миску. — Кушайте и за здоровье моей Маруси, а я постерегу.

Леся села, пододвинула миску ближе к Мариане, и обе принялись за еду. За сутки Мариана здорово проголодалась. Но больше всего ей сейчас хотелось спать. Продолжительный перелет, прыжок, неприятности с напарником — все это страшно утомило ее. Однако нужно было держаться, не подавать виду даже здесь, среди своих людей. Она черпала деревянной ложкой разваренную фасоль, а в голове теснились тревожные мысли и было над чем подумать в эти минуты.

Бабка решила, что Мариана стесняется, как это обычно бывает в селе.

— Ты, ясонько, ешь, — уговаривала она. А то так стесняючись и с голоду недолго пропасть. Вон какие черные круги под глазами.

Перекрестившись, она уселась на лавочку, все время поглядывая в окно.

— Спасибо вам, тетенька, — сказала Мариана и про себя подумала: “Этот человек может мне во многом помочь”. — Я помою посуду, — спохватилась она, увидев, что бабка принялась убираться.

— Да ты, доню, устала, отдохни лучше.

— Ничего, я не устала, привыкшая я, бабусю.

Она проворно перемыла посуду и сложила ее на деревянную полочку. Старуха одобрительно посмотрела на девушку.

— Видно, работающая дивчина, — проговорила она, обращаясь к Лесе. — Натальци подошла бы...

“Что это за Наталка?” — подумала Мариана. Но спросить не решилась. Как бы не оттолкнуть старуху неуместным любопытством. Она подмела хату и стала собираться в дорогу.

— Так, говоришь, наниматься будешь?

— Думаю, бабуся. Но пока хочу дядька своего разыскать. Говорили люди, будто встречали его в городе, на железной дороге... Он у нас путеец.

— Что ж, поищи. А не найдешь, возвращайся к нам, пристроим куда-нибудь. Кто же о тебе, сиротке, позаботится?

— Спасибо, бабуся. Если позволите, я обязательно к вам загляну, — низко поклонилась Мариана, стоя уже на пороге. Но хозяйка остановила ее.

— Давай-ка опусти платок на глаза пониже. Олеся, там за печкой белая хустынка, подай ее мне. — Взяв тряпку, она повернулась к Мариане.

— Возьми да перевяжи себе руку и старайся не попадаться им на глаза. Обходи десятой дорогой... Пригожая ты, как заметят — не миновать беды.

Разведчица не могла сдержать улыбки. “До чего же мозговитая тетушка;”, — с восхищением подумала она. А вслух сказала:

— Спасибо вам большое, что как ридна ненька приголубили...

Провожать “сиротку” вышли на порог старуха и Олеся. Мариана не выдержала, обняла эту милую женщину, расцеловала ее, помахала рукой Олеся и вышла за поваленные ворота.

* *
*

Покинув эту гостеприимную хату, Мариана почувствовала острую боль за этих двух женщин, за всех советских людей, что попали под палу оккупантов. Подвергаясь ежечасно смертельной опасности, они сумели согреть душу ей, совсем чужой, незнакомой — как назвала ее бабуся — “сироте”. И таких людей надеются покорить фашисты? Да не бывать этому веке!

Как хорошо было рядом с этой умной старухой, с этой доброй девушкой. Какое сердечное тепло излучают они. Как же горько должно быть Олеся жить, крадучись в своем же селе, где еще так недавно все они — и те две, что за глиной пришли, и Олеся, и эта старушка — все люди чувствовали себя счастливыми хозяевами своей судьбы...

Мариане вспомнился сад у родного дома. В летние вечера в нем собиралась молодежь — товарищи ее и сестер. Веселый, звонкий смех, звуки гитары, песни разносились по широкой улице.

Родители усаживались на крыльце и подолгу слушали. Как они гордились своими детьми и их друзьями...

“Да разве только у них дома было хорошо? Каждый колхозный дом был полная чаша. А что там теперь?” — думала с болью в душе девушка.

Мариана вышла за околицу села. Ей оставалось пройти еще несколько километров. Полеми идти не так опасно, если обходить столбовые дороги. Главное — в сохранности доставить рацию, установить ее о надежном месте. А потом уже можно на поиски “Тополя” отправиться.

“Тополь” работал на железной дороге, знал пароль и имел задание помочь переброшенным парашютистам. Этот человек был Мариане сейчас очень нужен, особенно после того, что произошло с “дядей”.

Мариана шла по изрытым танками проселкам Украины и с болью замечала, что жизнь как будто приостановилась. Становилось не по себе, словно она шла по кладбищу. Скорее бы встретиться с “Тополем”. Эта мысль все время подгоняла Мариану.

ПОЛИЦАЙ

Мариана шла по пустынному полю, выбирая тропинки подальше от дороги, по которой то и дело снова ли автомашины, мотоциклы. Казалось, им нет края... Но вот, наконец, и город. Издалека еще виден большой дом из красного кирпича, с окнами, обращенными па запад. Наверное, бывший институт. А что там теперь? Казарма, комендатура, гестапо? Ясно одно — теперь в нем хозяйничают носители “нового порядка”.

Кирпичные трубы поднимались над крышами... А вот и речушка. Она делит предместье на две части. Так и есть. И рошица на том берегу. Сразу бросались в глаза два высоких тополя около белого дома.

“Сомнения нет. Домик и тополи те самые. Такими я их себе и представляла, — обрадовалась Мариана. — А где же мой неизвестный друг? Каждый день он должен в это время ждать у моста”.

Разведчица остановилась у речушки. Вода лениво перекачивается по камешкам. Мариана уже намеревалась перебраться на ту сторону, как заметила на мосту полиция. Он облокотился на перила и посматривал то на девушку, то на воду.

Мариану бросило в жар. Она почувствовала, как лицо залила горячая волна. В ушах зазвенело от быстрых толчков сердца. “Спокойствие, спокойствие, — приказывала она себе. — Главное — не терять присутствия духа”. Так всегда говорил Павлик — опытный разведчик.

Но полицаи, нагло прищурившись, смотрел прямо на нее, как бы говоря: “Ну что, милая, попалась?”

Неужели провал? Ну, нет. Еще посмотрим. Зря рассчитываешь, шакал, на легкую добычу...

Мариана подобралась и сразу почувствовала себя уверенней. Она спокойно вымыла руки, словно для этого и спустилась к воде, поднялась на мост и, не обращая внимания на полиция, двинулась в гору, по тропинке. На всякий случай повторила про себя биографию: “Мария Диденко, со станции Россош, эвакуирована...” Сзади послышались шаги. Мариана оглянулась. Ее догонял полицаи.

“Бабка как в воду смотрела” — пронеслось в уме Марианы. Полицай уже был за спиной и тихонько на- свистывал. Девушке показалось, что она слышит его противное дыхание...

“Догоняй, пожалуйста, — успокаивала она себя. — Документы у меня в порядке. Ищу своего дядю, вот и все. Плохо только, если обыскивать начнет...”

Полицейский поровнялся с ней, замедлил шаги. Вот они идут совсем рядом. Он чуть прикоснулся рука- вом к ее фуфайке.

“ТЬфу проклятый”, — зло подумала девушка, чувствуя, что вот-вот сердце выскочит.

Но тут полицейский заговорил:

— Хорошая погодка, правда? — и добавил: — И птички не покидают тополей...

Пароль? Да, это был пароль “Тополя”. Но откуда он известен полицаяу? Мариана замерла от такой не- ожиданности, но притворилась, что ничего не поняла, и удивленно спросила:

— Вы это ко мне?

— Нет. Это я так, сам с собой разговариваю, — ответил полицай, широко улыбаясь. Зубы его ослепи- тельно блеснули.

Еще одна примета “Тополя”!

Мариана терялась в догадках. А он опять повторил:

— Я говорю, что погодка хорошая, правда? — И птички не покидают тополей.

Запасной пароль! Так и есть. Или это в самом деле “Тополь” или “подсадной”. А если “Тополь”, то поче- му на нем полицейская форма? Все это требовалось выяснить немедленно. Боясь ошибиться, Мариана решила поддержать разговор.

— Вы, оказывается, говорите по-украински. Земляк, значит. А я думала, немец. Вам очень идет форма полицая, как будто всю жизнь носили ее... — не без умысла заметила она.

— Всю жизнь, говорите? Не прошло еще и двух недель, как я надел ее и еще не привык...

— Вы, наверное, до этого тоже служили в полиции?

— Нет, я был рабочим на железной дороге.

— Рабочим? Вот как. Значит, рабочим...

Разведчице становилось все более ясно, что перед ней “Тополь”. Но для чего он вырядился в эту шкуру? Между тем они подходили к домику с тополями. Наконец, он спросил Мариану, знакомы ли ей эти тополя.

— Хотелось бы узнать их поближе — ответила она. — Но что толку? У меня болит нога и я не могу за- браться наверх.

То был отзыв на пароль “Тополя”.

Полицай по-дружески улыбнулся Мариане, сказал:

— Здравствуйте. У вас все в порядке? А я ведь вас сразу узнал. Вы, ну прямо в точности такая, как мне описали: маленькая, длинные русые косы. Вам бы следовало замаскироваться получше. Красивым девушкам теперь показываться небезопасно.

— Думается, сейчас не время для комплиментов, — с досадой прервала его Мариана.

— Это не комплимент, а констатация факта. Если бы вы попали на настоящего полицейского, то убеди- лись бы, что я говорю правду.

— Кстати, для чего вы придумали этот маскарад? Я ведь могла скрыться или просто убежать.

— Ничего. Я бы все равно вас догнал, — засмеялся “Тополь”, сверкнув белизной зубов. — А в этой фор- ме удобнее, никаких подозрений не вызывает. Я перешел сюда с железной дороги, но хлопцы наши там.

Он говорил быстро, видно стремился рассеять последние сомнения все еще настороженной разведчицы.

— Я давно вас жду и уже начал не на шутку беспокоиться. Вижу, день проходит, другой, а вас все нет. Боялся, не случилось ли чего. Но ведь я ждал двоих, а вы, вижу, одна.

— У вас есть рация? — вместо ответа спросила Мариана.

— Только приемник, так сказать, собственной конструкции. Передатчика нет. Вся надежда была на ра- диста, которого обещали прислать с “Большой земли”.

В голосе парня послышалось разочарование. На его лице можно было прочесть: “Ожидал радиста, а тут, на тебе, девчонку прислали”.

— А надежные ребята есть, с которыми можно работать? — вновь спросила Мариана.

— Люди-то есть, но работать здесь очень, очень трудно. Гитлеровцы часто устраивают облавы, забирают молодежь для отправки в Германию. Только наши хлопцы еще держатся, потому что дорога железная важна для немцев.

— Об этом я уже знаю. Чуть сама не угодила в ловушку.

— А если кто попал под подозрение, — продолжал “Тополь”, — исчезает бесследно...

— А с женщинами как? Ну с замужними?

— Молодых тоже подбирают, но меньше. Неплохо, если бы вы устроились прислугой у какой-нибудь фрау.

— Почему фрау? Разве здесь так много немок?

— Немок-то не так уж много, но всякая эмигрантская сволочь вернулась и тоже называет себя фрау, — ответил с презрением “Тополь”.

— Хорошо. Об этом мы еще подумаем. А сейчас условимся о месте встреч. На встречу старайтесь приходить один. Смотрите в оба, хвоста не притащите. Учитесь отрезать хвосты. Донесения будете мне передавать через почтовый ящик.

— Через какой ящик? Не понимаю...

— Со временем поймете. Не спешите. Главное, чтоб вас не заподозрили. На время спрячьте свой радиоприемник. На завтра соберите сведения о пропускной способности станции. И еще вот что. О вас и обо мне знает один человек, которому я не доверяю. Не исключена возможность, что его немцы задержат и приведут сюда. Надо быть настороже.

— Предатель?

— Кажется, нет. Но трус, а это почти одно и то же. По крайней мере результаты одинаковые. На всякий случай запомните его внешность: худощавый, остроносый, высокого роста, усы черные, лет сорока пяти. Он железнодорожник. Знает пароль. Если появится, ни в коем случае не отзывайтесь на пароль. Повторите приметы.

“Тополь” повторил.

— Так, хорошо.

— Пусть только сунется. Я его быстро утихомирю, — сказал “Тополь”, сжимая кулаки.

— Ни в коем случае не делайте этого. Вы сразу себя выдадите. Он, наверное, будет не один. Наоборот, если убедитесь, что он послан гестапо, задержите его под каким-нибудь предлогом и отведите в полицию. Но только при условии, если убедитесь, что он продался.

— Ясно.

— А теперь давайте подумаем, где бы мне переночевать.

— Квартира есть, да далековато, правда. Километрах в пяти от города.

— А кто хозяйка? Семья большая? В каких отношениях с немцами?

— Одинокая женщина лет тридцати. Бывшая комсомолка, ударница, участвовала в слете стахановцев...

Стахановка. Мариана знает, что значит слово “стахановка”. В ее селе такие люди были окружены всеобщим уважением. Но это — до войны.

Она спросила:

— А сейчас как? Она ведь осталась в оккупации?

— Человек надежный. Муж ее в Красной Армии служит. А сама она работает, как и все, по принуждению.

— Хорошо. Скажите ей, что я ваша родственница. Увидимся вечером.

— А теперь вы куда? Вам надо отдохнуть. — заботливо спросил “Тополь”.

— Меньше задавайте вопросов и запомните это на будущее, — сказала Мариана, смягчая улыбкой резкость ответа. — Встретимся у рощицы в семь тридцать.

— Извините. Понял.

— Вот так вы мне больше нравитесь, — пошутила Мариана и протянула ему руку, которая утонула в большой сильной руке “Тополя”.

“Да, этот не дядя Петя. На такого можно положиться. В случае беды какой, смекалки и силы ему не занимать”, — отметила про себя Мариана.

К вечеру разведчица пришла на встречу значительно раньше условленного времени. Вернее, она не ушла вовсе. Расставшись с “Тополем”, она отошла на небольшое расстояние, а затем незаметно возвратилась и спряталась. Хотя парень казался ей человеком честным, все же Мариана, наученная горьким опытом, хотела твердо во всем убедиться. Она припоминала то, что ей было известно о “Тополе”.

...Иван Гриценко, слесарь, в партию вступил перед боем, попал к немцам в плен, бежал из концлагеря и через три месяца перешел линию фронта. Получил специальное задание и вернулся назад. Гитлеровцы поймали его, хотели отправить в Германию, но он сумел откупиться, дав охранявшему его полицию золотые часы. Потом устроился на железной дороге. Пока ничего не предпринимал. Ждал приказа. Все это время его держали под контролем. И он ничем не скомпрометировал себя.

— Человек надежный, — сказал Мариане майор перед отправкой на задание.

“Но почему же майор не предупредил, что “Тополь” поступил в полицию? Может, он продался фашистам?” — Мариана мучилась сомнениями. Надо проверить еще и еще раз. Дело слишком ответственное, чтобы рисковать.

“Тополь”, в свою очередь, видимо решил проверить разведчицу. Рассчитывая, что ее нет поблизости (парень и не представлял себе, что Мариана в это время изучала каждый кустик, каждую ямку в приречной рощице), он притаился за кустом, на краю дороги.

Так они стерегли друг друга около двух часов. Мариана первая заметила “Тополя”. Она взглянула на часы. Было без двадцати восемь. Встреча назначена на семь тридцать.

“Опоздаю немного”, — решила девушка.

Гриценко приподнялся, огляделся вокруг и три раза, согласно договоренности, негромко свистнул. Тихо было вокруг, только вверху чуть слышно шелестят листья. “Тополь” повторил сигнал...

...Начинало смеркаться. Они беседовали долго, пока на рощу не опустилась ночь. Потом направились в хутор. Мариана шагала рядом со своим новым другом, советским человеком, одетым в полицейскую форму. Но где-то в глубине души не переставал шевелиться червячок сомнения — верный ли Гриценко человек?

Вот и хутор. У небольшого домика “Тополь” постучал два раза в окно и шагнул к двери, держа Мариану под локоть. Она вся сжалась. Было холодно и тревожно. А вдруг дверь откроет немец? Минуты, пока открывалась дверь, показались ей вечностью.

— Привел тебе помощницу, как обещал, — проговорил “Тополь”, входя в хату. Он познакомил Мариану с хозяйкой, пожелал им доброй ночи и сразу ушел.

— Как хорошо, что Ваня привел вас ко мне. Тяжело сейчас жить одной, — обратилась к гостье Дуня. — А ночами просто страшно. Приходится просить кого-нибудь из соседок каждый раз. А вы надолго в наши края? Откуда приехали, как добрались? Сирота? Ай-ай-ай, бедняжка. Ну вот и будем коротать жизнь вдвоем. Так легче пережить эту напасть на нашу голову, — говорила хозяйка без умолку, собирая на стол.

— На них словно что-то нашло. Бегают целыми днями за молодыми по деревням, кобели проклятые. Благо наш хутор в стороне от проезжих дорог, редко заглядывают с этой душегубкой...

После ужина Дуня постелила Мариане на печи. На утро она рассказала девушке, что надо делать по хозяйству, где брать воду...

— Смотри, увидишь немцев — прячься, — предупредила она еще раз и отправилась в поле.

Мариана старалась как можно лучше выполнить все поручения хозяйки. Надо было закрепиться здесь — это пристанище как нельзя лучше подходило для ее целей. Она принялась за работу. Подмела хату, убрала. Потом, убедившись, что соседки тоже ушли на работу, заперла двери на засов и достала карту.

“Колодизивка”. Так, так. До Василькова двадцать пять километров, а вот Степановка. Тут проходит тракт, а вот примерно в этом месте закопана рация. Значит, отсюда километров с десятков напрямик. За день нужно успеть туда и обратно. Пешком не получится. Придется сказать Дуне, что останусь ночевать у знакомой. Вернусь на второй день.

Перенос рации в более надежное место было сейчас главным для разведчицы. При виде развалившегося курятника у нее возникла мысль:

“Притащу вместе с глиной рацию, а чтобы хозяйке не показалось это странным, помажу курятник”.

На второй день Мариана с утра начала действовать по намеченному плану. Она направилась в сторону Степановки — деревни, где жила бабуся, которая так ласково отнеслась к ней в тот день. Тут-то и пригодилась ее первая знакомая.

Бабуся встретила девушку радостно, накормила, уложила ее спать. На второй день Мариана попросила у бабуся тачку и отправилась за глиной.

Как обрадовалась разведчица, найдя все на месте. Здесь она еще раз убедилась, что дядя Петя — не предатель. Ведь оказался он предателем — ему ничего не стоило бы по ее следам направить полицейских или гестаповцев.

Набрав глины, Мариана спрятала в мешок свой драгоценный груз и направилась к хутору, толкая перед собой тачку. Теперь она старалась всячески обходить села, проезжие дороги, шла больше полями.

Но вот мост через балку — самое опасное место. Обойти его нельзя. Мариана постояла, оглядела дорогу в обе стороны. Она рассчитывала перебраться через мост прежде, чем появится какая-нибудь машина. Но, как назло, откуда ни возьмись — мотоцикл. Мотоциклист подъехал к балке у моста, остановился, соскочил и начал копаться в моторе. Потом спустился к воде. Мариана стояла со своей тачкой ни жива, ни мертва.

“Что делать? Вдруг немец захочет проверить груз? Но и стоять в нерешительности не годится. Это может вызвать подозрение. А свернуть некуда. Риск благородное дело. Другого выхода все равно нет”. И пока немец возился у воды, Мариана перебежала через мост. Задыхаясь от усталости и волнения, она огородами добралась домой.

Она занесла в хату свою дорожную ношу, припала лицом к сумке и разрыдалась, дав волю слезам. Напряженные за последние дни до предела нервы сдали.

Наплакавшись, Мариана спрятала рацию и взялась месить глину.

На второй день, проводив Дуню, она устроила рацию на чердаке, наладила ее и в назначенное время услышал а позывные “Большой земли”. Сердце разведчицы затрепетало от радости. Далекий радист с “большой земли” показался ей самым родным человеком на свете. По ее щекам текли слезы. Не вытирая их, она торопливо работала ключом, передавая первую радиogramму. Сообщила и о случившемся с резидентом.

Радист с “Большой земли” предложил перейти на “прием”. И вот на бумаге ложится множество точек и тире. Мариана быстро расшифровывает их.

“...Поздравляем удачей. Будь осторожна. Продолжай встречи “Тополем”.

Этот ответ был для разведчицы самой большой наградой за все пережитое в последние дни.

На следующее утро Дуня, уходя на работу, наказала Мариане покопать в огороде, а к ее возвращению затопить печь.

Оставшись одна, Мариана распланировала свой день. Нужно было все успеть по дому и находить время для главного.

— Тебе пока не следует показываться им на глаза, — предупредила Дуня. — Я одна буду ходить на работу, а ты тут управляйся.

Мариану это устраивало. Она наметила место почтового ящика, дала знать об этом “Тополю”, и вот уж начали поступать информации. Первое донесение от “Тополя” гласило:

“Пятнадцать эшелонов с танками, солдатами, три — с цистернами. Направление — Полтава-Харьков”.

“Хорошо. Молодец. А вот часы отправки? Откуда прибыли? Нужны дополнительные сведения. Так передавать в центр нельзя”.

Вечером она встретилась с “Тополем”.

— Старайтесь, чтобы информации были полными. Иногда из-за нехватки одной детали информация теряет свою ценность, — инструктировала она “Тополя”. — Нашим будет трудно ориентироваться, понимаете?

— Понял. Будет сделано, — коротко ответил “Тополь”.

Еще через день Мариана посетила “ящик” и с удовлетворением убедилась, что “Тополь” действительно человек понятливый. Она поднялась на чердак, раскинула антенну и вновь услышала родной голос Москвы.

Мариана передала донесение о воинских частях, дислоцированных в городе, информацию “Тополя” о движении по железной дороге. Она получила приказ привлечь к работе хозяйку радиоквартиры. Разведчицу предупредили, чтобы она была начеку, ибо о дяде Пете ничего не известно.

День подходил к концу. Мариана выполнила всю работу по дому и теперь дожидалась хозяйки. Ее мучил вопрос — как быть с Дуней, с чего начать? Ведь надо бывать в городе, а не сидеть на хуторе и кормить кур. Надо как-то сказать Дуне, кто она. Случай помог Мариане.

Хозяйка прибежала домой страшно перепуганная. Бросила как попало узелок, лопату.

— Мариана, где ты? Слушай, что я тебе расскажу. Говорят, что немцы нашли под Васильково, отсюда верст в двадцати с гаком, парашют и еще что-то такое, какие-то батареи. Значит, у нас выброшены советские парашютисты. Немцы пообещали большую награду тому, кто поймает парашютистов. А тех, кто укрывает их, грозятся повесить. Может, бог даст, не найдут их вовсе...

— Где, вы говорите, нашли этот парашют? — спросила Мариана.

— Под Васильковым. В подсолнухах. Шелку, говорят, в нем страшно много, на пятнадцать платьев хватит. Ну да бог с ним, с шелком. Люди бы успели спрятаться...

Мариана вся похолодела. Было ясно, что это парашют дяди Пети. Этот трус даже не собрал его, не спрятал. А ну, как его самого обнаружат — не миновать беды. Разве такой сумеет молчать?

Мариана осторожно стала расспрашивать Дуню о том, что ей известно...

— Тетя Марфа рассказывает, что у ямы, где степановские глину берут, а иногда и наши туда едут за цветной глиной, потому что она только там и водится, да, так значит, повстречалась на днях ей там незнакомая женщина, — продолжала Дуня. — Может, это и есть тот самый парашютист, кто его знает? По правде скажу тебе, однако, эта тетя Марфа так умеет раздувать любое пустячное дельце, что диву даешься. Ей ничего не стоит сболтнуть, что и ее бабушка спускалась на парашюте.

— Почему?

— Почему, почему? Да разве это женское дело — на парашютах сигать? Как надуется юбка в воздухе — два парашюта получится, попробуй спуститься на землю. Не шутейное это дело. А тетя Марфа уж больно горда на выдумки. Не зря ее муж бросил и сноха сбежала от нее. Всегда-то она больше всех знает, нос сует куда треба и куда не треба.

Дуня разошлась не на шутку. Она, видно, сильно недолюбливала болтливую Марфу и честила ее на чем свет стоит.

— И многие думают так, как вы? — спросила Мариана.

— У кого голова на плечах, тот так думает. А кто вроде тети Марфы, тому пусть бог простит. Впрочем, давай-ка лучше ужинать. Проголодалась я страшно. Целый день торчат над головой немецкие надсмотрщики, как будто мы железные. Еще и сейчас не могу разогнуть спину...

— Ой, Дунечка, расскажи еще про этот парашют. Пятнадцать платьев, подумать только.

— И ты туда же, как тетя Марфа. Смотри, не болтай. А то как бы не прицепились ищейки проклятые. И потом скажу тебе — интересуйся—не интересуйся, все равно мало чего поймешь. Я и то не во всем этом деле разобралась толком.

Дуня вытащила из печи чугунок с борщом, налила в миску, нарезала хлеб. Когда уселись за стол, Мариана опять спросила:

— А что же все-таки женщины ответили тете Марфе?

Дуня посмотрела на девушку, усмехнулась, а затем все же ответила:

— Посмеялись над ней, тай годи. А бабка Ирина аж перекрестилась: “Видано ли, — говорит, — чтобы женщин с неба сбрасывали на всяких шутках”.

Сразу после ужина легли спать. Глядя в темноту, Мариана думала, как начать трудный разговор.

— Дуня, ты не спишь? — тихонько окликнула она.

— Нет, а что?

— Скажи, как бы ты поступила, если бы сейчас этот парашютист зашел к тебе и попросил спрятать его?

— Да что это втемяшился тебе этот парашютист! Спи давай.

— А все-таки, что бы ты сделала?

Дуня долго молчала. Мариана с замиранием сердца ждала.

— Не знаю, что сделала бы. Может, и спрятала...

— Э-эх, Дуня, Дуня. В таких делах разве бывает “может быть”?..

— А что бывает?

— Да или нет. Тут же судьба человека решается.

— Пусть будет “да”, — ответила Дуня.

— А не боязно?

— Боязно, конечно, боязно. Не дай бог, дознаются немцы — замучают насмерть. А только и человека не спасти тоже нельзя. Наш же он... — вздохнула Дуня. — Нет, не пустила бы его на растерзание этим извергам...

Ночь была лунная, ясная. Дуня лежала, закинув руки за голову, уставившись широко открытыми глазами в потолок.

Мариана порывисто обняла ее. За эти несколько дней она успела привыкнуть к Дуне, полюбить ее за строгость, серьезность. Сейчас открывшаяся ей душевная красота этой простой женщины окончательно покорила Мариану.

— Так вот ты какая, Дуня! — горячо шептала Мариана.

— Какая же?

— Настоящая... Человек, одним словом. Человек с большой буквы, знаешь, Дуня, кто это говорил?

— Кто?

— Горький. Максим Горький. Слышала о нем?

— Ну, а как же? Учили в школе.

Взволнованная Мариана не могла сомкнуть глаз. Она встала и подошла к окну.

В черной выси, срываясь, падали далекие звезды.

— Смотри, Дуня, ночь-то какая...

— Сколько душ погибает, — проговорила Дуня, подходя и кутаясь в платок. — Не верила я раньше в это, а сейчас почему-то верится. Ведь правда, до войны меньше звезд падало? Не было такой гибели на народ, — глаза у нее наполнились слезами. — Целый божий день гнешь спину, а на кого, спрашивается? Только и слышишь “млеко, яйки”. Чтоб им подавиться нашим хлебом. Командуют, как батраками. “Шнель, шнель” — другого слова не знают. Ох, не послушалась я доброго совета, не уехала вовремя. Боялась с маленьким в дорогу пускаться... А вышло, что ни мужа ни ребенка нет. Глаза бы мои на этих фрицев не глядели. Издеваются над беззащитными людьми. А как услышат, что партизаны поблизости или десант спустился, то трясутся, как осиновый лист! Войки!.. — презрительно протянула она. — Хоть бы почаще на них Володя бомбы сбрасывал... — Дуня всхлипнула.

— Дунечка? — схватила ее за плечи Мариана. — Слышишь?

— Слышу, но не знаю, чей, — ответила хозяйка, вытирая сорочкой слезы.

Гул мотора приближался.

— “Иван” летит! — радостно вскрикнула Дуня.

“Иваном” жители оккупированной территории называли советские самолеты.

Обе замерли, прислушиваясь. Гул мотора постепенно затихал. Мариана отошла от окна и присела у стола.

— Дуня, я должна с тобой очень серьезно поговорить. Поклянись, что об этом никто ничего не узнает.

— Что ты, Мариана, я ведь не маленькая.

— Слушай же внимательно. Мы уже несколько дней смеете, а ты даже не поинтересовалась как следует, кто я и откуда.

— Да хйба ж и так не видно? Как все мы, бедняжка.

— А может, я и есть тот парашютист, о котором говорила тетя Марфа?

Дуня засмеялась.

— Еще чего выдумашь... Какой из тебя парашютист?

— Ну, если так?

Она отошла от двери, недоверчиво склонила голову и вдруг всплеснула руками:

— Та невже ж правда? Ото було б гарно...

— Дуня, хочешь узнать о своем муже? Хочешь быть полезной Родине? Хочешь помогать советским людям, которые сражаются с коварным врагом, которые борются и за твое счастье?

Хозяйка наклонилась к Мариане, посмотрела ей в глаза и тихо, но убежденно сказала:

— Хочу. Дуже хочу. Кажы зразу, що робить?

— Дуня! Я та парашютистка, о которой говорят люди, которую разыскивают немцы. Хочешь доказательства? Вот! — Мариана быстро достала из-под подушки маленький браунинг и показала Дуне. — Предлагаю тебе боевую дружбу. Будем работать вместе. Но помни, если кто-нибудь узнает о нашем разговоре, немцы уничтожат и тебя, и меня, и всех твоих близких...

Дуня поняла, что Мариана говорит правду. Слезы брызнули у нее из глаз, она бросилась обнимать девушку, но задела рукой холодную сталь браунинга и испуганно отстранилась.

— Не бойся. Это оружие для врагов, — успокоила ее Мариана. — У нас такой порядок, без оружия — ни шагу.

— Теперь я вижу, что ты и вправду тот самый парашютист. Ну кто бы мог подумать? Прямо не верится. Ой, как я рада, если б ты знала. Сам бог тебя послал. Ой, спасибо Ване. А он, наверно, и не подозревает ничего. Скажу тебе одно — ложись на меня. Если можно, передай нашим от меня привет. Глядишь и Володя мой от меня весточку получит...

С этой ночи Дуня стала надежным помощником разведчицы. Теперь ежедневно, выходя на работу — то на копку свеклы, то на рытье окопов, она внимательно прислушивалась к разговорам, запоминала, что где делается и вечером выкладывала новости Мариане:

— Через несколько дней в город Н. придут новые воинские части из тех, что череп носят на рукавах. Ночью была облава на молодежь для отправки в Германию...

Однажды она рассказала, что неподалеку от города строится новый аэродром. Это сообщение было очень важным. И хотя Мариана уже располагала этими сведениями, сообщение Дуни подтверждало еще раз факт строительства аэродрома.

— Могла бы ты, Дуняша, пойти работать на строительство этого аэродрома? — спросила Мариана.

— Да. Только скажи, что там надо делать.

— Ты должна будешь узнать марки самолетов, изучить посадочную площадку, выяснить, как она защищена. Неплохо было бы узнать калибр зенитных орудий, сколько их?

— Посчитать-то я их посчитаю, а вот с калибром этим не знаю как быть, — развела руками Дуня.

Она понятия не имела об орудиях. Разобраться в калибрах помогли, как это ни странно, кувшины, из-под молока. Дуня их расставила на печи и, тыкая пальцем в пустые крынки, приговаривала:

— Ты только не смейся надо мной! Так я лучше разберусь.

— Большой калибр, средний, малый...

Потом она уже каждый день докладывала: больших крынок семь, средних три и так далее. Дуня оказалась очень способной ученицей.

Наконец-то, после всего пережитого в связи с дядей Петей, Мариана приобрела хороших помощников. Она вздохнула с облегчением. Чаше начала выходить в город, встречаться с “Тополем”.

Теперь ее уже не связывали домашние заботы. Дуня взяла все на себя. Мариану же она везде представляла как свою родственницу, приехавшую из-под Воронежа.

Особенно плодотворно пошла работа после радиogramмы из центра: “Кравченко обезврежен. Действуй уверенно”.

— Сегодня мы сотворили замечательное дело, — обрадовал ее однажды “Тополь”. — Хлопцы так завили гайки, что несколько вагонов полетели вверх тормашками. В течение трех часов ни один поезд не прошел на Харьков.

— И ты участвовал в этом деле?

— Разумеется. Я был за главного, — ответил он гордо.

— Молодец! — Мариана от души пожала ему руку. — А не страшно для “полицая” заниматься подобными делами?

Он посмотрел на нее удивленно:

— Зачем оскорбляешь? Я не заслужил насмешек.

— Ты зря обижаешься. Я хочу сказать, что тебе самому лично не следует принимать участия в таких операциях. Их надо организовывать через верных людей! Тебе нельзя рисковать доверием немцев. Очень важно, чтобы ты все время был в курсе их дел.

Это другое дело. Это просьба или приказ? — спросил он, втайне надеясь, что она переживает из-за него.

— Приказ!

Он сразу стал серьезным.

— Это приказ, — повторила Мариана. — И здесь, в тылу врага, приказ для разведчика обязателен так же, как на фронте, и обсуждению не подлежит.

“Все такая же строгая. Не взглянет ни разу ласково”, — грустно подумал он.

— Да не вешай носа, чужак, — мягко коснулась его руки Мариана. — Пойми, что сбросить под откос один-два эшелона и провалиться — заслуга невелика. А вот суметь организовать людей, инструктировать их своевременно и толково, руководить ими с тем, чтобы эта работа проводилась продолжительное время, — вот это значит по-настоящему оказать помощь нашим войскам.

— Ты, конечно, права, Мариана. Только поймут ли хлопцы это? Еще подумают, что шкуру свою берегут.

— Поймут. А не поймут — разъясим, — подбодрила его Мариана. — Только смотри: конспирация, конспирация и еще раз конспирация.

При помощи “Тополя” была сформирована группа из местных комсомольцев, которые до сих пор действовали в одиночку. Они догадывались, что Гриценко в полиции работает для отвода глаз, что он поддерживает связь с кем-то с “Большой земли”. Понимая, что это военная тайна, они не задавали “Тополю” вопросов. Ваня стал их руководителем по совершению диверсий на железной дороге.

Группа разрасталась. Все сложнее становилось руководить ею. Она уже насчитывала семь комсомольцев. Через Гриценко Мариана обучала ребят правилам конспирации, приемам диверсионной работы. Гриценко стал ее правой рукой. Теперь у разведчицы было много друзей, но знали ее по-прежнему только двое.

Главной задачей для Марианы оставалась разведка. Но увидев, что есть возможность заняться и диверсией, разведчица запросила по радио у командования разрешения заниматься активной подрывной работой и попросила сбросить тол, взрывчатку и все необходимое для этой цели. В ответ из центра последовал категорический запрет. Ей напомнили, что она послана на выполнение специальных заданий и не вправе подвергать себя дополнительному риску. Разведчица обязана строго соблюдать конспирацию и ни в коем случае не демаскировать себя.

Получив такой ответ, Мариана решила перестроить работу всей группы. Посоветовавшись с “Тополем”, она начала втягивать комсомольцев в разведывательную работу, давала им вначале небольшие поручения. Это

делалось в большой тайне от самих ребят, ибо ни Мариана, ни Иван не могли заранее точно узнать, как те отнесутся к новым поручениям.

Комсомольцы были довольны. Они понимали, что не пропустить несколько эшелонов к фронту — значит оказать услугу красноармейцам. Вместе с тем, каждый из них стремился делать больше для Родины, но каким образом? Можно было идти в партизаны — на Украине действовало много отрядов. Но тогда ослабнет наблюдение за движением по железной дороге. Немногословный обычно Василий Лыхварь разразился вдруг целой речью, когда Виктор Мырза предложил двинуться в лес.

— Уйти мы можем в любое время. Поднялись, и айда к батьке Ковпаку. Но помощь ли это будет партизанам? Я считаю — нет. Вот вчера Саша с Михаилом пустили к чертовой бабушке состав с цистернами. А это значит, что тысячи немецких машин остались без горючего.

— Убедил, убедил, профессор, — согласился Мырза, закрывая свой единственный глаз. Второй был закрыт черной повязкой. Виктор получил это ранение на второй же день войны. “Профессором” называли Василия еще в школе. Особенно пристрастился он к физике и математике. Бывало, за полночь просиживает над опытами. Зато на второй день отвечает так, что старый учитель сдвинет, бывало, очки на лоб и смотрит с удивлением:

— Вы, молодой человек, непременно профессором будете. Светлая голова у вас.

А теперь это имя стало кличкой молодого подпольщика, специалиста по подрывным делам.

Обо всем этом рассказал однажды “Тополь” Мариане при очередной встрече.

— А как он на язык? — спросила Мариана.

— Парень выдержанный. Этот не сболтнет, хоть режь его.

— А что, если с него начать? Дать ему поручения разведывательного характера?

— Думаю, можно.

Василий вначале обрадовался новому поручению, взялся горячо за дело. Но через несколько дней неожиданно заявил:

— Знаешь что, Иван? Думал я думал, да так и не нашел ответа. Решил у тебя узнать. — Он помолчал, пристально глядя в глаза Гриценко. — Зачем тебе эти сведения?

— Какие сведения? — удивился “Тополь”.

— Да вот те, что ты просил меня узнать — о пропускной способности вокзала? Взорвать эшелон, развинчивать гайки — это я понимаю. А такие сведения зачем понадобились тебе? Ведь они явно стратегического характера. А связи настоящей-то с нашими ведь нет.

Холодный взгляд Василия подозрительно скользнул по полицейскому мундиру Ивана.

“Не доверяет, — догадался Иван. — В самом деле, мозговит, как настоящий профессор”.

— Ладно, Василий. Позднее узнаешь. Только ты мне все-таки верь. Я, Василий, коммунист. Больше пока ничего не скажу тебе...

Иван протянул на прощанье руку и ощутил крепкое пожатие Василия. А в субботу вечером Иван пришел в церковь в надежде встретиться здесь с Марианой, как условились.

Девушка, повязанная белым с бахромой платком (что означало: все спокойно), стояла около клироса, откуда хорошо видна была вся церковь.

Ваня заметил ее, как только переступил порог. Сняв фуражку, он пробрался ближе к Мариане. На минуту они встретились глазами.

В середине службы Ваня вдруг заметил Василия. Он в упор смотрел на него. “К Мариане подходить нельзя”, — решил сразу Иван и стал протискиваться к Василию, осторожно расталкивая усердно молившихся старушек.

В церкви было душно, угар от горящих свечей насыщал и без того спертый воздух едким дымом. Ребятам такая обстановка была непривычна. Но церковь являлась самым удобным местом для встреч.

Василий подошел к Ивану и незаметно сунул руку к нему в карман. Иван посмотрел на него и тихо сказал:

— Понял.

Мариана вышла из церкви, так и не поговорив с Иваном. Но она заметила все и догадалась, что этот парень с прямыми волосами, зачесанными назад, с большим открытым лбом и есть возможно сам “профессор”, что он из группы, это было для нее ясно.

“Зачем он приходил? Не случилось ли чего? Может с предупреждением каким, — ломала голову Мариана. — Только вряд ли. Иван дал бы понять...”

— Видела “профессора”? — спросил Иван, явившись вечером на встречу. — Вот это принес.

Мариана прочла: “Суточная пропускная способность вокзала на Кременчуг пятнадцать эшелонов, на Харьков — двадцать”.

С этого дня Василий Лыхварь стал одним из активных агентов. Он со знанием дела давал самые точные донесения.

Постепенно Мариана при помощи Гриценко и “профессора” расширяла сеть своих агентов. К ней стекались сведения из пяти надежных источников. Но по-прежнему “Тополь” чувствовал, что все же где-то в глубине души у хлопцев таится недоверие к нему.

А однажды Иван уже явно заметил резкую перемену в поведении членов группы. В его присутствии они сразу меняли тему разговора, кое-кто начинал похваливать немцев, выражая раскаянье в прошлой деятельности. Иван чувствовал, что все это не настоящее, что эти разговоры неискренни и ведутся для отвода глаз.

“Что могло так их насторожить”, — ломал он голову.

“Тополь” и не подозревал, что поводом к этому послужил такой случай. Однажды Гриценко сопровождал гестаповцев по хатам. Немец разыскивал девушек для очередной отправки в Германию. Как раз в это время слесарь Степан Грибенко возвращался с работы. Увидев Гриценко в такой компании, Степан ахнул:

— Эге, братцы! Вот значит, с какой важной птицей якшается наш командир. Ну погоди же ты, шкура продажная...

На второй день ребята собрались, чтобы обсудить, что делать.

— А что, может продать, как пить дать, — говорил кочегар Гавруша Стецко, ероша свой жесткий чуб. — Раз с гитлеровцами разгуливает, хорошего ожидать от него не приходится.

— Не будем спешить с выводами, — охладил пыл ребят “профессор”. Он любил действовать по пословице “семь раз отмерь — один раз отрежь”.

— Ну нет, профессор. Пока мы будем мерить, как ты говоришь, семь раз, нас успеют десять раз сцапать. За шкуру и на мотузку. Понял? Надо это сделать раньше их, — и Степан, широкоплечий крепыш, сжал свои здоровенные кулачищи.

— Правильно. Нечего с ним панькаться, — зашумели остальные.

Ребята знали только то, что Иван ходил вместе с немцем по хатам. Но им не было известно, что вагоны с девушками отцеплены от эшелона не без участия того же Ивана. Служа в полиции, он не мог отказаться от участия в облаве. Иначе немцы заподозрили бы неладное. Но и объяснить ребятам настоящее положение он тоже пока не мог.

Когда Гриценко явился в условное место, чтобы дать группе новое задание, комсомольцы потребовали объяснения.

— Хватит нас за нос водить. Если ты не заодно с полицией — докажи это. Познакомь нас с настоящим командиром. Мы не знаем, существует ли он. И вообще больше тебе не верим, понял? — сказал Степан. Раз он сказал свое любимое “понял”, значит парень рассердился не на шутку.

Это осложняло дело. Гриценко вынужден был пообещать, что познакомит их с человеком, присланным с “Большой земли”.

— Я понимаю, что не имел права делать это. Но ведь меня подозревают в предательстве. Могут и ухлопать по недоразумению, — рассказывал он потом Мариане. — И они по-своему правы. Я на их месте поступил бы так же. А группа хорошая. Можно большие дела делать. Придется тебе, Мариана, встретиться с комсомольцами... Знаешь, что они обо мне говорят? “Может быть, он выполняет задание гестапо”. — До того мне стало обидно, — голос у Гриценко дрогнул, — что готов морду бить за такие слова...

— Ну, ну, уже и морду бить. Ладно, — ответила Мариана. — Что-нибудь придумаем. Только не горячись. Нервам волю нельзя давать.

Мариана запросила центр, сообщила мотивы и получила санкцию на встречу с подпольщиками. Командование посоветовало ей отрекомендоваться членам группы представителем от партизанского отряда.

НА ПОДПОЛЬНОМ КОМСОМОЛЬСКОМ СОБРАНИИ

В один из воскресных дней Мариана встретила с “Тополем” в церкви. Это была экстренная запасная встреча. Они стояли рядом, усердно молились, а в момент, когда все опустились на колени, кладя поклоны, Гриценко незаметно вложил в ее руку записку.

Дождавшись конца службы, Мариана поспешила домой. Не без волнения развернула записку: “Вечером комсомольское собрание. Созвано в срочном порядке, чтобы предотвратить распад группы. Ребята требуют объясниться начистоту. Прошу сделать все возможное, чтобы рассеять подозрение. “Тополь”.

Предстояло комсомольское собрание — первое здесь за время оккупации.

Мариана решила срочно связаться с центром. Пришлось выходить на запасную волну. Не разрушать же созданное с таким трудом. Люди хорошие, уже втянулись в работу, а район большой, тяжелый, насыщенный военными объектами большой важности...

“Ти-та-ти-та-та-та” — полетели в эфир условные позывные. Мариана передала радиogramму и попросила радиста с “Большой земли” ускорить ответ.

Прошло несколько напряженных минут, и в наушниках послышались знакомые точки и тире. Мариана быстро расшифровала коротенькую радиogramму.

...“Разрешаю. Вы — представитель от партизан. Соблюдайте строгую конспирацию. Передайте комсомольцам благодарность Родины”.

Расходуя драгоценное питание, радистка послушала передачу о положении на фронте, записала кое-какие цифры.

Вечером “Тополь” встретил ее в условленном месте и проводил в подвал, где собрались комсомольцы. Ребята расположились кто где мог — на камне, на кадках. Увидя, что Гриценко пришел не один, они с любопытством уставились на Мариану.

— Вот так здорово, — раздался чей-то насмешливый голос, — ожидали увидеть командира, а он дивчину привел.

— Ясное дело, — поддержал его другой, — я ж говорил вам, что Ванька сам придумал всю эту историю с Москвой.

— Перестаньте болтать, — сердито оборвала их светловолосая девушка, сидевшая впереди. — Давайте лучше выставим часовых.

— Будем дежурить по очереди, — предложил Гриценко.

Мариана глянула вглубь подвала, откуда раздавались грубоватые реплики. Потом перевела глаза на девушку. Молодая, круглолицая, она строго наблюдала за всеми. Мариана почувствовала сестринскую гордость за нее, за всех советских женщин, что встали рядом с мужчинами на борьбу с врагом.

— Да вы сидайте, — пригласила девушка. — В ногах правды нет.

Мариана благодарно улыбнулась ей и присела на перевернутую кадку.

— Ну, хлопцы, — начал Гриценко, — вы требовали познакомить вас с командиром. Так вот прошу, как говорится, любить и жаловать, — он повернулся к Мариане. — Сейчас вам объяснят, что к чему.

Прежде всего, разведчица прочитала вслух телеграмму, в которой командование благодарило комсомольцев за работу. Потом рассказала об обстановке на фронте, познакомила с планом работы на будущее.

— А теперь, Ваня, расскажи, какой ты “полицай”, — закончила она.

Гриценко объяснил комсомольцам, для какой цели он служит в полиции. Все слушали внимательно, стараясь не проронить ни слова.

Когда Иван закончил свой рассказ, ребята заговорили, перебивая друг друга:

— Вот так номер, — весело воскликнул Панас Стратийчук. — Здорово, ей-богу!

— Так какого ты дьявола молчал? Чуть в грех не ввел нас, — горячился Сергей Хоменко.

Лед недоверия таял на глазах.

— Ты, Иван, не будь в обиде на нас за то, что нехорошо подумали о тебе. Сам знаешь, время такое, что надо смотреть в оба, — сказал Степан.

— Не маленький, сам понимает, — поддержал Петр Волошин, коренастый парень, сидевший прямо на полу около большой кадки.

— Мы согласны воевать против немцев, — сказал Панас, — но я лично желал бы знать, кто нами командует... Вы, что ли?

— Слышите, ребята, он согласен? — вмешался в разговор до сих пор молчавший “профессор”, и все звонко рассмеялись.

— Может, поклонимся ему, товарищи. “Воюй, будь добр, Панасе, против фашистов”, — иронически сказал Сергей и низко поклонился, прикладывая руку к сердцу.

— Да он не так выразился, что вы к нему пристали? — заступился за Панаса Иван Гриценко.

— А что он, в самом деле, голову морочит. Тоже удивил — он согласен. Разве речь шла об этом? Все мы согласны. А только надо было все выяснить. Без твердой уверенности в товарищах в нашем деле нельзя. С лица Панаса сошла улыбка.

— Я, хлопцы, может и вправду не так выразился. Пошутил.

— Пошутил, пошутил. Шуточки все у тебя на уме. Нужно знать место и время, — перебил его Гриценко строго.

Мариана не без интереса слушала возникший спор. Она наблюдала за выражением лица каждого, старалась понять характер этих смелых людей — верных сынов Родины.

— Это хорошо, товарищи, что вы так горячо принимаете к сердцу поведение каждого. Локоть друга должен чувствоваться всюду и везде. Правильно говорите, доверие должно быть и ясность нужна, — заговорила Мариана. Она рассказала о задачах комсомольцев в этой войне, о большой роли Коммунистической партии в руководстве всей борьбой против фашистских захватчиков, о том, что именно сейчас, в дни тяжелых испытаний, каждый из них, комсомольцев, сдаст экзамен на верность Родине.

— А насчет того, что Иван коммунист, тоже правда? — спросил тот же Панас.

— Правда. И душа у него коммуниста. И это главное, — ответила Мариана. И не без удовольствия заметила, как зарделись щеки у Ивана. Смутился парень от похвалы.

...С затаенным дыханием слушали комсомольцы об обстановке в стране, там, на “Большой земле”, об обращении Центрального Комитета партии к советским людям, которые попали в оккупацию.

Не назвав себя командиром, Мариана, в ходе беседы, подробно проинструктировала комсомольцев, как они должны действовать в дальнейшем.

— Ходят слухи, что немцы в Москву вступили. Неужто правда? — спросил Панас.

— Ложь это. Москва стоит и будет стоять. Не поддавайтесь агитации гитлеровцев. Не видать немцам Москвы, как своих ушей без зеркала... — закончила Мариана.

Шумно прошли выборы секретаря комсомольской организации. Все единодушно проголосовали за Гриценко.

От имени комсомольской организации Иван дал клятву в том, что ни один фашистский поезд не будет пропущен к фронту через их станцию.

Ребята его поддержали:

— Поможем нашим братьям-фронтовикам.

— Итак, за дело, товарищи! — Сказала Мариана. — Помните, что Москва знает о ваших делах.

Попрощались они тепло, как старые друзья.

— Хорошие ребята, — сказал Мариане Гриценко после собрания. — Но о бдительности забывать нельзя...

В районе, где действовала Мариана и вся группа, размещалось пять аэродромов. Отсюда каждую ночь поднимались стаи вражеских самолетов, неся смерть советским городам и селам, разрушая больницы, школы, дома мирных граждан. Мариана радировала их местонахождение, сообщила ориентиры. Но результатов ощутимых не было. Советские самолеты могли совершать налеты только ночью. Бомбы в цель не попадали. Мариане горько становилось на душе от сознания, что фашистские самолеты по-прежнему продолжают взлетать, неся свой смертоносный груз. Гитлеровцы усиленно охраняли свои аэродромы с земли и с воздуха. Случалось, что в ночных воздушных боях над аэродромами гибли советские летчики. Каждое такое известие острой болью отдавалось в душе Марианы. Приходилось посылать очередную шифровку: аэродром не разбомблен, по-прежнему действует.

Комсомольцы из подпольной группы, воодушевленные встречей с посланцем от партизан, начали действовать смелее.

“Теперь уже можно думать о крупных делах, — решила Мариана. — Даже о том, чтобы уничтожить вражеский аэродром”. Вместе с “Тополем” они разработали план.

Прежде всего надо было выяснить, где располагается склад с горючим. Взорвав его, можно было бы на длительный срок затормозить работу аэродрома. Имелось в виду и другое. Если поднять в воздух склад, возникнет большой пожар. Советские самолеты получат прекрасный ориентир, растерявшиеся гитлеровцы не смогут оказать сопротивления. Мариана сообщила по радио этот план командованию и получила санкцию на проведение его в жизнь. С “Большой земли”, однако, требовали подробно доложить, как и через кого будет осуществлена операция, о каждом шаге ставить в известность “Большую землю”. Там понимали, что дело связано с риском для радистки.

Радиограмма заканчивалась словами: “Береги себя, не принимай непосредственного участия в осуществлении плана”.

Если начальник разрешает предпринять такую операцию, — значит объект очень важный. Надо продумать все до малейших деталей. Она перебирала в уме всевозможные варианты, но ни один из них не удовлетворял ее.

— Дуня, — спросила она однажды хозяйку, — кто из сельских парней якшается с немцами?

— Кажется, Михайло Веревка. Он связан с гестапо. Вечно с солдатами ихними по улицам слоняется.

— И с теми, что обслуживают аэродром?

— Аэродром? Нет. С ними, кажется, чаще бывает Федя Левчук, наш сосед. Он в отряде “За вильну Украину”, что черную форму носят, чума их заберит.

— Ты его хорошо знаешь?

— А как же. В женихи набивался, еще когда девушкой была. Недавно встретил меня. Говорит, мол, муж твой все равно не вернется, шла бы за меня...

— Что же ты ему ответила?

— Ну его к бису, запроданца немецкого.

— А если потребуется для нашего дела, чтобы ты с ним встретишься, Дуня?

— Хай с ним лысый дидько встречается...

— А если это очень нужно?

— Не знаю, что и сказать, — ответила Дуня хмуро. — От сраму тогда деваться некуда будет. Вот так активистка, скажут. Да и свекровь недалеко живет...

— Боишься, что муж о тебе плохо подумает?

— Да уж не похвалит.

— Если он хороший человек и любит тебя, то не поверит досужим языкам... Я буду твоим свидетелем.

Дуня долго молчала.

— Раз нет другого выхода, сделаю, как ты говоришь, — наконец, решила она.

— Постарайся, Дуня.

И она старалась. Стоило лишь только Федору пройти мимо хаты, как она тотчас же выскакивала, хватала ведро и бежала к колодцу. Еще до замужества этот парень заглядывался на нее. Однажды он не стерпел и подошел к колодцу.

— Дашь глоток воды напиться или пожалеешь? — спросил он, подойдя к Дуне.

— Хорошо, что горилки не просишь... А воды, пожалуйста, — ответила она кокетливо.

— Ты только разреши, я тебе принесу не глоток, а целую бутылку чистейшего шнапса, — с готовностью откликнулся он, нажимая на слово “шнапс”.

— Разве найдешь сейчас чистую горилку?

— Я да не найду? Можешь не беспокоиться. ХФедор все может. А для коханой и черта за ноги схватит и приволочит, — расхвастался он и ближе подошел к Дуне. Он показался ей таким противным, что она невольно попятилась.

— Ну и любишь похвастать.

— Кажешь хвастать? А як принесу! Шо тоди буде, Дунечка, серденько мое?

Дуня посмотрела на него в упор и, казалось, только теперь разглядела его отталкивающее лицо: нос картошкой, какие-то дурацкие бакенбарды, тонкие губы, вытянутые в ниточку под рыжими прокопченными усами. “Тьфу, нечистая сила. А злой, видно, как собака”, — подумала женщина. Но тут же вспомнила о задании, насильно выдавила улыбку, проговорила многозначительно:

— Там видно будет.

Вернувшись домой, Мариана застала хозяйку в слезах.

— Что случилось?!

— Ничего. Обидно до слез за мужа. Эта подлюга Левчук придет, наверно, вечером.

— Ну и чего же ты плачешь? Зайдет раз, другой, а мы выведем, что следует у него и — скатертью дорога. Я пригласу Ваню. Так беспечнее будет. Вечер проведем вчетвером — вроде посиделок... Так что гляди веселее.

Дуня вытерла слезы, умылась, повязала голову белым платком с широкой каймой, надела новый фартук.

Как только стемнело, раздался стук в окно. Дуня опустила занавеску и кинулась открывать дверь:

— Милости просим. Как раз на галушки поспели. Мы только собирались сесть за стол вечерять. Присаживайтесь, будьте гостем.

Федор снял пилотку, причесал растопыренными пальцами свою большую гриву и, важно поглядывая на хозяйку, вытащил из одного, потом из другого кармана по бутылке водки, поставил на стол и подмигнул хозяйке: “Проспорила”.

С “Тополем” Мариана заранее договорилась, чтобы он надел полицейскую форму и был наготове. Если занавеска на окне будет спущена, значит “гость” есть и можно войти.

Через несколько минут раздался стук в окно.

— Кажется, тебе придется дверь открывать? — сказала Мариане хозяйка, многозначительно улыбаясь.

Девушка смущенно прикрыла лицо передником, засмеялась и выбежала в сени.

— Кто это? — спросил Федор.

— Паренек тут один из города, знаешь его, наверно. Пригляделась ему наша дивчина, все захаживает. А она молоденькая, стесняется.

— А-а! У вас гости... Не помешаю? — спросил скромно Гриценко.

— Заходи, заходи, что застеснялся, точно красная девица? Здесь все свои, — бойко ответила Дуня, кладя еще одну ложку на стол.

Все шло как по маслу. Мужчины разговорились. Каждый старался показать, что он больше другого знает. Гриценко ловко направлял разговор, стараясь выудить у Федора интересующие его сведения об аэродроме. Мариана молчала, притворяясь, что не понимает, о чем они ведут речь, и только изредка вставляла слово.

— Русским надоело уже нас бомбить без толку, отвели наши силы и успокоились, — Гриценко подчеркнул слово “нашей”.

— Это тебе только так кажется! Им очень хочется добраться к аэродрому, прямо как коту в крынку со сметаной, да кишка тонка, — возразил Левчук, важно покручивая свой рыжеватый ус. Усами он обзавелся во время оккупации для солидности, подделываясь под запорожцев.

Выпили еще по одной, закусили. Левчук налил вновь, но Гриценко отказался пить, ссылаясь на то, что ему еще до города надо добраться, а после двенадцати к “шефу” явиться.

— Господин гауптман не любит, когда является кто-нибудь в нетрезвом виде. Особенно, если на задание надо идти. А я его любимец и не хочу портить себе репутацию.

— А мои любят меня во всяком виде. Вот за что любят. — Левчук стукнул об стол кулаком. — Знают, что тот, кого Хфедор Левчук стукнет вот этим маятником, сразу прикажет долго жить, — хвастал Левчук, поглядывая на Дуню. — Не хочешь, полицей, не надо. Ну-ка, Дуняша, тяпнем с тобой по одной.

Он налил себе чайный стакан, налила себе и Дуня. Только в хозяйкин стакан Мариана успела незаметно подлить воду, и Дуня легко выпила его.

— Люблю фрау за смелость. Чистокровная хохлушка ты у меня, Дуня. Род твой, правда, голытьба, но ты жинка гарна, достойна роду Хфедора Левчука, бо-га-а-того роду. Левчуков вся Полтавщина знавала и кланялась им. Господари, почти паны. Вот кто такие мы...

Мариана подумала — а не знает ли этот болтливый прислужник гитлеровцев чего про парашютистов, о которых все говорят. Она наивно спросила, надеясь что-нибудь выудить:

— И что это все твердят про каких-то парашютистов? Неужто правда, пять тысяч марок дают немцы за одного? Вот попался бы мне. То-то сразу разбогател” бы. Вы ничего о них не знаете?

— Хм. Мини да не знать. Половили всех чертей большевистских. Трое их было. Па эту охоту и я ходил. Вот этим маятником, — Левчук снова сжал кулак, — як стукнул, так поминай как звали.

Трое незаметно переглянулись, и в глазах их можно было прочесть:

“Ни черта ты не знаешь, хвастун”.

Тут вмешался Гриценко. Он постарался перевести разговор на старую тему, чтобы окончательно расположить Левчука.

— Твоя правда, Федор. Были твои деды хозяевами и, может, бог даст, вернется и к тебе богатство. Вот теперь немцы победят и все пойдет по-старому...

Левчук аж просиял от этих слов. Стараясь показать Дуне, что он бесстрашный вояка и друг немцев, Федор начал плести всякую околесицу.

— “Вот болтун проклятый. Тараторит аж голова болит, а о складе с горючим ни слова, — подумала Мариана, — или хитрит или не знает”.

Но Федор уже разошелся вволю:

— Э-э! — хлопнул он Гриценко по спине. — Немцы знают, что делают. Вот это, брат, вояки, я понимаю. У них что главное? Оперативность! Понял? То-то. Как одна партия самолетов взлетела, вторая уже готовая на очередь.

— Да ну? — протянул восхищенно Ваня. — И как они только успевают? Ведь один подвоз горючего требует сколько времени...

— Много ты понимаешь. Ничего он не требует. Протянул шланг, и готово...

— Ну, ты ври, да не завирайся, дружище. Где такой шланг длинющий взять, чтобы аж до склада хватило? — не унимался Иван.

— Эх ты, голова, два уха. Любимец гауптмана! Тебя, видно, немцы в полицаи взяли за красивые глаза. Ни черта ни в чем не смыслишь. Склад знаешь где? — Левчук сделал загадочное лицо. Мариана напрягала слух. — Тут же на аэродроме, но только... — Он помедлил и торжествующе закончил:

— ...Теперь он не там, где раньше был, за каменной мельницей... Не-е-т! Теперь он, знаешь, Дуня, где? Там, где вы рыли траншеи. Помнишь, налево горка небольшая?..

— Вроде видела, но там только бочка или две с бензином стояли, только и всего... Какой же это склад?..

— То тогда было, а теперь там сотни бочек с бензином. Да-а!

Мариана молчала, стараясь не упустить ни слова из сказанного этим хвастливым пьяницей. Он действительно сообщал очень цепные сведения.

Левчук совсем раскис от выпитой водки... Ваня еле вывел его за порог и спровадил домой.

— Молодец, Дуня! Хорошего окуня поймала. Мы узнали главное, — радовалась Мариана, когда остались вдвоем.

С этого вечера Левчук повадился ходить к Дуне чуть ли не каждый день.

К счастью его перевели скоро из хутора.

— Будешь меня ждать, Дуня? — спросил он, прощаясь.

— Непременно. Как же! Только и думать буду об этом, — пряча насмешливую улыбку, пообещала Дуня.

НА ОСТРИЕ НОЖА

В течение недели разведчикам удалось уточнить кое-какие подробности о складе горючего. Он находился на аэродроме, возле рощицы, окруженный колючей проволокой, через которую пропускали электрический ток. Это усложняло выполнение задания. Мариана решила посоветоваться с “Тополем”, который лучше знал местность.

— ...Есть задание! — начала она разговор. — Выполнить его надо в ближайшие дни.

— В ближайшие дни? Может быть, ночи? — пошутил Гриценко.

— Конечно, ночи.

Оба улыбнулись шутке.

— Какое задание? — посерьезнел Иван.

— Пока оно засекречено, узнаешь позже. Надо готовить взрыв. Сможешь обеспечить взрывчатку и с полдюжину гранат? Лучше бы “лимонок”?

— Есть!

На утро Гриценко доложил, что взрывчатка приготовлена. Но два последующих вечера, как назло, выдались светлые. Пришлось ждать. На третий, наконец, подул ветер, начал моросить мелкий дождь. Сразу похолодало. Начиналась поздняя дождливая украинская осень.

— Дуня, — сказала Мариана хозяйке, — этой ночью я иду выполнять задание. Не ложись спать. Будь готова ко всему. Может случиться и непредвиденное. Поэтому приглядишься, не следит ли кто за домом. Если начнется облава, — знай, что меня поймали. Поджигай дом и убегай. Да-да, поджигай. Надо идти на все. И... не плачь, родная. А пройдет все благополучно, — вернусь поздно...

— Господи, о чем ты думаешь, — прошептала Дуня. — Ты всегда верь, что все будет хорошо.

— Будем надеяться, что так оно и будет. Очень хочется жить. Но в такие минуты надо быть готовой к самому худшему. Давай поцелуемся, Дуня...

Когда стемнело, Мариана надела короткую фуфайку, накрылась большой шалью и садами, по берегу пруда, направилась на встречу с “Тополем”. В руке она несла кошелку, в которой лежала взрывчатка, прикрытая сверху картофелем. Гриценко ожидал Мариану за околицей села. Оттуда вдвоем они должны были вместе пройти несколько километров к аэродрому. Но Иван об этом только догадывался.

— Наконец-то, — прошептал он, пожимая Мариане руку. — Два часа жду под дождем. Вдруг слышу шаги, решил, что ты. Чуть не выскочил. Пригляделся — фриц приближается. Тьфу, проклятый. Ну хорошо, что ты пришла. Надо торопиться... — он умолк на полуслове. Они ясно услышали невдалеке немецкую речь.

Ваня быстро обнял девушку...

— Молчи, пусть думают, что влюбленные.

Дождь усилился. Гриценко снял шинель, и они вдвоем укрылись под ней. Только теперь Мариана сказала ему, в чем заключается задание, которое предстояло выполнить этой ночью.

— Объект взрываю я, — твердо заявил Гриценко.

— Шнур зажигаешь ты, а тол подкладываю я, — возразила Мариана.

— А как ты проникнешь на территорию склада? Риск очень велик, и ты... не имеешь права, — не соглашался “Тополь”.

— Спасибо тебе за заботу, Иван, но дело решенное. Ты вот что запомни. Если меня обнаружат, брось гранаты в разные стороны на территории аэродрома. Это запугает их, внесет панику, и мы, может быть, вырвемся. Живыми в руки нам нельзя попадаться...

...Косой дождь хлестал без устали. Намокшие листья дубняка тихо шуршали под слабым дуновением ветра. Мариана и Иван старались двигаться бесшумно. И все-таки каждый шаг отдавался острым толчком в сердце: а вдруг кто услышит.

По мере приближения к цели они все чаще останавливались, затаив дыхание, прислушивались к каждому звуку. Приседали на корточки и напряженно всматривались в непроницаемую черноту ночи. Внезапно Мариана остановилась, дернула за рукав Ивана.

— Т-с-с-с... Слышишь? Кажется, разговаривают, — шепнула она.

Иван остановился. Занесенная вперед нога так и застыла в воздухе. Мариана сдвинула платок, освободив уши. Это вошло уже в привычку: ночами она ходила с открытыми ушами.

— Показалось. Пошли, — тихо произнес Иван. Теперь они понимали друг друга с полуслова. Разговаривали короткими фразами, а то лишь одним прикосновением руки. А дождь хлестал по спине, по лицу, проникал за воротник холодными струйками. Вот они опять пригнулись к земле, вгляделись в темноту. Неподдалеку еле заметно проступали какие-то столбы. Они стояли в ряд один к одному.

— Приближаемся, — шепнул Иван. Мариана в ответ только пожала его локоть. И, словно сговорившись, оба опустили на землю и последние метров пятьдесят, я может быть и больше, двигались ползком...

Уже близка и рошица.

Разведчики остановились, опять всмотрелись в темноту. Нигде ни огонька. Только еле-еле до их слуха доносился какой-то странный звук: чвак, чвак, чвак...

— Слышишь? — спросила Мариана шепотом.

— Да. Часовые, наверное, — также тихо ответил Иван, почти касаясь губами уха девушки.

Дождь. Темнота вокруг. Тишина... Разведчики подползли еще ближе к столбам. Тот же звук — чвак, чвак, чвак — становился все более явственным. Он то удалялся, то опять приближался.

Вот, наконец, и проволочное ограждение. Разведчики не прикасаются к нему: через колючую проволоку пропущен ток.

...Часовые, закутанные в широкие плащи с большими капюшонами, медленно прохаживаются. По всему видно, что их двое. Встречаясь, они останавливаются, закуривают, пряча сигареты в рукав, и опять отправляются месить грязь: чвак, чвак, чвак...

Разведчики, изучив обстановку и сориентировавшись, решают приступить к делу. Как только часовые отделились, Иван накинул на проволоку кусок прорезиненного плаща, чтобы скрыть искру, достал кусачки и надел резиновые перчатки. Несколько минут ушло на то, чтобы проделать отверстие. Мариана наблюдала за часовыми. Как только один из них приближался, она осторожно клала руку на локоть Ивана, и тот застыл на месте. Когда же немец отдалялся, он снова принимался за свою тяжелую работу.

Ну вот, наконец, отверстие готово. Иван вначале сам пробует протиснуться через него. Но Мариана одним движением останавливает его и легко пролезает на территорию военного объекта.

...Дождь все льет и льет. С двумя шашками тола под фуфайкой девушка ползет черепашьям шагом. На секунду останавливается, припав к земле, пропускает часовых. Затем всматривается в темноту, стараясь двигаться к ориентиру. По всем данным, основной склад находится под землей, образуя ту самую горку, о которой рассказал Левчук.

Прыжок, остановка, опять прыжок. Что-то замаячило впереди. Неужто часовой или сторожка? “Не запуталась ли”, — встревожилась Мариана. Сердце колотится все сильнее. В висках стучит. “Черт побери, не туда пошла”, — думает она и закрывает на минуту глаза, чтобы дать зрению отдохнуть. Потом вновь пристально вглядывается. “Бочка, — мелькает догадка. — Вот она совсем уже близко”. Мариана тихонько подползает к бочке. Нашупав ее, подносит пальцы к носу: “Бензин!..”

Она аккуратно уложила тол, вставила в обе шатки капсулы со шнуром. Руки дрожат, спина покрылась холодной испариной, на губах — привкус соли.

Мариана находилась в центре склада с горючим. Неосторожный шаг, лишнее движение и — смерть!

“Только не теряйся, держись до конца” — твердила она себе.

Так же осторожно начала ползти назад, разматывая шнур одной рукой, а в другой держа наготове пистолет. Все шесть патронов для врага, седьмой для себя — таков был план разведчицы на случай провала.

Наконец, стали заметны столбы. Не потерять бы из виду отверстие. Вдруг Мариана замерла: прямо на нее движется часовой. Но по тому как равномерно и спокойно раздаются его шаги, девушка догадывается, что ее не заметили. Вот часовой остановился. Разведчица прильнула всем телом к земле. Одежда промокла до нитки. Сердце стучит так, что кажется, будто его слышит часовой.

...Очень хотелось жить, вернуться домой.

“Неужели все пропало? Неужели напрасны наши старания?” — с острой болью отдается в душе.

Постояв с минуту, часовой пошел своей дорогой. Мариана перевела дух: “Не заметили ничего. Господи, какое счастье...”

А вот и спасительный проход. Мариана подползает к нему. Ее сразу подхватывают сильные руки. Гриценко не выдержал. Заметив приближение девушки, он просунулся сам в отверстие, помог выбраться, чтобы она не наткнулась на проволоку.

Молча они отползли от ограждения. Иван накинул плащ, зажег шнур. Оба поползли обратно. Рассчитав, что горящий шнур уже должен приближаться к горючему, встали и бросились бежать что было духу.

Едва они успели отбежать на пригорок, как раздался страшный взрыв. Разведчики обнялись. Мариана, сама не зная почему, прошептала: “Спасибо”. Только теперь она ощутила невероятную усталость и острую боль в затылке. Они постояли минут пятнадцать, глядя, как полыхало, все разрастаясь, зарево пожара.

— Эх, хорошо бы сейчас нашим соколам долбануть с воздуха. Порядок был бы полный, — сказал Иван. — Да погода неважная.

— Погода действительно нелетная, облачность низкая, — ответила Мариана. — А жаль... Такой ориентир.

Ее прервал надвигавшийся с востока гул моторов.

— Неужели, милые, идете? — почти вскрикнула она вслух, и по щекам ее полились непрошенные слезы. А на складе творилось что-то ужасное. Густую пелену ночи разрывали столбы дыма и огня, освещая все вокруг.

Советские самолеты, согласно договоренности, зашли на цель. Паника среди немцев еще больше усилилась. В эту ночь аэродром был полностью выведен из строя. Дожливая нелетная ночь способствовала тому, что фашистские самолеты оказались на аэродроме и почти все были основательно искалечены.

Добравшись на рассвете домой, Мариана поднялась на чердак и радировала на “Большую землю”: задание выполнено!

— Теперь надо быть начеку, — предупредила Мариана Гриценко. — Утром фашисты бросятся искать виновных.

— Сейчас и умереть не страшно, — радовался Иван, — все-таки кое-что для Родины сделано...

— Умирать всегда страшно, — возразила Мариана. — Да и живыми мы полезнее. Сделано-то не так уж много... Но ничего, Ваня, это только начало. Добро, что удачно сошло.

— Трудная у тебя профессия, Мариана. Даже завидно становится. А я так-то неудобно себя чувствую.

— Наоборот. Ты должен чувствовать себя очень удобно. Разве без тебя я могла бы выполнить вчерашнее задание?

— Так-то оно так, но все же... Ты женщина, а делаешь бон какие дела. Не то, что я...

Мариана поняла, что Гриценко что-то хочет сказать, но не решается.

— Что тебя мучает, Ваня?

Помолчав, он ответил:

— Я был в армии, раненым в плен угодил. Понимаешь, раненым! И вот тяжело у меня на сердце, точно виноват в чем-то.

— Почему виноват? Ведь не по своей воле ты в плен попал? И не один ты. Сколько хороших людей, настоящих патриотов, томятся в лагерях. Думаешь, все они плохие люди и сдались в плен с поднятыми руками? Ничего подобного! Большинство из них сражалось до последнего, прикрывая позиции, чтоб вся часть могла отойти. Многие из них ранеными были взяты в плен... Ты только работай так, как до сих пор. Командование верит тебе.

— Твоими бы устами да мед пить. Боюсь только, что многие иначе смотрят на это, — промолвил Гриценко. — Ну поживем — увидим.

Красная Армия продвигалась все дальше на запад, все ближе к Полтаве. “Иван” появлялся каждый вечер. Это очень радовало Дуню. Она твердо верила, что в каждом самолете сидит ее Володя.

Мариана крепко подружилась с Дуней. Проверенная, на серьезных делах, хозяйка стала ее лучшим помощником и другом.

После операции на аэродроме Мариана спросила:

— Дуня! Хотелось бы тебе услышать голос Москвы?

— Господи! Да кто ж не хотел бы этого? Вряд ли найдешь во всей Колодизивке такого человека, за исключением немецких прихвостней. Да и те, наверное, тайком послушали бы.

— Ну так вот, приглашаю тебя в Москву.

— Не шути, Мариана. Не тревожь сердце.

— Так пошли?

— Куда?

— Москву слушать, кажется ясно говорю?

— Свихнулась дивчина, ей богу свихнулась. Не зря ты с неба свалилась, — засмеялась Дуня.

— Идем, идем, а то опоздаем. Сейчас передают обращение Сталина ко всем тем, кто на временно оккупированной территории остались, — тянула ее за руку Мариана.

— Схаменись, дивчина. Куда пошли? Ночь на дворе... — растерялась окончательно Дуня.

— Причем здесь ночь? — засмеялась Мариана и потащила Дуню на чердак.

Дуня покорно полезла за ней. Очутившись на чердаке, она ахнула и широко раскрыла глаза, увидев маленький чуть продолговатый ящик.

— Господи Иисусе! — шепнула испуганно Дуня. Мариана показала ей множество приборов, ручек. Все было так ловко прилажено к стенке дымохода, что Дуня ни за что не догадалась бы, что здесь пристроена вторая стенка к дымоходу. Она как-то странно осмотрелась вокруг, будто опасаясь — не спрятано ли здесь еще что-нибудь. В этот момент, казалось, что Мариана — хозяйка дома, а Дуня впервые попала на этот чердак.

— Мать честная, что делается! — вырвалось у нее. — И когда ты только успела все так пристроить? Ведь здесь второй дымоход вырос. А знаешь, незаметно совсем.

Мариана протянула ей наушники.

...“Братья и сестры, временно оставшиеся под немецкой оккупацией, партизаны и партизанки”. — слышался далекий голос из родной Москвы...

Дуня закрыла лицо, и плечи ее затряслись.

Поздно ночью они улеглись спать. В хате было тихо. Дуня, наплакавшись, уснула. А Мариана думала над новым планом.

Теперь Дуня стала помогать Мариане выходить в эфир. Это были опасные минуты. Часто случалось так: Мариана только натянет антенну, а Дуня уже бежит предупредить, что рядом остановилась машина или что полицаи ходят по домам.

Однажды под вечер Мариана наладила связь с “Большой землей”, слышимость была хорошая. Но не успела она передать и нескольких групп, как услышала треск мотоцикла. Немец остановился у самого дома...

Что делать? Прервав передачу, Мариана припала к проделанному в крыше “глазку”. Во двор выбежала Дуня.

— Яйки, пан, яйки! — донесся до Марианы ее голос.

С полным фартуком яиц Дуня подошла к мотоциклисту. Немец забрал у нее яйца вместе с фартуком, развернулся, сказал что-то, чего Мариана не могла разобрать, и уехал.

— Слава богу, пронесло. — Дуня истово перекрестилась и без сил опустилась на завалинку.

Мариана вновь вернулась к рации. Но тут ее поджидала другая беда, может быть, самая страшная для разведчика. Маленький глазок — контроль накала — меркнул на глазах. Кончилось питание. Батареи разрядились.

Радистка похолодела. Это конец связи с “Большой землей”. Все сведения, которые ей удастся добыть впредь, окажутся бесполезными — парализован главный нерв. Заглохла рация и оживить ее нечем. Теряла смысл деятельность Марианы и всей группы. Она снова с ненавистью подумала о своем злосчастном напарнике — дяде Пете, так бездарно растерявшем радиопитание. “Проклятый трус! Откуда только тебя принесло на мою голову!”

Дуня как могла утешала Мариану, но девушка всю ночь не могла уснуть, тщетно ища выхода. Перебирая в уме последние события, она вспомнила немецкую радиомашину. Мимо нее она недавно проходила с “Тополем”. Наткнувшись на эту мысль, Мариана едва могла дождаться утра. Когда она встретилась с Гриценко, первым ее вопросом было:

— Помнишь, Ваня, радиомашину, которую мы видели около Слободки?

— Помню, а что?

— Случилась беда. Я не могу больше связаться с центром. Кончилось питание. Надо во что бы то ни стало добыть радиобатареи. Пусть даже отработанные. Этого хватит, чтобы передать в центр просьбу сбросить для меня груз. У тебя ничего не осталось?

— Нет. С батареями очень трудно, я использовал фонарные батареи, но они уже тоже отработались.

— Надо попытаться подобрать использованные около той машины.

— Я попробую достать, — с готовностью согласился Гриценко.

— Только будь очень осторожен. Малейшая оплошность может привести к провалу.

В воскресный день они, нежно воркуя, как влюбленная парочка, отправились на прогулку в сторону Слободки.

Полицейский мундир Гриценко гарантировал от приставания немцев. Они хорошо рассмотрели машину, от которой тянулись в разные стороны несколько проводов. Рядом с машиной валялась куча старых анодных и накальных батарей.

Гриценко почесал в затылке:

— Елки-моталки, вон они, любезные, но под самым носом у фрицев...

— Выбора нет, Ваня, как-то стащить надо. Хотя бы для одной передачи.

— Ладно, это уж моя забота. Будет тебе батареи. Разобьюсь в лепешку, а унесу их отсюда.

— Только, ради бога, смотри в оба.

— Есть смотреть в четыре стороны.

На обратном пути они обсудили, как лучше подойти к машине и как перенести батареи.

Ночью Ваня разбудил Мариану осторожным условным стуком в окно.

Она быстро накинула платье и открыла засов.

— Хватит? — показал он на мешок.

— Ой, Ваня, дорогой ты мой, — страшно обрадовалась Мариана. — Хватит, конечно хватит... Спасибо, родной...

— А завтра я, может, достану неотработанные. План небольшой созрел у меня. Сколько нужно?
— Две накальных и две анодных на время хватит. А достанешь больше, еще лучше, будет запас. А хвостов не притащил? — спохватилась Мариана.
— Ну нет. Я шел такими дорогами, что и сам черт запутался бы. А хвост бы заметил.
Сразу после ухода Гриценко Мариана поднялась на чердак. Целый час она соединяла по схеме последовательно немецкие батареи. Зато какая радость охватила радистку, когда она увидела, что лампочка загорелась в полную силу, а в наушниках послышались четкие звуки... Она снова может связаться с “Большой землей”, передавать донесения!
Ваня принес обещанное, и Мариана заменила старые батареи одним комплектом новых, а остальные заботливо завернула каждую в отдельности, вложила в прорезиненную сумку и закопала. Но не суждено было их истратить.

НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ

Как-то на рассвете женщин разбудил необычайный шум: трещали мотоциклы, раздавались гудки машин. Случилось то, чего Мариана боялась больше всего. В хутор неожиданно въехали войска “СС”.

Танки с белыми крестами на боках, руша заборы, размещались в садах, маскировались ветвями деревьев. Прибывали, машины, доверху груженные чем-то тяжелым, укрытые зеленым брезентом. Ревели моторы. Солдаты громко переговаривались.

Детишки выскакивали из хат в одних рубашонках, испуганно терли кулачками сонные глаза, не понимая, что происходит. Взрослые хмуро посматривали на непрошенных гостей, втихомолку ругая их на чем свет стоит.

Невзирая на общую суматоху, Мариана вернулась в хату и обратно легла в постель.

— Ты что, сдурела? — напустилась на нее Дуня. — Кругом немцы, а она лежит. А если к нам зайдут? Вставай и скоренько одевайся, да натяни на себя какое-нибудь старье.

Дуня бросила Мариане на кровать какое-то рваное платье.

— Нет, Дунечка, — ответила Мариана. — Надо мне оставаться здесь. Немцы поймут, что мы их вовсе не боимся, а им это нравится, и больше доверять нам будут.

— Оно, может, и верно, так они ж, как шакалы, набрасываются на девушек. Не слыхала разве, что они натворили в Станиславке?

— Вот что, Дуня. Как только немцы постучат, ты сразу не открывай. По-хозяйски, спокойно спроси, кто, мол, там, а потом открой и приглашай в дом.

— Ой, матушки! А как же?.. — Дуня указала глазами на потолок...

— Оставим пока там. Может быть, они недолго здесь задержатся.

На дворе уже совсем рассвело. Дуня взглянула в окно и увидела, как во двор въехала легковая машина, а за ней — грузовая, крытая брезентом.

— Вот они, гости незваные пожаловали, чтобы им сквозь землю провалиться, — всплеснула руками Дуня и прислонилась к притолоке.

Мариана осталась лежать в постели. Послышались удары в дверь.

— Открывать? — спросила Дуня.

— Открывай.

В сени ввалилось два офицера.

— Шнель, шнель! — закричал один из них и скверно выругался.

Фашист не умел иначе разговаривать с местными жителями. Он указал Дуне рукой на дверь, что могло означать только одно: “Видишь, что пришла армия рейха, убирайся из дому”.

В это время второй офицер заметил Мариану, закутанную до подбородка в одеяло.

— А-а-а... Фройлин еще отдыхает, — оскалил он в улыбке желтые зубы. — Ганс, не криши, ты разбудить фройлин, — сказал он своему спутнику на ломаном русском языке и двусмысленно подмигнул. Оба хохоча вышли в сени. Мариана оделась, умылась, уложила косы вокруг головы. Открыт” дверь, склонилась в почтительном поклоне.

— Милости просим, будьте дорогими гостями.

— Збазибо, збазибо, гозайка, у вас будет жить мой шеф, большой чин, — ответил тот, что помоложе.

— А вы? — улыбнулась Мариана, показав два ряда ровных белоснежных зубов.

— Я там, — ответил он, указывая на будку.

— Гут, гут... — разведчица кокетливо улыбнулась. — О-о-о! Фройлин любит немецкий, — обрадовался он.

— Люблю, но, к сожалению, не знаю его. Если бы нашелся хороший учитель, я бы охотно изучала этот язык.

— О-о-о! Я, я, учийт, обрадовался офицер, который, очевидно, понял только слово “учитель”.

— Ма-риа-на! — послышался голос Дуни. Махнув офицеру рукой, девушка выбежала в сад.

— Маурин, Маурин, красивый фройлин, — крикнул шофер, когда она проходила мимо машины.

— Ох, Марианка, до чего ты смелая, — испуганно шепнула Дуня. — Как тебе не страшно и не протпшю шутить с ними?

— Что ты, Дуня? Кому может быть приятно беседовать с бандитами, которые пришли к тебе в дом и грабят? Но что поделаешь? Надо! Только даром им это не пройдет. Запомнятся им мои шутки...

Эсесовцы... Сколько их здесь? Какая часть? Кто ими командует, куда направляются? С какой целью? Какое у них вооружение? — все эти вопросы возникли сразу, как только Мариана заметила знаки отличия “СС” на рукавах и петлицах солдат.

В хате раздавался смех, разговоры. Немцы завтракали. Фронт был еще далеко. На Украине фашисты хозяйничали пока вовсю. В этом районе больших лесов не было, партизаны наведывались редко. Поэтому оккупанты чувствовали себя спокойно. Сейчас они не спеша ели, пили ром.

Дуня все не могла успокоиться. Она побледнела, руки ее дрожали.

— Ослабла я чего-то, — пожаловалась она, опираясь на лопату. — Видела? В своем доме и боишься. Ох, и время настало...

— Ничего, Дуня, придет и злomu времени конец. Знаешь, как говорят теперь на “Большой земле”? Будет и на нашей улице праздник.

— Ох, скорее бы наступило это время. Сил больше пет терпеть этих паразитов. Как думаешь, Мариана, скоро победят наши?

— Скоро. У фашистов уже не те успехи, что раньше, я наши приближаются...

— Как медленно течет время. Каждый день годом кажется. Ты слышала, как они ведут себя с хуторскими девушками? Упаси боже... Старайся не попадаться им на глаза.

— Дуня, минуты не проходит, чтоб я об этом не думала. Ведь есть у меня друг хороший. Строили мы с ним планы... Думали, после учебы поженимся.

— И он разрешил тебе пойти в это пекло?

— Да разве такое время было, чтобы разрешать или не разрешать? Война ведь. И сам он на фронте. Только бы жив остался...

— Любишь ты его, Марианка?

— Люблю, Дунечка. Очень люблю.

— А как его звать?

— Роман.

— Хорошее имя...

Со двора послышалось гудение мотора, засигналила машина.

— Неужели уезжают или приехал еще кто? — встревожилась Дуня, — пойду погляжу. На меня они меньше обращают внимания, а за тебя — боюсь...

— Затащили будку под старую орешню, устраиваются, наверно, надолго, — сообщила Дуня, возвращаясь с ведром в руке.

“Значит, готовятся к наступлению, — решила Мариана. — Надо обязательно связаться с центром”.

Но как достать рацию с чердака?

Тут Мариана вспомнила о фасоли, хранившейся на чердаке.

“Попросить разрешения перетащить фасоль в сарай, — подумала девушка, не находя другого более подходящего предлога. — А с фасолью и рацию”.

С этой просьбой обратилась она к капитану после обеда. Этот момент самый удачный: фрицы или отдыхают или играют в шахматы.

Получив разрешение, Мариана с Дуней ловко перетащили “фасоль” в сарай. Но где установить рацию? Поблизости — опасно: могут запеленговать. Надо Гриценко предупредить. Стемнело бы скорее.

Под вечер Дуня отправилась доить корову, но кто-то из солдат успел опередить ее. Большие охотники до “млека”, немцы не хуже хозяек управлялись с этим делом...

— Вояки паршивые, — с презрением бросила Дуня.

ПОХИЩЕНИЕ КАРТЫ

— Номер части, которая расположилась в городе, кто ею командует, зачем приехали? — вот что нужно узнать, — наказывала Мариана “Тополу”. — Передай об этом ребятам. Время не ждет. Дай каждому отдельное задание и пусть действуют. Виктору Горобцу поручи разузнать, откуда прибыла часть. Сережа Гнатюк пусть поинтересуется, куда едут, а тебе главное — номер и кто командует?

— Ясно.

— Предупреди ребят, что задание серьезное, пусть будут внимательны и осторожны.

Через пару дней стали поступать сведения. Комсомольцы старались как могли, но нелегко было разузнать то, что интересовало разведчицу.

От капитана, квартировавшего у Дуни, Мариана узнала, что на хуторе немцы остановились ненадолго, а сам он впервые едет на фронт.

Однажды капитан похвастался Мариане, что их часть на хорошем счету у фюрера. Было ясно, что в этом районе остановилась отборная дивизия “СС”.

Гриценко “подружился” с фельдфебелем и часто гулял с ним в городе. Однако главного — данных о том, что собирается предпринять дивизия, — разузнать никак не удавалось.

“Без капитана, видно, не обойтись”, — решила Мариана.

Вечером, встретившись с “Тополем”, она поручила ему руководство делами группы.

— У меня серьезное задание, — объяснила Мариана. — Быть может не скоро удастся свидеться. Так что командуй сам. Действуй умно и с большой осторожностью.

Долго и подробно говорили они в этот вечер о делах группы.

Мариана стала тщательнее ухаживать за своей внешностью: красиво укладывала волосы, кокетливо одевалась и старалась чаще попадаться на глаза капитану. И тот не упускал случая заговорить с ней, сыпал комплиментами. Как-то он рассказал, что долго стоял с частью в Польше, затем на Украине. Изучил немного язык.

— Маурин, учи меня разговаривайт по-здешни. Скоро русс капут, я останусь на Украине, — говорил он часто Мариане.

— Гут, гут, пан! — охотно отвечала она.

Постепенно Мариана стала среди постояльцев Дуни своим человеком. Только ей разрешали они заходить к ним в комнату, убирать, накрывать на стол. Немцы из соседних домов прозвали ее “паненка Эрнста” — так знали капитана.

Соседи Дуни все замечали...

— Гляди, соседушка наша с немцами, стерва, путается, — говорили они, посматривая, как Мариана гуляет по улице с капитаном.

— Придут наши, на первом же суку повесят, — говорили другие.

Тетка Матрена, из соседней избы, встретившись однажды с Марианой, сказала:

— Ты что, девка, с фрицами связалась? Не хватает терпенья своих дожидаться? Смотри, поганко, вернутся наши, спохватишься, да поздно... Знаешь нашу пословицу: “Буле каяття, та не буде вороття”...

Разведчица выслушала ее и, ни слова не промолвив, пошла своей дорогой. Туман застилал глаза. Слезы брызнули из глаз. Сердце, как тисками, сжало. Так и хотелось закричать на всю улицу. Но... вот уже двор Дуни. Она взяла себя в руки, быстро утерла слезы. Приходилось, как всегда, сделать веселое лицо.

Напевая песенку, Мариана вошла в дом как раз в ту минуту, когда офицер, нагнувшись над топографической картой, что-то отмечал на ней карандашом.

Мариана сразу определила важность минуты, подошла к столу и стала медленно убирать посуду, тихо напевая. Но делала она это одними руками, а глаза впились в топографическую карту. Наконец-то перед ней было то, что она так упорно искала, — оперативная карта, которую, видимо, капитан только что получил.

Она медленно с места на место переставляла чашки, рюмки, тарелки, выигрывая лишние минуты для изучения карты. Знаки и стрелы говорили разведчице не только о движении дивизии “СС”, но и соседних частей и соединений. Ясно вырисовывался план наступления на этом фронте.

На мгновение Мариане представился ужас неожиданного для советских войск немецкого наступления. Эсесовцы, обученные, откормленные, как звери, ринутся вперед...

“Нет. Не бывать этому. Наши должны быть предупреждены”, — решила разведчица.

Капитан услышал возню девушки за спиной, повернулся и положил ей руку на плечо.

— Ну, как дела, Маурин, чего невесел? — спросил он на ломаном украинском языке.

— А чего веселиться, пан гауптман. Ходят слухи, что скоро отправляетесь на фронт, и кто его знает, что может случиться, береги вас господь... — Она перекрестилась. — Я так привязалась к вам. Хороший вы человек... — сказала Мариана, напуская на себя жалобный вил.

Капитан был растроган.

— Что делать, дорогая. Война, криг, понимаешь? Через неделю, а может, и раньше — нах фронт.

“Планы не изменились”, — отметила Мариана.

Ночью, лежа рядом с Дуней в сарае, она постаралась припомнить карту, но... безуспешно. Все запомнить не удалось, а сведения нужны точные. “Ничего другого не остается, как выкрасть карту у капитана”. Она содрогнулась при этой мысли, но иного выхода не видела.

Девушка долго думала. Затем разбудила Дуню.

— Завтра, Дунечка, будет трудный день, — шепнула она на ухо подруге. — Как заметишь, что наши квартиранты заволновались — немедленно срывайся. Вернешься уже, когда наши будут здесь. Ясно?

— Господи! Что ты задумала опять? Ох, не сносить тебе головы, — в испуге прошептала Дуня. Плечи ее задрожали. Мариана обняла ее, вытерла ей слезы.

— Понимаю, родная, — зашептала вновь Дуня. — Но я за тебя больше боюсь.

Она сильно привязалась к Мариане. Вдвоем было легче бороться, жить, надеяться...

Наступило утро. Время тянулось томительно долго. Прошел обед. Мариана старалась быть спокойной, ничем не выдавать своего волнения.

Капитан, наевшись, вышел на крыльцо, постоял, прикуривая от карманной зажигалки. Потом подошел к машине, открыл дверцу кабины и подергал шофера за ногу. Мариана из окна видела, как Эрнст залез в будку.

“Пора”, — решила она, направляясь на половину постояльцев. После обеда ей предстояло убрать со стола и вымыть посуду.

Но где же карта? Девушка сунула руку под подушку. Неужели здесь? Она схватила простыни, наволочку, в которую завернула планшет, и вышла их “потрусить”. В машине кто-то громко разговаривал. Девушка нырнула в сарай и открыла планшет. Карта была там...

“Сейчас или никогда. Было бы безумием упустить такой случай, — лихорадочно думала Мариана. — Путь один — с картой через фронт. Медлить нельзя. Через несколько дней вся эта смертоносная лавина ринется в наступление. А что станет с Дуней? Но ведь, может, тысячи наших можно спасти через эту карту”. И Мариана решила...

Немцы не сразу заметили, что паненка Эрнста исчезла. И, возможно, не скоро бы о ней вспомнили. Но капитан обнаружил, что у него пропала карта.

— Кто заходил в дом? — бросился он к часовому. Тот обязан был следить за тем, чтобы никто не входил в комнату без разрешения капитана. — Кто взял планшет? — закричал капитан и вдруг осекся. Он вспомнил, что Мариана часто “дурачилась” с ним, и прятала то перчатки, то еще что-нибудь.

— Она, только она могла это сделать, она пошутила, планшет наверно где-то в доме. Но за такую шутку ей попадет.

Он кинулся в комнату.

Когда же она его спрятала? Совсем недавно, ну, может, часа два назад планшет лежал под подушкой. Вдруг перед глазами капитана возникла вчерашняя сценка, когда он перехватил взгляд девушки, устремленный на карту. Эрнст побледнел и кинулся к Дуне, которая со страхом прислушивалась к его крикам.

— Где Маурин, где? — кричал он, схватив большими руками голову Дуни и глядя ей прямо в глаза.

Потом с криком “Партизаны! Партизаны!” ударил Дуню ногой.

Солдат, стоявший на посту, услышал слово “Партизаны”, задрожал и начал дико озираться.

Дуня воспользовалась переполохом среди немцев и, как советовала ей Мариана, незаметно исчезла.

* *
*

В синем сатиновом сарафане, в фуфайке, в сапогах, в платочке, повязанном под подбородком, Мариана в это время шла по дороге, пролежавшей далеко от хутора... Она то и дело поворачивалась, обрызгивая свои следы спиртом. Затем, сообразив, стала смачивать подошвы, чтобы сбить со следа в случае погони с собаками.

...Ночь была темная, такая часто бывает осенью на Украине. Девушка с трудом пробиралась из села в село. Так прошла неделя. Чем ближе к фронту, тем опаснее было продвигаться, особенно днем. По дорогам беспрерывно двигались мотоциклы, машины. Мариана старалась держаться обочин, проселков, обходя стороной магистральные дороги.

У большого села она спустилась в овражек и прилегла за зеленой изгородью. Над селом стоял гул моторов. По улицам беспрерывно взад и вперед сновали машины... Солдаты тянули провода, наводили связь... Откуда-то издали еле-еле доносилась канонада. Мариана поняла — близок фронт. Когда стало темнеть, девушка сверилась с картой и двинулась дальше. Чем ближе к фронту, тем опаснее становилось пробираться. Немцы сконцентрировали здесь огромное количество войск, и даже ночью немудрено было на них напороться.

На девятую ночь Мариана наткнулась на вражеский танк. Вглядевшись в темноту, заметила вблизи другой, третий... Видимо, противник готовится к наступлению, и войска ждут приказа.

На востоке заалела заря. Как быть? Обходить этот участок? Но рядом могут оказаться минные поля. Да и времени уже нет. А до рассвета совсем недолго. Вперед и только вперед. И она ползла из последних сил.

“Где она сейчас? Далеко ли до нейтральной полосы? И есть ли здесь эта нейтральная?” — терялась в догадках Мариана. Все тело ныло. Голова разрывалась на части. Лежа в кустах, девушка нащупывала на груди то, во имя чего шла сейчас на мучения, — оперативную карту...

Силы таяли... Голод и жажда валили с ног. Мариана жадно припадала к грязным лужицам, с отвращением утоляя жажду...

Но вот местность заметно опустела. Наверно, это и есть нейтральная полоса. Не будучи в силах ползти больше, Мариана встала на ноги и попыталась идти. Но голова закружилась, с обеих сторон раздались выстрелы. Девушка упала на землю. Шальная пуля обожгла плечо. Почти теряя сознание, она поползла торопливо, зигзагами, напрягая остаток сил... “Только не опоздать. Только бы успеть”... — стучала в висках неотступная мысль.

С советской стороны навстречу разведчице также ползком двинулись двое.

— Скорее, скорее... — шептала она пересохшими губами.

— Эх! угораздило тебя забрести сюда, — сказал красноармеец, помогая ей двигаться.

— Доставьте меня в штаб, скорее... — попросила перебежчица.

— Видал, понимает про штаб! — сказал другой красноармеец, и его раскосые глаза подозрительно прищурились. — А кукиш не хочешь?

— Брось трепаться, — оборвал его товарищ, видимо, старший. — Не видишь, ранена она... Помоги-ка лучше.

Вскоре они уже были в небольшом садочке. Здесь, под желтой, покрытой сухими листьями сеткой стояли грузовые машины, накрытые брезентом. Ходили, весело переговариваясь, военные.

Мариане так и хотелось броситься к ним, обнять и расцеловать каждого боевого товарища. О них-то она думала тогда, решившись украсть карту и идти через линию фронта, об их судьбах, об их жизни. Все они особому дорожи, родные и милые.

— А вон и командир... — сказал один из провожатых. — Товарищ командир! Перебежчица вот, ранена.

— Мариана! Молдаваночка, откуда ты? — вдруг закричал командир. Это был один из работников штаба дивизии. С ним Мариана Флоря познакомилась на аэродроме, когда тренировалась в прыжках. Он запомнил хорошо эту девчонку, потому что чуть было не схватил из-за нее взыскание. Мариана, тогда еще неопытная в парашютном деле, невольно сделала затяжной прыжок.

Теперь вот неожиданно они встретились снова.

— Ради всего святого, скорее в штаб, прошу вас. Нельзя терять ни минуты, — взмолилась Мариана.

— Быстро машину сюда, — командовал старший лейтенант, — Ирина Петровна, помогите девушке.

К Мариане подбежала женщина средних лет, разрезала рукав, перевязала плечо.

— К счастью, тебя только слегка задело, — сказала она.

Девушку усадили в машину. Один из солдат накинул на ее плечи свою шинель.

Машина остановилась перед домиком, окруженным вековыми деревьями.

— Ты знаешь, что ты принесла? — спросил Мариану полковник, просмотрев карту. — Документ исключительно ценный. — Повернувшись к офицеру, стоявшему у стола, он приказал:

— Доложите генералу. А вы, — обратился он к другому офицеру, — отведите товарища в санчасть. Впрочем, погодите! — И он быстро вышел из комнаты.

У Марианы от страшной усталости закрывались глаза... Когда через несколько минут вошел генерал в сопровождении полковника, девушка с трудом поднялась навстречу.

— Молодец, — заговорил генерал, ласково усаживая ее. — Ты совершила героический поступок. Представим тебя к награде. А сейчас — отдыхать! Ты едва держишься на ногах...

Мариана впервые за несколько месяцев могла уснуть спокойно. Вокруг — свои родные заботливые люди. Опасаться нечего. Можно выспаться вволю. Но она поминутно вздрагивала и просыпалась. То видела Дуню, то разговаривала с Гриценко. Тревога за друзей окончательно прогнала сон.

“Как там они, что с группой, цела ли рация?” Перед тем как пуститься в путь, к фронту, Мариана ночью зарыла рацию в огороде, а сверху разбросала сухую картофельную ботву...

Девушка вздрогнула, когда в дверь постучали.

— Войдите!

— Вас вызывает товарищ генерал-майор, — доложил боец и, откозырнув, вышел.

* *
*

— Не дали вам отдохнуть? Как самочувствие? — приветливо спросил генерал. — Садитесь, пожалуйста, вот здесь и расскажите о вашем районе действия. Постарайтесь припомнить все подробности. — Он пододвинул бумагу, карандаш. — Изложите все, что вспомните, особенно о прифронтовой полосе.

— Я и так все помню. Могу сразу говорить, — сказала Мариана и посмотрела на забинтованную руку.

— Да, прости, дочка, — спохватился генерал. Он сел за стол и кивнул майору. Тот придвинул к себе бумагу.

— Итак, прошу. Я слушаю.

Мариана понимала, что ее рассказ имеет отношение к карте и остальным документам, похищенным ею у гауптмана. Но она сознавала также и то, что ее будут проверять. “А как же иначе” — подумала она. — Без проверки нельзя”.

— В том месте, — начала разведчица, — где на карте значится красный квадратик со множеством точек, юго-западнее Васильково, расположено минное поле.

Она секунду помолчала, глядя куда-то в пространство. Генерал понял, что девушка сейчас припоминает местность и не мешал ей. Майор что-то быстро записывал.

— Оттуда месяца три назад эвакуировано все население, — продолжала Мариана. — А между населенными пунктами Звеньково и Царивка проходит укрепрайон. Все поле в противотанковых рвах и надолбах, опоясано дотами. На карте район обозначен кружочком, перечеркнутым красными полосками.

Генерал посмотрел на карту.

— Молодец, товарищ Флоря. Память у вас превосходная. Видно, устарела пословица о пресловутой девичьей памяти, — пошутил он, ласково глядя на Мариану. — Прошу, прошу, продолжайте.

Так разведчица факт за фактом сообщала самые свежие и очень важные факты.

— Вот у кого поучиться бы нашим фронтовым разведчикам наблюдению за противником, — похвалил генерал Мариану.

— А как вам удалось уточнить карту? — заинтересовался майор, отрываясь от бумага.

— Я не была уверена, что эта карта отражает именно последние планы противника на этом направлении и решила проверить отдельные моменты. По пути к фронту мне пришлось делать большие крюки. И я убедилась, что карта действительно показывает настоящее положение, по крайней мере, в местах, где я сама побывала.

— Умно, — одобрил генерал. — Ну, спасибо. А теперь, майор, организуйте условия для лечения и хорошего отдыха товарищу Флоря. Да и вообще подкрепить ее надо. Лично проследите за этим. А сведения твои, дочка, очень важные, — генерал вновь повернулся к Мариане. — Еще раз спасибо, — и он отечески погладил девушку по голове.

Мариана направилась к двери, но вдруг вспомнила что-то и быстро обернулась к генералу.

— По словам гауптмана, их дивизия “СС” через несколько дней готовится в наступление.

— Нам это уже раскрыла карта, — весело ответил генерал и проводил Мариану до двери.

На второй день Флоря заметила оживление в штабе. А через сутки войска начали успешное наступление на этом участке и освободили от немцев город Н.

Мариана с радостью думала, что в этой победе есть скромная доля и ее воинского труда.

В Москве Мариане Флоря был вручен орден Красной Звезды. — Она лежала в госпитале, когда туда пришли генерал Кононов и ее начальник. Вручив девушке правительственную награду, они тепло поздравили ее.

Впервые за последние восемь месяцев радистка-разведчица наслаждалась покоем. Лежа в постели, она по-детски любовалась красивой звездочкой и вспоминала, как когда-то в их родное село вернулся из Москвы награжденный орденом бригадир тракторной бригады Петря, по прозвищу Кукошелу, что значит петушок. Мариана не сводила восхищенных глаз со сверкающего на его груди ордена Ленина. Петря был большим человеком в селе. С того дня, когда колхозный оркестр и все селяне вышли встречать орденосца, она никогда больше не называла его Кукошелом. “Какая ты счастливая, — завидовала она тогда его дочке Ниночке. — Можешь не только смотреть на орден, но и пощупать его...”

Мариана и мечтать не смела, что когда-нибудь и сама удостоится высокой награды, которой Родина отмечает своих лучших сынов и дочерей.

Через пару недель рана зажила. Мариана задумалась о своей дальнейшей работе. Война продолжалась, и девушка стремилась сделать все, что в ее силах, чтобы легче было тем, кто сражался на переднем крае.

А пока нужно было уладить многое: написать о “Тополе” и комсомольцах из их группы, о Дуне, разыскать ее мужа — офицера Красной Армии... Подробно рассказать о дяде Пете... Обо всем написать, ничего не забыть...

Как-то, вскоре по выходе из госпиталя, она сидела в кабинете начальника, рассматривая карту продвижения советских войск. Мариана с удовольствием отметила, что ее бывший район действия уже свободен. Радовалась тому, что все ее комсомольцы, все ее друзья дождались освобождения и теперь наверное не без гордости рассказывают о своих боевых делах в тылу фашистских войск. Вспомнила и о тете Марфе, которая так забавно рассказывала о парашютистах, и улыбнулась про себя.

— Хотелось бы встретиться с ними в своем настоящем виде, без маски. А то так и будут думать обо мне плохо, — сказала Мариана, поймав на себе внимательный взгляд подполковника Павлова.

— Ничего. Главное, что в действительности ты не такая, — ответил, улыбнувшись, подполковник. — Да, кстати, — сказал он, взглянув на часы. — Тут для тебя сюрприз есть.

Мариана удивленно посмотрела на него:

— Сюрприз? Какой сюрприз? Неужели Федор Петрович или Иван Александрович здесь — мужья сестер — офицеры? Или есть что-нибудь от мамы? Так что же вы молчали?

С лица подполковника исчезла улыбка и во взгляде мелькнуло огорчение. Видимо, в тот момент он от души сожалел, что не может сообщить Мариане ничего о ее семье.

— Пока об этом ничего не могу сказать, хотя, видимо, в ближайшее время узнаем. А вот не желаешь ли повидаться со своим незадачливым напарником, с Кравченко?

— А разве он здесь? — спросила Мариана. И как раз в эту минуту в кабинет вошел в сопровождении красноармейца дядя Петя.

— Боже! Откуда? Неужели не побоялись фронт перейти? — вскрикнула Мариана, увидев Кравченко.

— Да разве он перешел? Его перевезли, — сказал с иронией подполковник.

— То есть, как перевезли?

— Вот так и перевезли. Наделал он нам хлопот. Пришлось сбросить специально людей, разыскать его, вызвать самолет и увезти, — пояснил подполковник. — Трус на фронте опасен, а во вражеском тылу — в десять раз опасней. Надо было оградить тебя и других товарищей от неприятных неожиданностей.

Мариану тронула забота командования.

— Спасибо! — только и могла сказать она.

Девушка рассказала о поведении дяди Пети в тылу врага, а в заключение добавила:

— Мое такое мнение, что он просто струсил и поступил так не со злым умыслом. Не наказывайте его очень строго, если можно, товарищ подполковник.

Петр Афанасьевич стоял бледный, как полотно: решалась его судьба.

Услышав последние слова Марианы, он бросился к ней, обнял и зарыдал.

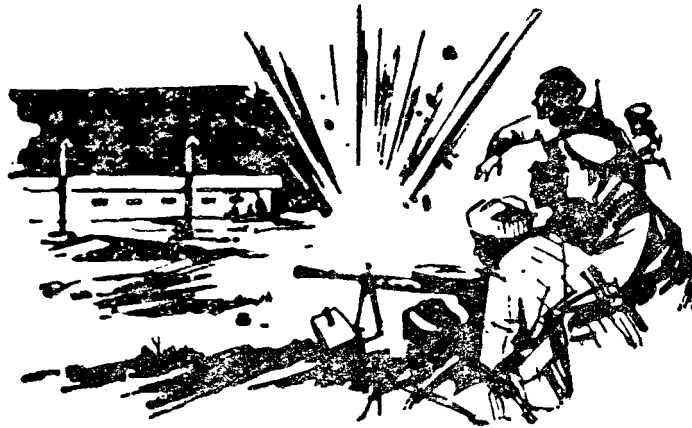
Мариана брезгливо отвела от себя его руки. Эти рыдания и голос воскресили в ее памяти все страдания, пережитые из-за Кравченко в тылу у врага.

— Избавьте меня от вашей благодарности, — холодно произнесла Мариана и отвернулась.

Дядю Петю увезли, а через некоторое время Мариана узнала, что он снова добросовестно трудится на железной дороге.

ЧАСТЬ 2

НАКАНУНЕ НОВОГО ЗАДАНИЯ

— Начнешь изучать польский язык, — сказал Мариане подполковник Павлов. В учителя ей назначили поляка, ни слова не говорившего по-русски. Занимались они ежедневно.

Мариана делала заметные успехи. В этом помогало ей и то, что еще в детстве она дружила с маленькой полячкой Жозефой, которую дети перекрестили в Женю. Отец Жозефы — сапожник Казимир, несмотря на то, что десятки лет жил с семьей в Молдавии, дома говорил по-польски, читал маленькой Жене польские пожелтевшие от времени книги. Мариана часто бывала у подружки дома, с интересом слушала польскую речь и сама выучила немало слов. Было очень весело переговариваться с Жозефой по-польски на зависть всем мальчишкам и девчонкам...

Так Мариана усвоила немного или, как пишут, в анкетах “слабо”, разговорную польскую речь. Это и учло командование, готовя ее к новому заданию. Теперь она с благодарностью вспоминала дядю Казимира.

Помимо языка Мариана изучала обычаи, одежду польских женщин. За зиму она научилась говорить свободно, без акцента. Учитель шутил, что теперь Мариана настоящая полячка. На некоторое время ее совершенно “изолировали” от русских. Хозяйка дома, где она находилась, говорила только по-польски и называла Мариану не иначе, как “пани”. Инструктор-радист тоже был чистокровный поляк.

— Мне кажется, что пани способна уже приступить к выполнению своего сложного задания, — пошутил однажды подполковник.

— Я готова!

— Задание необычное, — сказал он, посерьезнев. — Будешь находиться не в селе и не в городке, как в прошлый раз, и не в партизанском отряде, а в большом промышленном центре... Придется побывать там, быть может, очень долго... Привыкай к мысли, что ты — полячка из Ровно, дочь коммерсанта. Усваивай манеры паненки. Изучай все до мелочей, повторяю, до мелочей, которые имеют огромное значение в нашей работе. Мы располагаем данными, что там, куда тебе предстоит отправиться, сконцентрировано много фашистских войск, есть несколько аэродромов и другие весьма интересные военные объекты.

— Там кто-нибудь из наших работает?

— Работали, но связи прервались. Твоя задача — восстановить связи и регулярно информировать нас. Этот район очень важный для нас, — добавил подполковник.

— Далеко он?

— Расстояние порядочное. Тысяча с лишним километров по прямой.

— Тысяча километров? “Северок” ловит только до тысячи...

— Насчет радиации мы еще поговорим, — ответил начальник и добавил: — Дадим тебе несколько явок. Однако будь осторожна.

— Они ненадежны?

— Этого я бы не сказал. Но наша задача — все семь раз проверить, прежде чем один раз отрезать. Не забывай, что это чужая территория. Надо еще учесть, что наши конспиративные квартиры в Кузлове и Катовицах провалились.

— Да, кстати о конспирации. Я бы охотнее работала без помощников, то есть таких помощников, на которых нельзя положиться. Горький опыт убедил меня в этом.

— Это верно. Но зато одной значительно труднее. Подполковник внимательно присматривался к Мариане, словно старался угадать, о чем она в этот момент думает и как восприняла его предложение — серьезное и опасное.

— Каким образом меня перебросят? — спросила Мариана.

— Так же, на парашюте.

— Когда?
— Скоро. Отправляетесь вдвоем. На сей раз будешь не “племянницей”, а “невестой”.
— Как это понимать?
— Да так и понимать.
— Кто же мой “нареченный”? Русский?

Начальник призадумался на мгновение, потом ответил коротко, глядя ей в глаза:

— Нет.

— А кто же в таком случае?

— Немец!

— Немец? Не пойду! Хватит с меня дяди Пети. На задание в тыл врага отправляться с немцем, значит заранее обрекать себя и дело на верный провал. Нет, с кем угодно, но только не с фрицем. Все они фашисты...

— Ты ошибаешься. Он честный человек, как и многие другие немцы, — ответил начальник, вставая и давая этим понять, что беседа окончена. — Подумай, взвесь все о чем мы говорили. Завтра утром встретимся. До свиданья.

“...С немцем. В польский город, полный фашистов, — думала девушка. — Неужели не нашлось более подходящей кандидатуры? Наверняка фашист. Мало ли таких случаев было? Приходит, просится, кланяется до земли, клянется, что против воли отправлен на фронт, кричит “Гитлер — капут”, а стоит ему приземлиться на оккупированной территории, сразу же бежит в гестапо”.

Долго мучилась такими мыслями Мариана. Но привычка к дисциплине брала верх. Ведь она уже служила в армии.

“Что же, командованию виднее. Знают, видно, с кем посылают, значит человек проверенный”, — решила она и уже спокойнее обдумывала предстоящую работу.

Новая непривычная роль требовала большого умения, такта, изворотливости.

Мариана подошла к зеркалу. Оттуда на нее глянула голубоглазая девушка с белым румяным лицом. Длинные косы ложились на плечи, и от этого она казалась совсем юной. Мариана уложила косы вокруг головы.

— Так, пожалуй, лучше подойдет для помолвленной пани, — произнесла она вслух и испугалась своих слов... Перед глазами предстала картина предстоящего приземления на польской земле, оккупированной немцами. Ее спутник, как мужчина, быстрее освобождается от парашюта, подходит с пистолетом в руке к ней и, ядовито улыбаясь, говорит: “Добро пожаловать, фрейлин”.

В этот день она уснула поздно... Во сне приземлялась, не успевала сбросить с себя парашют, к ней подходил ее спутник-немец. Зубы у него оскалены, лицо веселое. В руке держит маузер. Потом гестапо. На столе ее “Север” и бумага с цифрами. Масса цифр. “Хотят дезинформировать наших” — догадывается она. Гестаповец подталкивает ее к рации. “Шнель, шнель”. Она громко вскрикивает.

От собственного крика Мариана проснулась в холодном поту. В окно заглядывают лучи солнца. Она бросилась в угол, где вчера находилась рация. Вот она, на том же самом месте!..

“Какая глупость! — корит себя Мариана. — Дойти до такого состояния! Скорее под бодрящий душ...”

Умывшись, она возвращается в комнату и застаёт гостя. Подполковник вновь заводит речь о предстоящем задании, о ее напарнике — “женихе”. Начальник неизменно терпелив и внимателен. Столько отцовской теплоты в его словах, что не хватает духу возражать ему.

Вот и сейчас, прежде чем начать разговор, он приветливо улыбается Мариане, радостно, как дочь, приветствует ее, интересуется, как спала. И это после ее вчерашней вспышки. Даже как-то совестно перед ним.

— Знаете, — говорит Мариана, краснея, — мне страшный сон приснился. Всю ночь воевала с фашистами...

— Сон, как говорится, в руку. Ну так как? Ты решилась?

Мариана задумалась.

— Фриц в машине?

— Нет. Он ждет нас у себя.

— Не очень-то вежлив “жених”. Не пожелал даже нанести визит своей “невесте”.

— Это не его вина. Я так распорядился.

— Ладно. Я сейчас. Только переоденусь.

Подполковник отворачивается к окну, предоставляя ей возможность заняться туалетом.

* *
*

...Дверь открыл молодой блондин; рыжеватые усы оттеняли его верхнюю губу. Стройный, среднего роста, он был ловок в движениях. Засученные рукава обнажали упругие мускулы. Он выглядел неплохим спортсменом. “Качество для разведчика ценное”, — про себя отметила Мариана.

— Гутен таг! — улыбнулся он девушке.

Разведчики без стеснения разглядывали друг друга, изучая каждую черточку в лице. Он нет-нет и проронит какое-нибудь слово по-немецки.

— Он что, другого языка не знает? — не стерпела девушка.

— Он говорит по-польски, — ответил подполковник и перевел ее вопрос.

— Вем, вем добже по-польску*, — заговорил немец на хорошем польском языке и опять улыбнулся. В насмешливых его глазах Мариане почудилось презрение к советским разведчикам, которых он так хорошо водит за нос. Мариана решила, что с ним она все равно не поедет. Незачем время зря тратить на пустые разговоры.

— Пожалуй, нам пора, — сказала она, давая понять начальнику, что ее решение не изменилось.

— Что ж, — сказал подполковник, пожимая руку немцу. — Встретимся завтра-послезавтра. А пока до свидания.

Машина мчалась по улицам Москвы, то обгоняя другие легковые, то останавливаясь на несколько минут у светофоров. Мариана смотрела на озабоченных, спешивших по своим делам москвичей и вспомнила о тех советских людях, что находились по ту сторону фронта. И с особой силой почувствовала ненависть к фашистам, которые топчут священную русскую землю, издеваются над советскими людьми.

— Глаза бы мои на них не глядели!.. — вырвалось у нее.

— На кого это? — спросил начальник.

— На фашистов! Вот смотрю на москвичей, и сердце радуется. Пусть им нелегко. Но они трудятся и терпят лишения во имя победы. А те, по ту сторону фронта? Увидели бы вы, как они идут на работу в “общину”, как называют немцы колхоз. Из-под нагайки идут... Каково им сознавать, что их труд используется врагом против родной страны. Они вредят фашистам, за что и нередко жизнью платятся...

— Вот поэтому и требует Родина, чтоб мы принимали все меры к быстрейшему их освобождению, — поддержал ее подполковник.

— И сделаем все, что требуется.

— Я тоже так думаю, — ответил начальник. — А что ты их не терпишь, это хорошо, очень хорошо.

Несколько минут они оба молчали, о чем-то думая. Машину мягко покачивало. Водитель тоже ни разу не нарушил молчания. Он спокойно и уверенно крутил баранку, то останавливая машину, то плавно трогаясь с места.

Мариана глядела в окошко. Глядела и думала: “А Москва такая же величаявая, как до войны. Только вид ее стал суровой и строже, да под небом висят, как будто на тонкой невидимой ниточке, большие баллоны. Окна многоэтажных домов заклеены крест-накрест бумагой. Но нигде не видно разбитого стекла, улицы чисто подметены, на перекрестках стоят милиционеры... Вот уже который раз она ездит, ходит пешком по Москве и каждый раз находит ее все более красивой”.

Голос подполковника заставил девушку оторвать глаза от окна.

— Как ты думаешь — играет он неплохо, правда? — спросил подполковник.

— Кто? Как играет? — удивилась Мариана.

Подполковник улыбнулся.

— Как, кто? Наш немец, будущий твой напарник. Он ведь русский немец. Из Перми. Патриот, был членом партии... А сейчас просто сдавал экзамен, сыграл роль.

Мариана обрадовалась.

— Вы это серьезно?

— Разумеется. Он поедет в роли немца из фатерланда и для тебя он — немец Курц. Что ты скажешь?

— А здорово. А? Это меняет положение. С таким я, пожалуй, и поеду. Но признаться, не верится мне все же... И почему вы говорите, что он был членом партии? Сейчас он что, уже не в партии?

— Пока нет. Он попал в плен и уничтожил партбилет.

— А вы ему так и поверили?

— Он сжег его, когда увидел, что нет выхода. Есть свидетели...

Они опять помолчали.

— А вообще нельзя жить без веры в людей, — вновь заговорил подполковник. — Особенно сейчас, когда каждый сдает экзамен на верность Родине. Ведь большинство тех, кто попадает в плен, честные советские люди. Но война есть война, без пленных не бывает. Сама говоришь, что томятся наши бойцы и командиры в немецких лагерях, а не покоряются фашистам. Многие из них коммунисты, комсомольцы.

— Да, это правда, — согласилась Мариана. — Смотришь на колонны пленных и изумляешься. В ломотях, босые, измученные, а глаза светятся верой, силой. А вы знаете, Игорь Николаевич, что говорят старики там, в тылу? Часто мне приходилось слышать эти разговоры после того, как пройдет колонна военнопленных: “Пленный, но гордый. Такого не победить”. А знали бы, как народ старается помогать им. Женщины с котомками, с корзиночками, а то просто в передник соберут, что имеют и, крадучись, суют под проволоку, приговаривают плача: “Ешьте, сыночки, ешьте”. Патрули их прикладами бьют, штыками отгоняют, а они все равно идут, несут, плачут. Вот послушайте историю одной моей знакомой из Колодизивки — бабушки Александры. Это вообще какой-то бесстрашный человек. Как только вошли гитлеровцы в их село, сразу началась регистрация евреев. А в один день полицаи стали их стонять к зданию бывшего клуба. “Захватывайте с собой драгоценности и лучшие вещи”, — объявили им. В тот день бабуся Александра возвращалась, как она говорила, из гостей у пленных. Встретила около колодца своего соседа Мотлика. Стоит тот с корзинкой, из которой торчит горлышко бутылки, заткнутое кукурузным кочаном. Стоит старый, морщинистый, бледный и все вытирает слезящиеся глаза тряпочкой.

* Понимаю, понимаю хорошо по-польски.

— Что это вы, сосед, поднялись? Большой ведь, — спросила бодро старуха. Она-то знала Мотлика десятки лет. Еще девушкой, бывало, не раз плясала гопака с ним. А позже он ей шил, хорошо шил, не одно пальто.

— Иду... Туда. — Дед показал палкой в сторону белого здания на площади, перед которым уже собирался народ.

— Ага! Значит началось? Погибели на них нет, окаянных! — с ненавистью сказала бабуся. Еще раз жалостливо взглянув на Мотлика, она быстро зашагала в обратную сторону. У небольшой хатки с окнами только в одну сторону, с боковой дверью, она остановилась, толкнула калитку и вошла во двор. На скрип калитки выскочила на порог дочь Когана Голда. Еще недавно цветущее круглое ее лицо было бледным, а большие черные глаза испуганы.

— Ты чего ждешь? Собирайся, швидко, — сказала старуха...

Она спрятала Голду у себя за печкой, закрыла дом и пошла туда же, куда направилось все село...

К вечеру небольшая колонна стариков, женщин, детей под конвоем нескольких немцев, направилась через село к большому яру.

Колонна шла медленно. За ней тянулась другая толпа. Соседи, друзья, знакомые провожали в последний путь тех, с кем многие годы жили одной семьей.

Вдруг бабуся Александра вырвалась вперед. Полицай толкнул ее. Шедшие сзади подхватили старуху и она удержалась на ногах, не отрывая глаз от жуткой картины...

— Ой! Я рассказываю так подробно. Наверно утомила вас, — спохватилась Мариана, но подполковник мягко коснулся рукой ее плеча:

— Продолжай, продолжай.

И девушка продолжала свой рассказ.

— Ну, вот. Она, оказывается, заметила семью Фудымов. Арон шел, согнувшись всем и без того сгорбившимся телом, поддерживая под локоть свою худенькую жену Сарру.

Сарра вела за руку маленькую Ривку. Курчавая, будто завитая, головка покрылась серым слоем пыли. Девочка не шла, а почти бежала, семена босыми ножками по густой горячей пыли. Мать то и дело нагибалась, вытирала пот вместе с грязью со лба дочери и, становясь в ряд с отцом, снова шла дальше. Бабуся Александра не выдержала и крикнула во весь голос, тряся кулаками в воздухе:

— Люди добрые! Это же душегубство! Чего мы молчим?.. — Но тут же почувствовала сильный удар в спину. Она повернулась к полицая, посмотрела на него таким страшным взглядом, что чернорубашечник поспешил отвернуться.

— Изверги! — крикнула бабуся. Сразу вокруг нее образовалось тесное кольцо. Это они, честные советские люди, укрыли ее от полицейской злобы...

— Вот так история! Провожать живых покойников. Ну, а что дальше? — спросил подполковник, видя что Мариана смолкла.

— Дальше? Была я у этой братской могилы за селом. Собственно, могилы нет. Просто прогнанный ров. И кажется, что... земля дышит. Живых почти закопали ведь...

— Ну, а Голда как? — спросил после паузы подполковник. — Удалось ее спасти?

— Голда так и осталась у бабуся Александры. Спрятала бабка девушку.

И, как гласит мудрая пословица: добро манит к себе. Вот в эту крайнюю хату в одну ночь постучался кто-то. Была зима, первая военная зима. На дворе лютвал мороз. Бабка подошла к окну и глазам своим не верит. Мужчина, в серой рваной шинельке, ноги обмотаны тряпками. А баба решительная. Бац — и на двор.

— Чего тебе, странен., треба? — спрашивает. А тот стоит и слова вымолвить не может. Только зубами от холода стучит. Тогда бабуся подошла ближе, глянула ему в лицо, схватила за рукав — и в хату.

— Иди, коли душа твоя чиста, — говорит она, закрывая за ним дверь, а другой рукой крестясь. — Откуда бог принес? Не из тех ли, горемычных? — Она кивнула головой в сторону, где находился лагерь военнопленных.

— Бежал я, мать. Спасите, если можете.

— Бежал, бежал. Спрячьте! Легко сказать — спрячьте, — ворчливо говорила старуха, ища что-то у печки.

— Понимаю. Извините тогда, — вымолвил сквозь слезы незнакомец, направляясь к двери. Но старуха вдруг повернулась и по-матерински тепло и ласково сказала:

— Ну, ну, без капризов. Я это так по-бабьи. На, поешь. Голодный же...

Незнакомец взял протянутый бабкой корж и жадно стал его есть. Старуха села напротив, скрестила руки на груди и наблюдала, как он откусывал большие куски и, не пережевывая, торопливо глотал их.

— Звать-то як, сыночек?

— Виктор, — коротко ответил тот, не отрывая глаза от коржа.

— Родители есть?

— Были. А теперь не знаю. Давно из дому...

— Ну вот и поив. Теперь спать, пока тихо, а там видно будет. Ходимо.

Бабуся взяла его за руку и повела за собой через сенцы в другую хату. Переступив порог, Виктор почувствовал какой-то едкий запах, а затем чье-то дыхание. Он попятился.

— Не бойся. Коза у меня здесь. Другого места нет. За печкой ляжешь.

— Я бы мать, на чердак, — попросил Виктор.

— Холодно там, окоченеешь. Спи здесь спокойно, а я постерегу.

Старуха вышла из хаты, а Виктор, освоившись немного, стал осматриваться, силясь разобраться в обстановке. На случай, если его обнаружат, можно бежать только через окно. Но усталость брала свое. Отогревшись, тело обмякло. Неудержимо клонило ко сну. Даже запах, казавшийся вначале едким, теперь перестал беспокоить. Он опустился на застланную каким-то рядом лежанку и в тот же миг уснул. Во сне он двже растянулся. Это была первая ночь в тепле за последние месяцы. Но, не проспав и часа, он тревожно вскочил и больше не мог уснуть до утра.

Когда рассвело, Виктор стал у небольшого окошка и наблюдал, как мирно падали с неба крупные снежинки и, ложась, одна около другой, образовали толстый, белый и мягкий ковер. “Оправиться б немного и двинуться к партизанам”, — вновь захватила Виктора давняя мысль.

В этот момент скрипнула дверь. Кто-то вошел в хату. Виктор вздрогнул, но не шевельнулся. — “Все равно. Я же безоружный. Вот этим только и буду бороться”, — подумал он, сжимая кулаки. Но тут же услышал:

— Это я, козочка моя, это я. Не тревожься. Все спокойно.

Бабка говорила тихо, обращаясь к козе, а в самом деле успокаивала Виктора. Она подошла к печке, отодвинула рядно. Виктор стоял высокий, стройный. Его выпуклый лоб обрамляли светлые волосы. Даже стриженным он был красив. Бабка оглядела его, потом подошла ближе, погладила по щеке и проговорила:

— Вон какой бравый. И мой Грицко мабудь такой уже.

Виктор схватил ее худые морщинистые руки, опустился на колено, прижался к ним губами и простоял так несколько секунд молча, словно давая матери клятву быть верным сыном, вовеки не забыть.

Мариана умолкла. Она каждый раз, вспоминая этот момент рассказа бабки, не могла справиться с волнением. И на этот раз слезы застлали глаза.

Подполковник посмотрел на нее, вздохнул и сказал.

— Да, перед такой бабкой и клятву дать не грешно.

— Ну, а потом этот Виктор, — продолжала Мариана, — верховодил молодыми парнями. Он их первый натолкнул на мысль организовать и портить настроение фрицам, как он любил выражаться. Гриценко его знал хорошо, помог ему устроиться на работу в депо. Немцы его не трогали, считая неполноценным. У него правая нога была на несколько сантиметров короче, а он еще и притворялся вдобавок. Когда шел, то накренился набок, как маятник. А вот ночью на акции он сразу становился не хуже других.

— Да. Это верно. Народ наш хороший, добрый и чуткий с друзьями. А врага он умеет ненавидеть, умеет отомстить. Вот так и твоя бабка Александра, про которую роман целый можно написать, и Виктор, да и Анатолий, то есть немец наш. У него тоже история нелегкая. Вроде как и у Виктора, только его из лагеря выкупила женщина, полячка.

— Как выкупила?

— Вот так и выкупила. Золото дала коменданту лагеря.

— Влюбилась, что ли? — спросила с усмешкой Мариана.

— У нее брат на войне погиб. Так, значит, в память брата. А может и влюбилась. Все может случиться! Смотри, и ты не влюбись, парень он красивый, — пошутил начальник.

— Не беспокойтесь. Есть у меня друг получше. Тоже где-то воюет... А этот, наверное, на два десятка лет старше меня.

Машина остановилась у подъезда знакомого дома, и Мариана, распроставшись с подполковником, скрылась в дверях.

“Какая Москва большая. Целый час ехали”, — подумала она, взглянув на большие кировские часы, что лежали на столе. Она верила этим часам и в шутку называла их “мои кремлевские”. Они всегда находились при рации и еще ни разу не подвели ее. Разведчица выходила в эфир по ним там, в тылу врага, и никогда не ошибалась во времени.

...Начались дни подготовки. Мариана ежедневно репетировала перед зеркалом, примеряла нарядные туфли, платье; инструктор обучал ее светскому этикету.

Однажды, надев длинное платье из черного шелка, Мариана взглянула на себя в зеркало и испугалась. Из высокого трюмо на нее глядела чужая, напудренная и накрашенная женщина с оголенными плечами.

— Это не я, ей-богу, не я! — ужаснулась Мариана, — посмотрел бы сейчас на меня кто-нибудь из друзей, ни за что бы не признал. Дуня, наверное, и разговаривать со мной не стала бы...

Но этого требовало дело, которое ей предстояло выполнять в оккупированном фашистами польском городе. Она должна была забыть о себе, изменить свою внешность, манеры, привычки, одежду; ей надо войти в роль дочери богатого коммерсанта. И Мариана сдавала нелегкий экзамен.

Не так-то просто, в короткий срок, превратиться из простой советской девушки в капризную паненку.

Ее будущий “жених”, по-польски “нажиченный”, знал неплохо все эти тонкости. Он попал в плен, бежал из лагеря, а потом в течение года проживал в Польше и некоторое время в Германии. Теперь он внимательно присматривался к тому, как усваивает Мариана манеры паненки, делал ей замечания, поправлял, если она, говоря по-польски, неправильно ставила ударения.

Наконец подготовка окончилась.

К вечеру, когда на землю начали опускаться сумерки, Мариана вышла на порог, посмотрела на небо. У нее уже выработалась привычка — как только выйдет из помещения, сразу смотреть вверх: погода летная или нелетная? На этот раз погода действительно была “летная”: темная звездная ночь.

“Да, здесь тихая, уютная ночь. А какая погода там?” — подумала Мариана. Она мысленно перенеслась за много сотен километров в район действия. Сколько раз приходилось ей прыгать с парашютом, сколько месяцев работать в тылу противника, а все равно ловит себя на мысли “очень боюсь”.

Однако через три часа вылет. Нужно еще раз проверить материальную часть рации. Мариана возвращается в комнату.

...В который уже раз она шупает каждый проводок, каждую деталь этого маленького, но перенасыщенного множеством разных деталей аппарата. Особенно ее беспокоит конденсатор. Чуть не в порядке — сразу возникает шум в наушниках. А ей нужно принимать не менее ста двадцати знаков в минуту. Это ускоряет связь и дает возможность избегать пеленгации.

Ну, кажется, все в порядке. В комнату входит инструктор Алешин.

— Как твоя “красавица”, не капризничает? — спрашивает он и надевает наушники. В его большой руке ключик совершенно исчезает. — Все в порядке. Звук четкий, — заключает Алешин. — А теперь давай укладывать.

— Я сама, — опережает его радистка. Она понимает, что от удара при приземлении рация может испортиться. Поэтому Мариана обкладывает ее ватой, предусмотренной по инструкции, и другими мягкими вещами.

— Ты ее кутаешь, как младенца, — иронизирует инструктор.

— А как же? — серьезно говорит Мариана. — Это самый верный помощник и друг там, в тылу. Я в самом деле люблю ее, как живое существо.

Уже совсем стемнело. В садике около дома возились, устраиваясь на ночь, грачи.

Наконец к подъезду подкатил “пикап”. Мариана еще раз оглядела комнату — не забыть бы чего-нибудь. Они взяли свои вещи и вышли.

Через полчаса машина остановилась у знакомого подъезда. Не прошло и пяти минут, как оттуда вышел Анатолий и тоже забрался в кузов.

— Вечер добрый, пани, — поздоровался он, деликатно пожимая руку Марианы.

Итак, с этой минуты они уже связаны друг с другом, может быть, больше, чем родные. Судьба одного зависит от поведения другого.

В кузове лежат два брезентовых мешка. Это парашюты.

По прибытии на аэродром Мариана просит инструктора развернуть и проверить каждый парашют в помещении и при хорошем свете.

— Зачем разворачивать, они ведь уже уложены, — недоумевает Анатолий.

— Не мешает, — отвечает Мариана уклончиво.

Время бежит быстро. Через полчаса вылет. Мариана начинает нервничать. Все время взглядывает то на часы, то на небо. Последние минуты на Родине, последние минуты на свободе. Она ловит себя на мысли: “А все-таки страшно. Как хочется вернуться обратно...”

— Время! — слышится голос из темноты, и Мариана понимает: надо надевать на себя груз. Ей помогает инструктор. Он обвешивает ее со всех сторон сумками. На одном боку рация, на другом — батареи радиопитания. На груди — рюкзак с вещами и продуктами на первое время и все для оказания медицинской помощи, как называла его сама Мариана “Самопомощник”. На спине — парашют.

Мариана попыталась сделать шаг к самолету, но покачнулась и чуть не упала.

— Не спеши, дорогая, на тебя навешен груз в тридцать пять примерно килограммов, так что и свалить может, — сказал инструктор, подхватывая ее. — Сейчас мы вместе...

При помощи товарищей поднялась Мариана по трапу в самолет. За ней сел Анатолий. Они сразу уточнили порядок прыжка.

— Радистка прыгает первой, — повторяла она уже не раз сказанное.

— Хорошо. Главное — не растеряться, — соглашается Анатолий.

Ночь стала еще темней — то ли от того, что захлопнулась дверь самолета, то ли от того, что разведчики расстались с друзьями. Вздрыгнул фюзеляж, машина стала выруливать на старт. Взыли моторы. Спустя несколько мгновений самолет поднялся в воздух и взял курс на запад.

В комбинезоне, надетом поверх демисезонного пальто, Мариана сидела, прижавшись к окну самолета. К ее рюкзаку привязана лопатка — орудие, необходимое для того, чтобы после приземления закопать парашют.

Напрягая зрение, Мариана смотрит вниз. Анатолий, отныне “Курц”, сидит неподвижно рядом. Ему впервые предстоит прыгать с парашютом в тыл противника ночью. Тут радистка намного превосходит его. Зато у него есть другие большие преимущества: знание немецкого языка, диплом врача, недюжинная физическая сила.

Но сейчас обоих тревожит приземление. Оба понимают, что первые минуты во вражеском тылу могут оказаться и последними в их жизни.

С момента вылета Анатолий стал для радистки единственным другом, товарищем.

— Как себя чувствуете? — спрашивает, словно угадывая ее думы, Анатолий.

— Хорошо, а вы?

— Я тоже неплохо.

— Главное в воздухе не очень отдаляться и не потерять друг друга! — кричит ему девушка.

— Постараемся, — ответил Анатолий.

Но вот загорелась сигнальная лампочка, раздался гудок. Опять загорелась лампочка и — широкий шаг в ночь.

Несколько секунд, потом сильный толчок — динамический удар парашюта.

Самолет сделал круг над ними. Летчик, видимо, убедился, что парашюты раскрылись, и повернул на восток.

“Трудно передать то чувство, которое охватывает тебя, когда ты отрываешься от самолета и потом следишь, как он дальше и дальше улетает от тебя, исчезая в ночи, — вспоминала впоследствии Мариана. — Эти мгновения непередаваемы. Их нельзя себе представить в другое время, в другой обстановке. Их надо самому пережить”...

В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ

Приземлились разведчики удачно, километрах в двадцати от места, где им предстояло работать. Анатолий помог девушке отстегнуть ляжки. Вдвоем быстро вырыли ямы и закопали парашюты и комбинезоны. Из рюкзаков достали польское платье, переделались. Мариана быстро напудрилась в темноте, покрасила губы, чтобы стереть следы бессонной ночи, надела шляпку. Ее спутник тоже “навел лоск”. Теперь они были на чужой территории и входили в свои роли.

Уничтожив все следы, поспешили отойти подальше от места приземления.

...Весна входила в свои права. В воздухе стоял запах талой земли. Мариана особенно любила эту раннюю весеннюю пору. Дома, в Молдавии, в это время уже набухают почки яблонь, на склонах холмов в своих бело-розовых легких одеждах красуются абрикосы... Особенно хорошо сейчас у Днестра. Многоводный, он подступает к самым садам, обдавая жгуче холодной волной стволы яблонь, молодую траву.

Мариана проводит рукой по лицу, и видение исчезает.

Скоро рассвет.

Они останавливаются, устраивают из пальто шалаш, разворачивают карту. Под слабым светом карманного фонаря Мариана изучает район приземления. Она лучше Анатолия ориентируется по топографической карте. Уже не раз приходилось шагами, а то и ползком измерять маршруты, проложенные на картах. Поэтому и теперь уверенно шепчет:

— Вот видите? Километрах в трех проходит шоссе. Оно тянется до самого Кракова.

Анатолий ставит на карту компас, повторяет координаты.

— Нужно держаться юго-запада, — говорит он.

Перед рассветом стало совсем темно. Разведчики идут по компасу в намеченном направлении. Кажется, все правильно, ко кто его знает — не сбились ли с пути? Неожиданно они наталкиваются на столб. В темноте еле-еле вырисовывается острый конец треугольника.

— Дорожный указатель, — шепчет Анатолий.

Хорошо бы узнать, куда он показывает, какое селение рядом, но... осветить столб — значит выдать себя.

— А что, если свалить столб и попытаться прочитать? — предлагает Мариана.

— Это идея, — одобряет Анатолий. Он кладет на землю чемодан, хватается за столб. Девушка усердно помогает. Наконец столб вытащили, положили его наземь.

— А теперь что? — задает вопрос Мариана. — Здесь даже шалаш из пальто опасно делать. Рисуем демаскировать себя. Ведь на самой дороге находимся.

— Попробуем прощупать буквы, — предлагает Анатолий и оба опускаются на колени. В это время с горы доносится гудок автомашины. Вдали, где-то вверху показались огоньки.

— Машины!

Разведчики быстро отскочили в сторону, прилегли и, затаив дыхание, прождали несколько минут. К счастью, то было не колонна, а только три машины, на большой скорости промчавшиеся мимо них.

Прождав еще немного, они снова подошли к указателю. Щупают пальцами буквы, но никакого результата. Вдруг Анатолий спросил:

— А ты по какому читаешь?

Тут Мариана поняла, что потратили зря столько времени, ища русские буквы.

— Тьфу, черт! Забыла. — И снова начала прощупывать надпись на указателе.

— Теперь другое дело! — говорит Мариана, читая вслух.

— Н а х К р а к о ф. Нах Кракоф. 22 километра.

— Как в воду смотрели наши летчики, — сказал обрадованный Анатолий. — Сбросили прямо в цель. Ни малейшего отклонения.

Будучи теперь убеждены, что идут правильно, в ожидании дня, свернули в сторону от дороги.

* *
*

...Рассвет наступил сразу, и разведчики будто почувствовали какой-то внутренний толчок: “Время!” Вышли на шоссе. С этого момента они по-настоящему вступили на опасную дорогу, на путь новой жизни, жизни разведчика.

— Значит с этой минуты ты — пани Поля, а я доктор Курц, — сказал Анатолий. — Нужно следить, чтоб не проговориться как-нибудь. Разговаривать только по-польски, даже когда будем вдвоем. Да привыкай говорить мне “ты”.

— Да. Во вражеском тылу и стены слышат, — согласилась Мариана.

При виде приближающейся машины Анатолий смело поднимает руку с зажатými в ней деньгами — немецкими марками. Шофер увидел марки, остановил машину и пригласил пани и пана садиться. Машина шла в город.

Анатолий попытался разговаривать с шофером-немцем, но тот, как на зло, оказался молчаливым. Он, насупившись, смотрел вперед и только как-то странно дышал, посвистывая носом.

Мариана посмотрела на него и невольно улыбнулась:

“Так сопел наш кот Васья под печкой, когда на дворе бывала вьюга”.

Анатолий держался очень спокойно и уверенно, как и подобает немцу на оккупированной фашистами территории. Он то и дело спрашивал о чем-нибудь шофера, сам начинал рассказывать разные небылицы.

Мариана поняла, что ее напарник — настоящий разведчик, не в пример “дяде Пете”, с которым отправилась она в первое задание и который так позорно струсил при приземлении, оставив ее одну, и окончательно успокоилась. Теплый воздух, идущий от мотора, посапывание шофера начали укачивать. После бессонной ночи усталость смыкала веки. Мариана с трудом преодолевала дремоту.

Анатолий, он же Курц, все подталкивал ее. “Крепись”, — говорили его глаза.

Наконец зашевелился и шофер, буркнув, как из бочки:

— Фрау не привыкла к дорогам, нежная, — он, видимо, по-своему понял состояние Марианы. Потом добавил молодой женщине:

— В город сейчас въезжать нельзя. Рано.

Разведчики переглянулись. Это для них было новостью. Нужно выпытать у этого замкнутого немца как можно больше о порядках в данной местности.

— Это почему? — деланно возмутился Анатолий. — У нас в Ченстохове — с семи часов. Пожалуйста, выезжайте, выезжайте.

— То Ченстохов, а это Краков... Почти столица теперь, — ответил шофер. — Цивильным можно только после восьми часов...

Машина остановилась километрах в двух от города. Шофер взглянул выпуклыми бесцветными глазами на своих пассажиров, давая понять, что приехали, мол, выезжай.

— Данке шен, — сказал ему Курц и протянул несколько марок.

Курц свободно говорил по-немецки. По документам он значился врачом, немцем из Ровно, как и его жена — полячка пани Поля.

Он надел по-польскому обычаю на плечи рюкзак с вещами и двумя батареями, а в левую руку взял круглый чемодан из красной кожи, в котором под медицинскими инструментами была спрятана рация. Прошли немало вслед за машиной. Убедившись, что они совершенно одни, разведчики стали обсуждать услышанное.

— Раз не пропускают, значит могут и проверять тоже, — сказала Мариана, косясь на свой багаж, спрятанный в чемодане и рюкзаке своего спутника.

— Пожалуй, могут, — согласился Анатолий.

Свернули с дороги. Договорились:

— Подождем, пока наступит время, и тогда решим. А пока поищем, где спрятать рацию и батарею.

Вскоре заметили движение по дороге. Значит, уже время подошло. Разведчики взяли путь в сторону от города.

У небольшой рощицы присели. Осмотрелись и, убедившись, что их никто не видит, решили закопать рацию.

Финкой и перочинным ножиком выкопали яму у самого корня большой раскидистой орешни, вложили все в прорезиненный рюкзак и закопали, оставив на ветке дерева незаметный знак-ориентир.

— Вот так будет спокойнее, — сказал Анатолий, вытирая руки мокрой от росы травой.

К двенадцати часам дня разведчики уже были на эвакопункте. Это был очень смелый шаг, но они действовали по продуманному плану. На эвакопункте находились в основном прибывшие из разных стран немцы, националисты из польских городов, расположенных поближе к фронту, беженцы с Украины и вообще, как выразился Анатолий, “всякая сволочь”.

Но эти люди меньше всего интересовали немецких властей и редко подвергались проверке. А это их устраивало.

Курц вел себя, как подобает представителю “арийской крови”. Он не просил, а требовал, размахивая своим немецким дипломом врача и указывая на хромую ногу, которую “покалечили большевики”.

Ему предложили работу в лагере для военнопленных. Выдали карточки в столовую, в которой питались украинцы и немцы, выходцы из России и Польши.

Здесь Мариана столкнулась с теми, кого глубоко презирала — с изменниками Родины. Ради своей шкуры они предавали все и всех. Эти люди без родины вызывали в душе Марианы отвращение и ненависть. Ей стоило больших усилий сдерживать себя и мило улыбаться, а иногда даже вступать в разговор, сидеть за одним столом и делать вид, что они — люди одной судьбы. А иначе пани Поля не могла вести себя. От безупречного исполнения новой роли зависело всецело не только выполнение правительственного задания, но и сама их жизнь. Дер-

жался и Анатолий, хотя ему это стоило огромных усилий. Попав раненым в 1941 г. в плен, он потерпел многое не только от фашистов, но и от их прислужников.

Однако самым сложным вопросом оставался радиоквартира. Комната, предложенная в гостинице для так называемых “эвакуированных патриотов”, не устраивала ни в какой мере. Это был одноэтажный старый домик, поделенный расчетливым хозяином на множество клетушек, которые раньше сдавались студентам. Здесь и речи не могло быть о размещении рации.

Правда, к этому дому, как и к вокзалам, эвакуопунктам и всем гостиницам, большим и маленьким, всегда приходили владельцы квартир и предлагали свои услуги — комнату или угол.

В последнее время в Кракове развелось множество так называемых “частных гостиниц”. Люди теснились в одной комнате, а остальную площадь сдавали внаем. Плата — от пяти до десяти злотых — нередко являлась единственным источником их существования.

Этот старинный польский город и до войны был известен большим количеством безработных. А к третьему году войны, когда большинство промышленных предприятий было переоборудовано под военные заводы, большую часть рабочих уволили. Многие патриоты-поляки сами бросали работу, не желая сотрудничать с немцами. В городе образовалась целая армия безработных. Продовольственные магазины пустовали, цены на продукты на рынке росли, на промтовары падали изо дня в день. С каждым днем росло недовольство поляков “новым порядком”, установленным немцами. Фашисты бесчинствовали, притесняли во всем жителей города. Даже в трамваях поляк не имел права садиться там, где хотел. Вагон был поделен канатом на две половины; на стенке одной из них белела надпись по-немецки и по-польски: “Нур фюр дойтч” — только для немцев. А если случайно кто-то попадал в немецкую половину вагона, его сразу грубо выпроваживали, что, конечно, очень оскорбляло поляков. Первое время они вообще почти перестали пользоваться трамваем.

Так же мучительно переживали поляки запрещение петь польский гимн в своей стране. И они это делали лишь в большой тайне. Хождение разрешалось только до десяти часов вечера. Одним словом, условия оказались такими, что население было вынуждено продавать жилую площадь. Но разведчикам требовалась особая квартира, чтобы пристроить рацию. Поэтому они искали комнату с отдельным ходом. Наконец в нижней части города нашли то, что нужно.

Хозяин дома пан Добровольский, несмотря на нужду, очень неохотно принял Курда к себе на квартиру. Паню Полю, считая полькой, он ругал втихомолку за то, что продала свою совесть за эрзацконсервы и вышла замуж за фрица. Но что поделаешь? Немцы здесь хозяева, а они, поляки, должны угождать им и терпеть.

Однако многие не хотели терпеть и находили свои методы борьбы. В городе на заборах появились надписи: “Берегись, фашисты! Днем город ваш, а ночью — наш”. Вслед за этим городская информационная газета “Гонец Краковский” объявила о поимке партизана, покушавшегося на жизнь немецкого офицера. Однако оккупанты пока чувствовали себя хозяевами. Но город глухо кипел. Казалось, вот-вот чаша переполнится, и вспыхнет пожар. Шутка сказать — эта часть Польши оставалась чуть не единственным местом, где еще можно было спать спокойно, не бежать стремглав в бомбоубежище. Поэтому в этом районе сосредоточив; многие немецкие военные власти, некоторые польские правительственные учреждения, покинувшие беспокойную Варшаву, а также знать, бежавшая со всей Польши и даже из ставшей небезопасной Германии.

В магазинах ничего не было, рынок пустовал, а на черной бирже кишело спекулянтами. Со всех сторон только и были слышны крики:

“Довоенный, довоенный материал! На мужской костюм!”

“Русская довоенная шерсть”.

“Английский бостон”...

Спекуляция стала самой модной и прибыльной профессией. Все менялось на продукты питания. Злоты обесценивались. Их отдавали пачками за десяток яиц, банку консервов или яичный порошок. У некоторых появились даже доллары, которые пока кое-как ценились.

Здесь же, на рынке, можно было услышать всякие новости, узнать настроение или, говоря на военном языке, “моральное состояние населения”. Одни тихонько ругали Гитлера, другие громче поносили эмигранта Миколайчика, третьи во все горло негодовали на русских. Последние были в более выгодном положении. Их никто не арестовывал. Наоборот, немцы всячески поощряли таких горлопанов. Но их с каждым днем становилось все меньше и меньше. Советские войска успешно наступали по всему фронту. Победы под Москвой, на Ленинградском фронте, на всех Украинских фронтах отзывались здесь новыми эшелонами раненых, прибывших с театра военных действий. Это убедительнее всех газетных сводок свидетельствовало о том, что миф о непобедимости гитлеровской армии терпит крах.

Разведчикам приходилось внешне принаравливаться к обстановке, влиться в общий поток, чтобы оставаться незаметными. Курц “добросовестно” трудился, старался войти в доверие к хозяевам, а пани Поля-Мариана пока присматривалась, входила в свою роль. В эти дни им особенно хотелось прямых боевых действий. Когда проходили мимо аэродромов, вокзалов и других объектов, их так и тянуло подложить мину или пару кусков тола и поднять в воздух склад с горючим, состав или просто взорвать вокзал, в котором было так много солдат и офицеров. Но... они не для этого сюда посланы. “Ваше дело — наблюдение и информирование Советского командования”, — помнили они указание.

Анатолий вошел в доверие к начальству и через месяц его послали в санчасть аэродрома, в трех километрах от их квартиры. Центр одобрил действия Анатолия, и он работал очень “старательно”. У него появилось

много “друзей”. Пани Поля тоже не теряла времени даром. Подружилась с хозяйкой и при ее помощи начала заниматься мелкой ручной торговлей, стала “хандляжкой”, как в Польше называли спекулянтов.

Новое занятие давало возможность ходить по базарам, по магазинам, прислушиваться к разговорам, примечать, что делается вокруг. Профессия спекулянтки никого здесь не удивляла: этим занимались многие женщины, даже зажиточные и богатые.

В назначенное время пани Поля-Мариана выходила в эфир, передавая новую информацию. В эти минуты она чувствовала себя самой счастливой, как будто в самом деле побывала на “Большой земле”. Она неизменно заканчивала передачи знакомым всем радистам кодом-жаргоном “99”, что означало “целую”. Ей было все равно, кто этот радист: мужчина или женщина, молодой или старый. Он — советский человек с “Большой земли”, и этого было достаточно.

Постоянно приходилось бывать начеку, ибо словоохотливая хозяйка квартиры пани Ванда не давала своей жиличке скучать, всячески старалась развлекать молодую пани.

Курц также имел возможность бывать в городе, беседовать, а иногда и обедать с каким-нибудь болтливым немцем, хваставшимся, что он “в курсе всех событий”.

Особенно старался Курц подружиться с новым инженером, который держал себя гордо и независимо.

Разведчик прикидывался ярым патриотом фашистской Германии и постоянно жаловался на свое ранение, из-за которого он “не может быть вместе со всеми воинами любимого фюрера там, где решается судьба фатерланда...”

— Не волнуйся, доктор, мы ценим твою преданность. Фюрер не забудет тех, кто оказывает услугу третьему рейху, — напыщенно говорил инженер, сидя вместе с Курцем за столом в ресторане. — Я вот тоже не на самой передовой. Но я тут нужен не меньше, чем на фронте. Скоро начнем сооружать новый аэродром. Сейчас я работаю над новым проектом укрепления, от которого русским станет жарко, — хвастливо заявил уже охмелевший изрядно офицер и хлопал Курца по плечу.

— О! Не сомневаюсь в победе немецкого оружия и горжусь дружбой с таким героем, как вы. Моя жена тоже будет рада, если господин инженер окажет нам честь своей дружбой.

— О! Фрау Поля! — воскликнул немец, и его тонкие губы растянулись в довольную улыбку. — Не будь она твоей женой, я бы не прочь поухаживать за ней...

От Курца-Анатолия не ускользнул плотоядный блеск в глазах офицера, когда он говорил о пани Поле. Ему вспомнился и тот его взгляд, каким он смотрел на нее, когда впервые пришел к ним гости.

* *
*

Придя домой, Анатолий подробно рассказал Мариане о своей беседе с инженером аэродрома. Не скрыл и того, что она приглянулась инженеру.

— Ты используй это, пококетничай с ним.

— Какой неревнивый муж, — сказала Мариана, и оба расхохотались. Они так хорошо играли свои роли, что никто не мог бы подумать, что это не муж и жена, а два разведчика, выполняющие чрезвычайно опасную и трудную работу — люди, которые ежечасно, ежеминутно ставят свою жизнь на острие ножа.

Только изредка, когда и они могли располагать свободными минутами, делились друг с другом мыслями. Анатолий рассказывал о своей жене Саше, о дочурке Томочке с такой любовью, что Мариана и сама полюбила их. Знал и Анатолий, что у Марианы есть друг, сражающийся на фронте.

— Вот как жизнь круто повернула, — сказал Анатолий. — Говорю тебе “пококетничай”, а у самого сердце болит. Ведь фриц проклятый и на большее понадеяться посмеет. А я батю слово давал беречь тебя. Помню, как он напутствовал меня: “Смотри, Анатолий Алексеевич, головой отвечаешь за дивчину”.

— Батя, батя. Настоящий отец. — Мариана вспомнила встречу с генералом за два дня до вылета в тыл противника. Сидели они оба на диване, он гладил ее по голове, как маленькую, и говорил:

— Будь умницей, дочка, зря не рискуй. Хорошенько подумай, прежде чем сделать какой-нибудь шаг. Береги себя. Я ответ должен держать за тебя перед твоими батьками. Представимся с тобой после войны перед ними и скажу я им: “Спасибо за дочку”. Тогда она радостно улыбалась, чувствуя себя под защитой этого очень доброго человека в генеральской форме.

А теперь они находились одни во вражеском тылу и держали экзамен перед Родиной. И разведчики были готовы на все во имя высокой цели, во имя победы над врагом.

Через несколько дней после разговора в ресторане Курц предупредил Мариану, что вечером придет с инженером. Она приготовила ужин, сервировала стол, как подобает в добропорядочном доме, надела платье с глубоким декольте, которое ей было очень к лицу.

Встречая гостей, она нежно улыбалась, глаза выражали радостное удивление.

— О, проше, проше пане. Какая приятная неожиданность! Пожалуйста к столу, — пригласила она “желанного” гостя и опять улыбнулась ему, сверкнув двумя рядами ровных белых зубов. Немец взял ее руку и долго держал у своих губ, глядя из-под бровей то в глаза молодой пани, то на ее открытую белую шею.

Анатолий в это время, стараясь ничего не замечать, долго мыл руки, словом, “создавал условия”, как шутил он после.

Мариана не отняла сразу руки. Так было положено начало “дружбы” между советскими разведчиками и фашистским инженером.

Вскоре доктор Курц-Анатолий и пани Поля-Мариана стали желанными гостями и в других домах немецких офицеров, где бывал инженер. Главным образом, это были гитлеровские офицеры, “женившиеся” на украинках или полячках. Своих настоящих жен эти немцы, конечно, с собой не возили. О-о-о! Как пригодились здесь знания польского языка. Она от души благодарила деда Казимира, соседа, который усердно обучал свою дочку Жозефу польскому языку. А поскольку Жозефа лучшая подруга Марианы и они всегда бывали вместе, она невольно усвоила разговорную польскую речь.

Мариана одевала лучшие платья, казалась веселой, благовоспитанной купеческой дочерью. Офицеры охотно танцевали с ней, говорили ей комплименты, льстили. Особенно внимателен бывал к ней инженер, майор Гольдфриг, от которого разведчики узнавали много для них важного. Иногда разведчикам приходилось только уточнять некоторые сведения о передислокации частей, о прибытии новых воинских формирований. О потерях противника, о моральном состоянии солдат и офицеров в тылу и на фронте и обо многом другом они черпали сведения за рюмкой водки.

Особый интерес проявляли Курц и пани Поля к высказываниям немцев о союзниках, о втором фронте, который все не открывался. Доктор, нередко притворяясь выпившим, начинал разговор.

— Англичане бомбили вчера наши западные районы, — говорил он, пользуясь сообщениями газет и радио. И сразу возникал разговор о втором фронте. Разведчикам оставалось только фиксировать почти единогласные мнения гитлеровцев.

— Я предпочитаю воевать на этом втором фронте, чем на русском. Все-таки американцы джентльмены, с ними всегда можно найти общий язык. А с этими русскими фанатиками-коммунистами не очень-то приятно встретиться, — сказал пожилой немец, держа в руке фужер с вином. — Вот сынок мой там и пишет, что дерутся, как звери. Никакой культуры.

— Хе-хе. Культуры захотел старик. На фронте — белые перчатки, — хохотал инженер. — Сразу видно тыловика.

Пожилой немец насупился, но не решился, видимо, возражать заносчивому майору. Все же его высказывания положили начало нужной разведчикам беседы.

Из гостей Мариана и Анатолий возвращались усталыми, разбитыми, но довольными... как настоящие актеры после нелегкого спектакля.

— Как вам понравился сегодняшний спектакль? — спрашивала Мариана, когда они оставались наедине.

— Вы играли бесподобно, — отвечал Курц — Даже я не замечал, как в мой стакан попадала вода.

Они перебирали в памяти все услышанное: танковый полк, находившийся в запасе, готовится на фронт... Аэродром переоборудуется и переходит на боевое снаряжение... Солдаты перестают верить в победу. Настраение падает...

Разведчики уточняли добытые сведения, и на “Большую землю” из далекого тыла противника летели важнейшие сведения, которые в большой степени облегчали советским войскам продвижение вперед. Не зря разведчиков называли глазами и ушами армии.

— А что это за аэродром, о котором рассказывал майор, что якобы русских водят за нос? — спросил Анатолий, вспоминая, как при этом хохотал этот веснушчатый офицер. — Чуть ли не каждую ночь сбрасывают бомбы, а он неуязвим.

— Нужно разузнать и сообщить нашим. Но где такой аэродром, — рассудила вслух Мариана, припоминая количество налетов советской авиации.

Анатолий тоже задумался, но так и не нашли ответа.

— Я уточню, — решительно заявил Анатолий после некоторой паузы.

Несколько дней разведчики вели усиленные наблюдения в поисках неуязвимого нового аэродрома. Мариана выезжала в разные направления, присматривалась, но, ничего не обнаружив, возвращалась огорченной.

Стали обдумывать новый план. Решили:

— Потратим неделю, другую, по разведаем. Даже если понадобится выйти за пределы нашего района действия, — сказал Анатолий. Было ясно, что выезжать необходимо Мариане, ибо он, Анатолий, занят на службе и его отлучка может вызвать подозрение. План оказался удачным. Не доезжая Перемышля, Мариана заметила недалеко от шоссе аэродром. Но что-то странное казалось в мертвенной тишине. “Не этот ли”, — подумала Мариана. Остановилась в ближайшей деревне. Попросилась ночевать, предлагая крестьянкам разные вещицы. В ту ночь, к счастью, хозяева разбудили ее по тревоге.

— Пани, а пани, бежим в бункер. Бомбежка. Русцы.

Мариана вскочила, быстро оделась, но в бункер не пошла. Она прильнула к стене дома и наблюдала за происходящим. В небе зажглось множество фонарей. Стало светло, как днем. Самолеты перелетели через село в направлении аэродрома. Вскоре послышалась зенитная стрельба, а затем и взрыв бомб.

Несмотря на зенитный огонь, самолеты отбомбились и улетели к востоку. Через некоторое время в дом вернулись хозяева, таща за собой постель.

— Чего пани глазеет, проглотить хочет — что ли? — сердито спросил пожилой хозяин дома.

— Я замешкалась, пан, а потом не знала, куда вы делись, — оправдывалась Мариана. — А что, это часто у вас так бывает?

Старик немного задумался, почесал затылок и как бы пренебрежительно ответил:

— Почти через каждые один–два дня. Тратят бомбы зря.

— Как зря? Они же бомбят что-то там. Завод или еще что-либо, — спросила наивно Мариана. Но старик, прищурив один глаз, безразлично махнул рукой.

— Какой там завод. Фанерные самолеты. Манекены, вот что там. Фашисты хитрят, а мы отдуваемся. Иногда эти бомбы блуждают и достаются нам. А швабам что? Обманули и рады.

Тут-то разведчица и поняла: “ложный”.

Наутро она обменяла кое-какие вещи на молочные продукты, поблагодарила хозяев и уже пешком направилась по шоссе в сторону аэродрома... “Проверю. Не ошибаются ли старики”.

...Дома она зашифровала радиogramму, указав точные координаты, ориентиры “ложного” аэродрома и передала на “Большую землю”.

На следующий день она расшифровала радиogramму, в котором руководство благодарило.

“ОБЛАВА ЗАПРЕЩЕНА”

За эти месяцы доктор Курц и пани Поля укрепили свое положение в районе действия. В центре были довольны их работой. Только Мариана, выходя в эфир, частенько задумывалась над тем, как бы их не засекли. Это все больше и больше беспокоило ее. Шутка ли, целые месяцы находиться на одном месте. К тому же некоторые радиogramмы получались большими, так что пеленгаторам легко было обнаружить чужую радию.

Как-то вечером Мариана поделилась своими опасениями с Анатолием. Они шепотом обсуждали положение, когда кто-то с силой ударил ногой в дверь...

Сунув “вальтер” под подушку, Мариана быстро забралась под одеяло. Анатолий стал у дверей. Они понимали, что подобное посещение не может быть связано с их деятельностью: немецкая контрразведка действует аккуратнее. Но нужно быть готовыми ко всему...

Удар повторился.

— Кто там? — сонным голосом недовольно спросил по-немецки Курц.

— Открывай, пшя крев, — закричали за дверь. Посыпались немецкие ругательства вперемежку с польскими.

— В чем дело? — повторил Анатолий.

— Открывай, не то дверь взломаем! — послышалось в ответ. Анатолий взял в руку электрический фонарик и открыл дверь. Перед ним стоял высокий солдат с карабином на плече...

— Пшя крев! — выругался снова незванный гость.

— Здесь женщина, прошу потише! — повысил тон Анатолий.

— Полячка не есть женщина! — закричал солдат, пытаясь проникнуть в комнату.

— Я такой же немец, как и ты, чего шумишь? — ответил, разозлившись Анатолий.

— Немец, говоришь? Документы?

Он протянул солдату документы, подписанные начальником аэродрома.

— Артц! — удивился солдат и отступил на шаг.

На следующий день Анатолий-Курц рассказал об этом случае своему начальнику.

— Это возмутительно, — негодовал Анатолий. — Солдат позволяет себе приставать к жене врача.

— Приставал к пани? — переспросил разгневанный майор Гольдфриг.

— Да, господин инженер, к сожалению. Еле-еле уговорил пьяного солдата покинуть наш дом. Такие гости могут зачистить ко мне, если вы не возьмете меня под защиту, — закончил доктор возмущенно.

— Это безобразие нужно пресечь, — заявил Гольдфриг, глядя на подполковника.

— Да, доктора нужно взять под защиту. Выдать ему мундир и обезопасить квартиру.

На второй день на дверях квартиры, где жили разведчики доктор Курц и пани Поля, как они там назывались, была прибита табличка с немецкой надписью “Облава запрещена”. Подобные надписи делались на домах и воротах самых благонадежных. Она ограждала от вторжения ночного патруля.

Анатолий натянул на себя немецкий мундир, который заставил и хозяина дома изменить отношение к квартиранту. Это была большая победа. Мариана могла спокойнее работать на радию.

Для того, чтобы добыть точные сведения об аэродромах, складах, заводах, разведчикам приходилось прибегать к самым различным уловкам. Мариана нередко выезжала на расстояние до ста-двухсот километров. В этом ей опять же помогала профессия “хандляжки”. Девушка клала в кошелку шелковые чулки, белье и отправлялась по селам и городкам.

Однажды, придя на вокзал, она по обыкновению оглядела составы. Ее внимание привлек тот, кто стоял на третьем пути. Из окон и дверей товарных вагонов выглядывали военные в летной форме. Мариана попробовала сосчитать их, но тщетно. Они то выскакивали из вагона, то снова прятались. Тем не менее она заметила, что их много. С солдат она перевела взгляд на груженные каким-то необычным грузом платформы. Здесь были и стекло, и фанера, и большие прожекторы, много разной аппаратуры и ящиков. Другие платформы были покрыты брезентом и только по тому, как торчало то в одну, то в другую сторону что-то длинное, похожее на ствол пушки, Мариана догадалась: зенитки.

“Ну да. Раз летчики, значит и зенитки. Однако похоже и на строительную часть”, — подумала Мариана, изучая опознавательные знаки солдат.

“Поблизости, должно быть, военный аэродром строится. Но где? Какой он, какие там самолеты?”

Если долго размышлять, можно потерять ценные сведения. А установление дислокации вражеских аэродромов занимало важное место в работе разведчиков. У Марианы было свое твердое мнение по этому вопросу и она старалась из всех сил убедить в этом Анатолия, который считал, что преимущество немцев составляют тапки.

— Что ты говоришь? — горячо возражала Мариана. — Всякое другое войско, будь это танковые части, пехота, артиллерия или какое-либо другое, что передвигается по земле-матушке, может встретить разные препятствия на пути к фронту. Особенно страшны им партизаны. А авиация? Поднялась в воздух, и до свидания. Может только встретиться с нашими самолетами или попасть под зенитный огонь. А в большинстве случаев смертоносный груз они сбрасывают на наши города и села.

И вот перед ней новый аэродром. Правда, он пока на платформах, в разобранном виде, если можно так выразиться. Но через несколько дней он начнет действовать, станет боевым. И Мариана на минуту представила себе, как “мессеры” и “фокке-вульф” целыми стаями взлетают и направляются на восток.

“А может, это совсем не авиаоборудование, — усомнилась девушка. — Но тогда почему летчики? Нет, определенно аэродром или авиамастерские. Важно и то и другое. Надо уточнить. А как? Сесть на следующий поезд? Рискованно. Можно потерять из виду этот состав. За городом линии разветвляются в разные стороны”.

И тут созрело решение.

“Машинист, наверняка, поляк. Попытаюсь узнать, до какой станции идет состав”. С этой мыслью она подошла к паровозу.

— Пан машинист, скажите, пожалуйста, нельзя ли мне вашим поездом добраться до Кузлова? — спросила она на чистом польском языке.

— Нет. Не доезжаем, — сухо ответил черномазый машинист, выглянувший из окна.

Мариана закусил губу.

“Значит, в ту сторону”, — обрадовалась она и решила использовать этого поляка в своих целях. Она снова подняла голову к окошку. Но машинист исчез.

— Пан, а пан! — позвала она его тихонько. В окне снова появилась его голова.

— Вам, пани, уже сказали, что еще нужно? — строго сказал машинист и хотел уйти, но тут же заметил в руке девушки пачку немецких марок. Она их специально достала из сумки для того якобы, чтобы переложить в карман.

— А пани куда собралась ехать? — спросил он уже более мягко.

— В Кузлов, пан, в Кузлов. Бабушка моя там тяжело заболела, — поспешила ответить Мариана, понимая, что марки подействовали на машиниста магически. — Я отблагодарю пана...

— Ладно. Залезь швидче. А то эти могут заметить, — кивнул он головой на вагоны. — А как только будет первый гудок и в случае ко мне подойдет провожатый, спрячься вон туда, — он указал глазами на тамбур.

Спустя минуту Мариана уютно устроилась около машиниста. Тот посмотрел на нее в упор, и Мариана поняла, что он ждет денег.

“Дам, дам, но сначала расскажешь еще кое-что, голубчик”, — подумала она и спросила:

— Пан, а вы краковский?

— Нет, ченстоховский, — ответил машинист, опять высовывая голову в окошко.

— А-а ченстоховский, значит, — повторила Мариана. Но разговор не клеился. Ей, молодой пани, неудобно расспрашивать человека, лицо которого почти нельзя рассмотреть, до того оно перепачкано угольной пылью и мазутом. Только глаза как-то странно блестели на чумазом лице. Но они были какие-то маленькие, круглые. А губы тонкие. Мариана подумала:

“Должно быть, злой. Нужно расплатиться, может, подobreет”.

Она открыла сумку, нарочно щелкнув замочком, и стала отсчитывать марки. Машинист следил за движениями пальцев девушки, отрываясь только для того, чтобы взглянуть в окошко.

— Проще, пан. Бардзо дзянкуе, — протянула Мариана марки.

Машинист взял деньги, сунул в карман и, как и рассчитывала Мариана, сразу стал приветливее. Даже заговорил.

— А обратно когда? — спросил он.

“Понравилось”, — поняла Мариана и решила разузнать у него кое-что. И тут же заметила улыбку в глазах кочегара.

Этот молодой поляк молча наблюдал за молодой женщиной и своим шефом. А когда Мариана вскинула глаза в его сторону, он мило улыбнулся одними глазами, и Мариане стало неловко. “Может и ему дать несколько марок”, — мелькнуло у нее в голове, она тут же открыла сумку, вынула несколько бумажек и уже хотела протянуть их кочегару, но тот отвернулся и больше их взгляды не встречались.

— Не знаю, пан, как там с бабушкой. А потом еще нужно поторговать. Знаете, пан, мы, женщины, зарабатываем тем, что тут купим, там продадим. А вы когда обратно?

— Думаю завтра утром, если разгрузиться успеем, нужно еще один рейс сделать, — разоткровенничался машинист, видимо, желая заполучить с пани “благодарность” и на обратном пути.

— А что это вы катаетесь туда-сюда? — еще больше осмелела Мариана.

— Да вот, строятся. Аэродром новый строят. Из-под Берлина разогнали, так они сюда, к нам, перебазироваться решили, ближе к фронту.

“Не ошиблась, — обрадовалась Мариана. — А какие самолеты здесь будут, сколько их, кто командует?” — все это еще предстоит узнать. Машинист вряд ли осведомлен в этих делах. Все же Мариана решила не терять эту связь.

— Пан! А что если я завтра успею к вашему возвращению? Возьмете обратно?

— Да уж услужу пани. Только будьте осторожны. Увидят — не одобровать. Состав секретный, — ответил машинист.

Часа через полтора поезд остановился в поле. Нигде не было видно ни станции, ни полустанка. Послышалась команда. Солдаты стали выгружаться. Из вагонов выносили тяжелые ящики.

Мариана оглянулась и, видя, что все заняты работой, решила ускользнуть. Но не тут-то было.

— Хальт! — крикнул солдат и подошел к ней.

Озираясь вокруг, он сказал:

— В наше время ничего даром не делается. Понятно?

— Благодарю вас, — сказала Мариана поспешно и протянула ему шесть марок. Она поняла, что исчезнуть незаметно не удастся, и решила откупиться, чтобы солдат не поднял шум.

— Нет, не пойдет. Документы?

Мариана имела при себе хорошие документы и даже пистолет. Но зачем лишний раз показывать их. Немцы любят деньги. Она открыла сумку и достала пятьдесят марок.

— Проше, пане, на расходы.

Немец схватил марки и тут же отвернулся, делая ей знак уходить. “Падки на деньги. И мать родную продадут за марки”, — подумала Мариана и поспешила скрыться.

...Шагала она быстро, почти бежала, не оглядываясь. Домой добралась лишь на второй день. Ночь она провела у одной крестьянки, за что оставила ей пару теплых носков.

Выслушав рассказ Марианы обо всем, что с ней произошло, Курц обеспокоился:

— Но как же тебе удалось вывернуться? Это очень рискованно.

— Дала этому рыжему солидную сумму. Пережитые трудности забылись, когда Мариана расшифровала слово “Благодарим”. Эта благодарность приходила к ним сюда, в далекую Польшу с “Большой земли”. Она вливалась в разведчиков новые силы, звала к действию.

ЗАПЕЛЕНГОВАНА ФАШИСТАМИ

Центр был доволен разведчиками. Значит, в радиogramмах есть ценные сведения. Это радовало. Вместе с тем с каждым днем росло беспокойство разведчиков. В городе действовало много фашистских радиостанций, которые могли обнаружить в эфире незарегистрированную рацию и начать ее разыскивать.

Предчувствие не обмануло радистку. В один день Анатолий как всегда закрыл ее снаружи и ушел на работу, сказав мимоходом хозяйке, что его жена уже ушла в город. Мариана должна была связаться с “Большой землей”, передать информацию. Десятки цифровых групп впитали в себя сведения о передислокации пехотного полка, о моральном состоянии немецких солдат и офицеров.

Она зашифровала, приготовила рацию и по расписанию вышла в эфир. Услышав ответный позывной и обменявшись с радистом “Большой земли” первыми фразами: “Как слышите” и услышав в ответ: “Слышу Вас на столько-то баллов”, она включила передатчик. На столе лежал “вальтер” и две “лимонки”. Дверь, как всегда, была заперта снаружи. Через окно ее никто не мог заметить. Она начала передавать радиogramму. Работа уже подходила к концу, как вдруг послышался какой-то шум во дворе. Мариана отстучала “подождите” и замерла, держа пальцы на ключе. “На всякий случай успею предупредить о провале”, — мелькнула у нее мысль.

Пеленгатор находился где-то совсем близко.

Она надеялась, — а вдруг на ее счастье это ложная тревога. Но вот перед домом застучали сапоги. И так, самое страшное случилось: ее засекли. Радистка, не отходя от рации, взяла “лимонку”. Решение возникло мгновенно. Если фашисты взломают дверь, она бросит одну гранату в них, другую — в рацию.

Сомневаться не приходилось. Вместе с аппаратурой погибнет и она сама. Но, как ни странно, теперь Мариану это занимало меньше всего. Главное, чтобы в руки фашистов не попала рация, а также запасные документы ее и Курца, которые хранились в ящике рации. “Живой не сдамся”, — думала она, стискивая гранату.

Стало тихо. Радистка прислушалась, стараясь разобраться, что творится за дверьми. Гитлеровцы повертели в коридоре, за стеной, к которой, вплотную прижавшись спиной, сидела Мариана. Затем постучались видно в комнату к хозяевам. Кто-то топтался у дверей квартиры радистки. Казалось, Мариана слышала его дыхание. Вот немец нажал на ручку двери.

Мариану и фашиста теперь разделяла только деревянная дверь, запертая маленьким замочком снаружи и задвижкой изнутри. Стоило фашисту нажать на эту слабую преграду и он очутился бы около рации. Девушка замерла... В висках как будто стучали тысячи молоточков.

“Неужели конец? Неужели это все?.. — мелькнуло стрелой в голове девушки. — Ах! Как хочется жить...” Такой жажды к жизни еще не чувствовала никогда. Может, это перед смертью. Ведь говорят, что в эту минуту даже тот, кто хотел умереть, молится, прося пожить еще немного.

Слух ее напрягся до предела и вот она отчетливо слышит: “Облава запрещена”.

“Показалось” — терялась в догадках Мариана.

Нет, это ей не кажется. С улицы действительно донеслись до ее ушей эти магические слова. Правда, она слышала только последнее слово “ферботен”, но этого было достаточно, чтобы понять, что есть маленькая возможность спастись. Послышались его удаляющиеся шаги и хриплое “Пшя крев”.

Несколько минут Мариана не могла сдвинуться с места. Она не была уверена, что засечена, но вероятность быть обнаруженной беспокоила ее больше всего и она как будто приросла к стулу. Даже не чувствовала, как дергалась в нервной судороге верхняя губа.

Но жизнь есть жизнь. Живой человек способен перенести многое. Такова уж человеческая натура. Мариана, глубоко вздохнув, поставила снова “вальтер” на предохранитель, осторожно положила гранату на стол и, прижавшись щекой к рации, дала волю слезам. Казалось, лишь теперь она поняла: несколько минут назад жизнь ее висела на волоске.

На некоторое время рация замолчала, но только для того, чтобы вновь заговорить уже в другом месте и по эфиру снова и снова летели точки и тире, неся советскому командованию разные информации из глубокого тыла противника.

Анатолий-Курц и не представлял, в какой опасности находилась Мариана. В целях завоевания авторитета, дабы лучше закрепиться, он затеял профилактику среди солдат против малярии и проводил ее с таким рвением, что немцы были очень довольны им.

В этот день он вернулся домой с важной информацией: гражданский аэродром начали переоборудовать в военный. Уже прибывают бомбардировщики и техника. Эти сведения надо было передать немедленно. Но он застал радистку в непривычном состоянии. Она сидела неподвижно и, глядя в одну точку, с каким-то странным безразличием слушала его. Курц внимательно посмотрел на нее.

— Что с тобой? Откуда эти синяки под глазами? Как будто дрались с кем-то. Не заболела ли?

— Была у меня тут генеральная баня. Даже не знаю, как теперь быть с этими сведениями. Они действительно очень важные. Но как их передать? Спасает только одно, как мне кажется. Они не засекали пока точное местонахождение рации, а только район.

И Мариана рассказала подробно обо всем происшедшем.

— Может, все-таки попытаемся вечером? — спросил немного погодя Курц.

— Попробовать можно. Но прежде, чем выйти в эфир, надо подготовиться к уходу. Быть может, придется бежать, как только передадим радиogramму. Если успеем, конечно. Не исключено, что они не ушли далеко.

Анатолия потрясло это большое мужество маленькой девушки...

— Почему ты думаешь, что они засекали только район? — спросил Анатолий, стараясь сохранять обычный тон.

Мариана невесело улыбнулась.

— Будь они уверены, что именно здесь, за этой дверью, находится неизвестная им радиостанция, взлетела бы на воздух наша охранная табличка вместе с дверью. А так крутятся пока, заглядывают в дома. Но рассчитывать на то, что так будет и впредь, не приходится.

— Придется прекратить работу на время, — сказал Анатолий.

— Другого выхода, кажется, не остается, — грустно откликнулась Мариана.

— Как жаль, все-таки, я как раз хотел предложить расширить нашу сеть. Облюбовал тут одного великана, — не мог успокоиться Анатолий. — А оно вон как круто повернулось, черт бы его побрал.

Он опустился на табурет, подпер голову руками и долго просидел так, молча обдумывая что-то. Мариана знала эту привычку товарища и никогда не мешала ему, ибо каждый раз после раздумья он делал умные предложения, высказывал ценные мысли.

“Как хорошо все-таки, когда рядом старший товарищ”, — подумала она, словно Анатолий одним своим появлением снял с нее половину тяжелого груза. Но вот он поднял голову.

— И все же связи наши нужно расширить, — произнес он решительно. — Этот человек может быть нам полезен. Ведь в случае провала у нас нет запасной квартиры.

— Это верно. Прятаться негде, а фронт далеко, — подтвердила Мариана. — А кто этот человек?

— Русский военнопленный. Здоровенный такой сибиряк. Чем-то заслужил доверие немцев и служит в охране лагеря военнопленных. Женится на полячке. Живет по улице Зеленой.

— Сволочь, наверное, порядочная, раз в милости у фашистов.

Да нет. Он связан с польскими партизанами. Я давно за ним наблюдаю. Однажды видел, как он встретился с поляком. Кроме того, парень ведет работу среди пленных. А вообще, конечно, проверить его нужно.

* *
*

Передачи на время были прекращены. Мариана включала рацию только для приема сводки “В последний час”. Надевая наушники, она настраивалась на Москву. Любимый голос Родины звучал уверенно, четко. Сводка была радостная. В каждом слове диктора чувствовалась могучая сила Советского Союза. Сердце радистки наполняло чувство гордости.

Так прошла неделя, затем вторая. Каждый новый день был полон свежими новостями. Многие из них были очень важны. Но связь прервалась, и разведчики чувствовали себя так, как если бы остановилось биение

их собственного сердца. Дома оба все больше молчали, а на улице, встречаясь со знакомыми, должны были улыбаться, казаться бодрыми и по-прежнему приветливыми.

Раньше, когда каждый второй день, а иногда и ежедневно, Мариана могла выходить в эфир, передавая добытые сведения, время проходило очень быстро. Незаметно пролетели весна и лето. Последние же недели тянулись мучительно медленно.

По настоянию Анатолия они решили не терять времени, завести новые знакомства с надежными людьми. Доктор был убежден, что Великан со своей женой, как они стали называть охранника, действительно может быть полезен.

— Я организую тебе встречу с ним. Познакомишься, понаблюдаешь за ним, — предложил Анатолий.

Единственным в городе развлечением и местом отдыха, не требовавшим особых затрат, являлся частный цирк “Трио Бардзовских”. Наблюдая за посетителями цирка, не трудно было догадаться, что краковцы предпочитают слабые представления пятилетней девочки семьи Бардзовских, безыскусные выступления ее родителей вульгарным фашистским фильмам, объявления о которых пестрели по всему городу.

В цирке и решил Анатолий устроить встречу с Великаном. В воскресенье Мариана и Анатолий направились в город. Они избрали дорогу, что проходила мимо больших бараков — лагеря военнопленных.

Великан дежурил на вышке. Не доходя нескольких шагов, Анатолий подчеркнуто осведомился:

— Как дела, здоровяк?

— Великан, пан доктор, изволил забыть? — весело отозвался с вышки человек огромного роста. Мариана посмотрела вверх: “Действительно, великан, — подумала она. — Такой стукнет — не встанешь”.

Не успели разведчики дойти до конца лагеря, как к вышке подошел другой солдат, а Великан пустился им вдогонку.

— Доктор, пан доктор! Как вы живете? — сказал он, поровнявшись с ними.

Мариана и Анатолий остановились, что-то неопределенно ответили и уже хотели прощаться, как к ним подошла женщина:

— День добрый, панове. Сашек, я за тобой, — сказала она Великану, бросая любопытный взгляд на незнакомцев.

— Моя жена, — отрекомендовал Великан женщину, не решаясь, видимо, сказать обычное “будьте знакомы”. Этого не разрешала разница положений доктора и охранника.

Мариана изучающим взглядом смерила изящную полячку с коротко остриженными волосами. Ее быстрые глаза, чуть вздернутый нос, капризно изогнутые губы хорошо сочетались с длинными тонкими пальцами и маленькой грудью: “И выточит же все так природа, — подумала Мариана. — А что у нее в душе? Почему она связала свою жизнь с этим русским пленным?”

Взгляд разведчицы невольно обратился на здоровенную фигуру охранника. Широкоплечий блондин с багрово красным лицом и крупным ртом, он, действительно, походил на великана. Немецкий короткий мундир явно не подходил ему, и Мариана мысленно представила эту могучую фигуру в матросской форма. Именно так должен выглядеть морской богатырь. И как только такой попал в плен и сидит здесь? Жаль богатырской силы. Его жена стояла рядом с ним и казалась хрупким беспомощным существом.

— Ну, нам пора, — сказала Мариана, взяв под руку Анатолия.

— В цирк идем, — сказал Анатолий, прощаясь. Как только они отошли немного, Анатолий спросил:

— Ну как?

— Просто ирония судьбы, — ответила Мариана. — Слои и моська. А зачем ты им сказал, что идем в цирк? Мы же туда не пойдем.

— Нет, пойдем. Этот детина крепко привязался ко мне, когда я там работал. Вот увидишь, придет в цирк непременно. Ты будешь иметь возможность лучше познакомиться с ним, изучить.

— Думаешь, понадобится?

— Возможно.

Анатолий знал людей и редко ошибался. Поэтому у Марианы не было основания отклонить предложение Анатолия. К цирку “Трио Бардзовских” они подошли, держась под руку. Анатолий что-то рассказывал Мариане, кивая на афиши, которыми пестрели деревянные стены цирка.

Вдруг у них за спиной раздался голос Великана:

— А мы решили тоже посмотреть новый аттракцион. Мариана оглянулась и действительно увидела Великана с женой. Анатолий довольно улыбнулся.

— А, что я сказал? — говорили его глаза.

В этом цирке все артисты были членами семьи Бардзовских: отец, мать, сын и дочь. И потому ли, что так лучше звучало или что дочь недавно стала выступать на арене — ей было всего пять лет, — но цирк носил название “Трио Бардзовских”. Сеансов, как таковых, не было, аттракционы давались непрерывно, поочередно повторялись одни и те же номера. Поэтому зрители приходили, покупали билеты, садились на свободные места и, просмотрев все номера, уходили, а их места занимали другие.

Естественно, новые знакомые уселись рядом, и Мариана разговорилась с женой охранника, пани Людвигой.

С удовольствием отметила разведчица про себя, что эта женщина неглупа и откровенно недолюбливает оккупантов. Это видно было и по тому, как она спросила Мариану:

— И пани не побоялась выйти за немца?

Мариана постаралась завоевать симпатию пани Людвиги.

— Он же из Ровно. Все равно, что наш, поляк, — ответила она и, в свою очередь, задала вопрос:

— Ведь пан Сашек тоже не поляк?

— Он русский, славянин, — ответила пани Людвиги и от Марианы не ускользнула нотка гордости в голосе полячки.

Мариана рассказала пани Людвиге про свое занятие “хандляжки”.

— Это выгодно. Почему бы, пани Людвиги, не заняться и вам этим?

— Я как-то не решусь, — ответила смущенная Людвиги.

— Давайте работать вместе. Вдвоем веселей. Я в селах бываю. Крестьянки охотно меняют на вещи продукты, в особенности молочные.

Так женщины договорились о сотрудничестве. Мариана решила использовать передышку в работе рации на подготовку запасной квартиры. Она подружилась с пани Людвигой, стала бывать у нее дома. Мариана или пани Поля, как ее здесь называли, понравилась молодой полячке, и та стала откровеннее.

— Ой, пани Поля! Скорей бы уж эта проклятая война кончилась. Мой Саша обещал взять меня в Сибирь к себе. А потом... Я так хочу ребенка, но пока нельзя... Война, — делилась пани Людвиги с Марианой своими заветными мыслями.

— Он сибиряк?

— Да.

— А как ты туда поедешь? Он же с немцами сотрудничает, русские за это не похвалят, как ты думаешь? — спросила с деланной наивностью Мариана и с нетерпением ждала ответа.

Пани Людвиги подумала немного, как бы взвешивая, говорить или нет, посмотрела на пани Полю:

— Пани любит Польску? Способна держать тайну от своего немца?

— Вот Матка Боска, — Мариана молитвенно сложила руки и подняла глаза к небу. Эта была клятва.

— Он связан с партизанами, — шепотом сообщила пани Людвиги.

— С русскими? — поспешно спросила Мариана, не давая Людвиге передумать.

— С польскими, но это все равно, — ответила пани Людвиги.

Домой Мариана не шла, а летела. Сообщение пани Людвиги придало ей силы, уверенности. Внутренний голос твердил: “Мы не одни, не одни, не одни”.

Постепенно Мариана втянула пани Людвигу в свое занятие спекуляцией, а через десять дней решила поручить ей небольшое задание. У Людвиги в городе были родные и подруги, которые работали в разных учреждениях. Мариана решила, что Людвиги может сослужить ей неплохую службу. Особенно интересовала Мариану молодая кузина Людвиги пани Зося, работавшая уборщицей в здании комендатуры. От нее требовалось пока немного — использованная копировальная бумага. И Людвиги, веря, что пани Поле нужна нужна копия, чтобы переносить рисунки для вышивки, приносила ей целые пачки этой бумаги. Через Людвигу Мариана попросила кузину, чтобы она доставала не сильно исписанную копируку. Так разведчица получила еще один важный источник информации. При помощи зеркала они с Анатолием знакомились с содержанием многих документов.

Но по-прежнему их волновала оторванность от “Большой земли”.

— Видеть, знать многое, что спасло бы тысячи жизней наших фронтовиков, облегчило их продвижение вперед, и не иметь возможности передать эти сведения. Да это же настоящая пытка, — со слезами на глазах говорила Мариана Анатолию.

Проходила третья неделя. Разведчиков никто не беспокоит, а Мариане начинает казаться, что то, что она тогда пережила, думая, что ее засекли пеленгаторы, было совпадением. Видимо, немцы просто совершили свой очередной “обход”, но тут же ловит себя на мыслях: “Не ловушка ли это? Не провокация?” — опасается она и все же решается выйти в эфир.

— Давай все подготовим к уходу и свяжемся с центром”, — предложила Мариана.

...Была поздняя ночь. Анатолий сложил все необходимое в чемоданы, оставив под инструментами место для рации; почистил пистолеты, зарыл под полом использованные батареи. В три часа ночи Мариана открыла рацию. Вышла на запасную волну. Прошло несколько секунд, и она услышала родные позывные. Благодарность к расисту с “Большой земли”, который дежурил круглые сутки на ее точке, наполнила радостью душу разведчицы. Она не сдержалась и с самого начала радиogramмы послала состоящее из двух цифр слово “спасибо”. Советские люди в те грозные годы были немногословны. Но скупые слова свидетельствовали о большой чуткости, внимании друг к другу, и это роднило совсем незнакомых людей. Три недели прошло с момента, когда Мариана вынуждена была прекратить передачу. Ее рация замолчала на длительное время. Но там, на “Большой земле”, товарищи день и ночь не уходили с поста. Один радист сменял другого, слушал, ждал. Радиостка в глубоком тылу противника чувствовала сердце далекого друга.

После короткого обмена приветствиями Мариана со скоростью ста сорока знаков в минуту передала накопленные сведения. Ее пальцы двигались с большой скоростью. четко выбивая точки и тире, глаза попеременно переходили от листочка с цифрами к контрольному накаливному глазку рации. Радист с “Большой земли” знал руку Марианы и четко принимал, не перебивая ее. Он, видимо, понял без слов, что ей нелегко, что перерыв был вынужденным, что ей ежеминутно грозит опасность. В конце Мариана не передала ему ключ, т.е. не предложила передачу. Ей нельзя было долго находиться в эфире, и он ответил одним словом “понял”.

Все время работы радистки Анатолий напряжение следил за выражением ее лица. Малейшее изменение в нем настораживало его. Но вот радиограмма передана связь окончена. Как только раздался слабый щелчок ручки передатчика и Мариана, сняв наушники, улыбнулась опуская затерпшую руку, лицо Анатолия просияло.

— Нормально? — спросил он коротко.

Мариана ответила кивком головы. От переполнившей ее радости она не могла вымолвить ни слова. Но лицо, сияющие глаза говорили обо всем ярче слов.

Разведчики долго еще прислушивались к каждому звуку, доносившемуся с улицы.

— Если ловушка, придут сразу. Захотят застигнут врасплох, — высказал предположение Анатолий. Мариана взглянула на часы.

— Уже двадцать минут прошло. Будем надеяться, что не засекли.

Было далеко за полночь, а ни один из них не думал с сном. Только перед рассветом Мариана забылась в чуткой дремоте, а Анатолий так и просидел до утра на табурете

После восьми утра, когда согласно “новому порядку” разрешалось населению выходить из дому, Анатолий и Мариана вышли в город для того, чтобы к вечеру снова подвести итог увиденному и услышанному, составить новую радиограмму.

У трамвайной остановки, куда Анатолий проводил Мариану, они расстались. Как положено “любящему мужу”, он поцеловал Мариане руку. Каждый отправился в намеченный район “охоты”, как они называли свои выходы в город.

Мариана стала работать с удвоенной энергией. Каждый день приносил ей новые трофеи. Она добывала свежие данные о моральном состоянии фашистских солдат, о движении по железной дороге, о вылетах с аэродромов о новых приказах в городе, о состоянии военных госпиталей и другие сведения, которые в сумме довольно точно характеризовали вражеский тыл.

От ушей и глаз разведчиков не могла ускользнуть тревога гитлеровских солдат и офицеров, вызванная усилением наступления советских войск на всех участках фронтов. Каждый освобожденный город резко отражался на настроении фашистов. Они начинали свирепствовать, усиливали ночную охрану, вывозили целые группы евреев из гетто и убивали. Обращение с советскими военнопленными еще более ухудшалось. Это последнее обстоятельство особенно волновало разведчиков.

— Нет больше сил видеть это, — не выдержал Анатолий. — Обессиленные пленные не в состоянии сами справиться с охраной. Нужно им помочь.

— Мне тоже больно, как и тебе, — говорила Мариана, — я чаще наблюдаю их нечеловеческие муки, ибо чаще бываю в городе. Но мы не имеем права действовать с оружием в руках. Пойми, Анатолий Алексеевич, что не для этого мы сюда посланы.

— Ты права, конечно. Мы, разведчики, и обязаны строго соблюдать конспирацию. Но я бываю в этих лагерях и, понимаешь, душа горит...

Мариана понимала своего товарища и сама не раз еле сдерживала себя, чтобы не сказать ласковое русское слово соотечественникам, которых, как рабов, гоняли на работу. Но чувство долга, военная дисциплина останавливали ее каждый раз. Она глотала подступавший к горлу комок и шла дальше.

И вдруг Анатолий однажды заявил, что у него созрел план освобождения пленных из лагеря, в котором он раньше работал врачом.

— Каким образом? — спросила Мариана.

— Через Сашу, — ответил Анатолий. По его голосу Мариана чувствовала, что возражать бесполезно.

— А хорошо продумано?

— Значит, ты одобряешь? — обрадованно спросил Анатолий. — Я, правда, понимаю, что риск, большой, но так оставлять тоже нельзя.

У разведчиков существовал закон — согласовывать каждый серьезный шаг, обдумывать, советоваться вместе прежде, чем решать что-либо.

План Анатолий был следующим. Во-первых, ознакомить военнопленных с положением на фронте, чтобы они знали, куда податься. Во-вторых, Саша должен снабдить одного надежного пленного ключом от барака и обеспечить безопасность выхода на два часа.

— В-третьих, — продолжал увлеченно Анатолий, — я снабжаю их медикаментами и деньгами...

— А вот этого делать нельзя, — перебила Мариана. — Медикаменты и деньги передадим, но не через тебя, а через Людвигу.

Последующие дни разведчики работали с дополнительной нагрузкой. В эфир Мариана решила выходить только в экстренных случаях, когда сведения окажутся важными и будут иметь непосредственное отношение к фронту. Требовалось сбить с толку пеленгаторов. План освобождения пленных обсуждался очень тщательно, до малейших подробностей. Здесь не могло быть мелочей. В процессе подготовки этой операции возник еще один вопрос — как пройдут пленные по польской территории в своей одежде? Ведь пленного любой узнает сразу. Надо было переодеть их или дать несколько провожатых, которые повели бы их тайными тропами. Польское население не выдавало бы пленных, но везде было много фашистов. Значит, нужно двигаться только ночью. Это осложняло дело. Но Анатолий был горазд на выдумку.

— Отправим Сашу и переоденем в немецкие мундиры еще трех-четыре пленных, снабдим их оружием. Они доведут группы до леса. Эти же провожатые будут доставать продукты, пока найдут партизан.

Разведчики подсчитали свои ресурсы, отложили часть денег для своих нужд, а остальные предназначили для пленных. Мариана на толкучке купила несколько гражданских костюмов. Это ни у кого не вызвало подозрений, поскольку она для всех считалась “хандляжкой”. Саша с жаром взялся за дело. Он, казалось, нашел, наконец, применение своей энергии.

— Все сделаю так, как прикажете, — заявил он Анатолию. — Я чувствовал, что вы честный человек, и я для вас в огонь полезу.

— Для меня не надо. Для Родины нужно делать, — ответил Анатолий. — Только смотри, дело очень опасное. Поймают — убьют тебя и всех пленных сразу, без разговоров. Поэтому действовать нужно осторожно и умно, меня не знаешь, понял? Клянись, что честно выполнишь задание: повтори за мной.

Саша смотрел прямо в глаза Анатолию, одетому в штатский костюм, и повторял:

“Клянусь, что честно оправдаю доверие Родины. При любых попытках в случае задержки не выдам никого. А если понадобится, отдам жизнь во имя советской Родины... Клянусь...”

Глаза Великана увлажнились. Он решительно провел рукой по шее.

— Голову наотрез даю, что освобожу пленных братьев.

План удался успешно. Маленькими группами пленные рассеялись в разных направлениях. Оказалось, что, уходя, Великан даже умудрился запереть двери барака на замок. Патрулировавшие гитлеровцы были убеждены, что лагерь спит и до самого утра не знали, что бараки пусты. А освобожденные пленные успели удалиться на десятки километров.

Немцы подняли на ноги всю полицию и специальные войска. Но погоня не дала никаких результатов. Местное население, поляки, оказали неоценимую помощь советским людям в этом, и хранили молчание. Газета “Гонец Краковский” печатала ежедневно объявления фашистов: “Того, кто задет: жит хоть одного бежавшего из краковского лагеря пленного, ждет большая награда. Того, кто упрячет хоть одного бежавшего русского, ждет виселица”.

Мальчишки продавали газеты, выкрикивая каждый на свой лад. Одни повторяли слово в слово гестаповские объявления, другие вставляли слова от себя и получалось так: “Того, кто задержит хоть одного бежавшего из краковского лагеря пленного, ждет виселица, того, кто укроет хоть одного бежавшего русского пленного, ждет большая награда...”

Перестановка последних слов этих двух предложений произошла, видимо, не без вмешательства польских коммунистов. А в отдельных экземплярах газет было даже так и напечатано.

Разведчики выразили свое отношение к этому делу, как и подобало “верноподданным” фатерланда. В кругу своих знакомых они разделяли их негодование, ругая на чем свет стоит бежавших, возмущались поляками.

— Как так? Целый лагерь рассыпался по селам и городам, а поляки твердят, что не видели подозрительных людей, — разливался Курц перед инженером.

— Да-а, дорогой доктор, поляки и русские — вот наш общий враг. Понимаете? Их перебить всех нужно, — кричал инженер. — Но что это, дорогой доктор, по сравнению с делами на фронте. Русские бешено рвутся вперед...

Их разговор прервал официант, и Курц не нашел нужным его возобновить. Сегодня инженер настроен говорить о положении на фронте, а об этом Анатолий был осведомлен лучше, чем чванный гитлеровский офицер.

...Кончилось лето. Начались осенние дожди, задули холодные ветры. С фронта пришли утешительные вести. Разведчики по-прежнему работали каждый на своем участке. Пани Людвиг тала хорошей помощницей Марианы. Несмотря на то, что Людвиг не знала подробностей побега ее мужа, короткое “Береги себя и жди меня”, что он сказал ей, прощаясь, объясняло ей все. Она ждала Сашу и эту тайну сердца скрывала даже от Марианы.

Мариана, в свою очередь, не показывала вида, что и курсе дела, и не расспрашивала ни о чем.

Все же пани Людвиг попросила как-то Мариану сопровождать ее в село Вербовцы, что в пяти километрах от города.

— Сашек просил передать письмо одному человеку, — коротко объяснила она.

Мариана догадалась, что адресат — польский партизан, с кем был связан Великан, а возможно и коммунист.

— Ты запомни его хорошо, — посоветовал Анатолий. — Нужно знать своих.

— Да тут своих много. Мы их только не знаем. Друг друга боимся, — заметила ему Мариана.

Возвратившись из села, она села за радию. Приближалось время сеанса. Она уже четыре дня не выходила в эфир и теперь с волнением ждала урочного часа, чтобы услышать родной голос “Большой земли”. Необычайное волнение было вызвано еще и тем, что советские войска приближались к Ровно. По документам Мариона и Анатолий значились жителями этого города и им предстояла новая сцена “переживаний”, которую они должны буду разыграть перед знакомыми.

— Послушаем “В последний час”! — предложил Анатолий, когда Мариана кончила все приготовления к работе. Радистка настроилась на Москву. В наушниках тихо и торжественно зазвучала любимая мелодия “Широка страна моя родная...”, а затем голос Левитана.

Мариана быстро передала один наушник Анатолию и оба, затаив дыхание, слушали голос Москвы.

“...наши доблестные войска освободили...” — диктор перечислил десятки населенных пунктов Житомирской области. Анатолий и Мариана посмотрели друг на друга. Каждый прочел в глазах товарища радость и гордость за свою родную Красную Армию, за свой непобедимый народ. Находясь в глубоком тылу врага, они праздновали в душе освобождение каждого населенного пункта вместе со всем советским народом.

Нельзя было оторваться от аппарата. Хотелось слушать еще и еще, но условия, в которых они находились, диктовали свои требования, и Мариана сказала:

— Хватит. Надо передать большую радиogramму.

Она передала уже больше половины радиogramмы и переключилась на “прием”. Хотела убедиться, что “Большая земля” ее слышит, как вдруг уловила продолжительный визг. Все же Мариана решила не прерывать передачу. Ведь радиogramма сообщала о перегруппировке войск, отправке на фронт новых частей — сведения очень важные.

Было ясно, что пеленгаторы фашистской контрразведки близко, что они уже засекали район действия радиостанции. Оставалось ее только взять. Передав радиogramму, Мариана сообщила о создавшемся положении. Получив ответ: “Понял. Передаю”, она перешла на прием. В краткой радиogramме говорилось: “Информация ценная. Благодарим. Работу прекратите. Пользуйтесь паролем № 2”. Это означало, что руководство понимает размеры опасности и приказывает связаться с партизанами.

Неплохо поработали Мариана и Анатолий в этом городе. Но оставаться здесь дальше было нельзя.

Однако, как уйти, не привлекая внимания окружающих? Они объявили хозяевам, что отправляются в Ка-то-вицы навестить родных. Была опасность, что немцы, не дождав-шись врача Курца, пошлют за ним на квартиру. Но разведчики рассчитали, что пока их хватятся, они успеют уйти далеко. Квартиру решили закрыть, оставив все по-прежнему, чтобы ввести гитлеровцев в заблуждение относительно характера отлучки семьи врача.

Они простились с хозяевами, взяли свой небольшой багаж и отправились в путь.

— Мы не на долго, — сказала пани Ванде Мариана, — через неделю вернемся...

Все сошло хорошо. Однако на одной из станций, где разведчикам предстояло сделать пересадку на чешско-славянский поезд, началась проверка багажа всех пассажиров. В чемодане Анатолия, под медицинскими инструментами, находилась рация. Мариана спряталась с этим чемоданом в туалетную комнату и там переждала проверку. Этот случай еще больше насторожил разведчиков. Им нельзя было показаться на вокзале с таким грузом.

— Я спрыгну, не доезжая станции, — предложил Анатолий. — Бросать рацию пока не будем.

Прыгать на ходу с поезда было рискованно, но другого выхода не оставалось. Так Анатолий совершил четыре “посадки” и, к счастью, они сходили благополучно. Мариана прибывала на вокзал, покупала билеты и шла навстречу Анатолию. Садились они каждый раз в вагон почти на ходу поезда.

Наконец, они отделились от Кракова на несколько сот километров, неся с собой свой драгоценный груз — рацию.

Но дальше так ехать стало невозможно. Чем ближе они подвигались к фронту, тем чаще повторялись облавы уже не только на станциях, а и в поездах и просто на дорогах.

Тогда решили двигаться пешком. Мариана шла с мыслью: уже близко, еще несколько десятков километров, а там — свои. Но получилось иначе. Партизаны уже оставили указанный по радиации район, и разведчиков никто не встретил. Как выяснилось позже, отряду пришлось срочно передислоцироваться.

Обессиленные и огорченные разведчики приняли решение закопать рацию и продвигаться к фронту. Они в последний раз связались с центром, сообщили свое решение.

— Перейдем фронт и лично доставим свежие данные. Там отдохнем как следует, — успокаивал Анатолий измученную усталостью Мариану.

И они двинулись на восток. В селах Мариана и Курц видели объявления, в которых говорилось, что за парашютиста или партизана, о которых будет сообщено в гестапо, назначаются большие премии. Сохранились на заборах объявления о поимке военнопленных, бежавших из краковского лагеря. Разведчики стали избегать сел, двигались большей частью по ночам, по бездорожью.

Голодные, разбитые, они еле шли, спотыкаясь на каждом шагу. Шоколад, взятый на дорогу, кончился. Туфли у Марианы изорвались. Камни и колючки в кровь изранили ноги.

По ночам выпадали осенние заморозки, стало холодно. Несколько раз они отваживались заходить в села, чтобы обменять последние вещи на продукты. Хлеба у разведчиков уже давно не было. Они пили сырые яйца, съедали по кусочку сливочного масла, которыми запаслись еще в Кракове.

— Не жадничай, заболеешь, — говорил Анатолий Мариане, отбирая у нее масло.

Так шли они по истоптанной фашистскими сапогами польской земле. Кругом лежали опустошенные, изрытые снарядами и бомбами поля. Мариана с болью в сердце замечала, заходя в село, как люди затравленно озираются.

“Когда? Когда наступит конец всему этому?” — читалось в их глазах.

А когда она предлагала какую-нибудь вещь взамен съестного, крестьяне совали что-нибудь в руку и отворачивались.

— Ничего им не мило, — говорила Мариана, возвращаясь в укрытие, где ее ждал Анатолий.

Разведчикам оставалось пройти последние, самые трудные полторы сотни километров. Гитлеровцы эвакуировали сюда гражданское население и усиленно строили укрепления. Однажды в лесу у глубокого рва Мариана и Анатолий наткнулись на сотни трупов. Это были убитые евреи. Дети, женщины, старики и старухи...

— Звери! Не пощадили ни старого, ни малого. — Мариана задыхнулась от гнева и боли. В памяти возникла другая картина... Это было в первый день войны в Тирасполе. По улице шла длинная шеренга ребят-шек. Девочки в коротеньких белых платьицах с большими бантами в волосах, мальчики в штанишках до колен, в белых рубашечках. Они держались за руки и с любопытством смотрели в небо, разыскивая самолеты, беззаботно щебетали. Взволнованная воспитательница торопила их, то одного, то другого брала на руки. И вот с неба, словно хищные коршуны, ринулись на детей самолеты с черными крестами на крыльях. Они летели так низко, что можно было разглядеть лица убийц. Не понимая, что происходит, дети заулыбались им навстречу. В ответ застрочила длинная пулеметная очередь...

Окровавленные, раненые, мертвые дети лежали в пыли... Прибежав вместе со студентами, Мариана схватила на руки маленькую, с русыми кудряшками девочку. Она еще дышала. “Доктора!” — закричала Мариана не своим голосом.

От ее крика девочка на мгновение приоткрыла большие, ясные, как небо, глаза. Мариане показалось, что в этих невинных детских глазах звучит приказ: “Отомсти за нас!” И Мариана тогда в душе поклялась: “Мы оплатим за тебя!”

К ее ногам прижался маленький мальчик: “Тетя, почему они стреляют?”

— Они убийцы!

— Я хочу к маме, — громко заплакал мальчик, испуганно озираясь вокруг...

“Наверное, — думала Мариана, стоя на опушке польского леса, — и эти несчастные дети протягивали ручонки к матерям на виду у палачей”.

Слезы брызнули из ее глаз... Анатолий, как мог, успокаивал девушку, стараясь увести от этого страшного зрелища.

Едва разведчики вышли из леса, как их остановили немцы.

— Хальт! Ваши документы!

Они показали свои документы, из которых явствовало, что Янек Врацлав и Зося Врацлав, жители города Львова, эвакуированные в глубь Польши.

— Мы слышали, что где-то около Перемышля остановились наши родные, — ответил Анатолий-Янек на вопрос полица. — Но мы, кажется, сбились с пути. Проще, панове, направить нас в Катовицы.

— Знаем мы таких беженцев! — злобно бросил полица. В этих местах все полицейские были немцы и не доверяли никому.

Анатолия и Мариану толкнули в машину и доставили в лагерь.

Выйдя из машины, разведчики взглянули друг на друга и одновременно еле заметно прикусили чуть высунутый язык. Это означало: ни при каких обстоятельствах не раскрывать своего подлинного лица. Они назвали фамилии в соответствии с имевшимися у них запасными документами. Немцы не могли придрататься к ним, ничего недозволенного у них не было обнаружено. Но то, что они оказались в прифронтовой полосе, в запретной зоне, само по себе уже было подозрительным.

В ЗАСТЕНКЕ ГЕСТАПО

Поместили их в старый барак, стоявший на окраине большого поселка. Барак был набит людьми, в основном женщинами. Из разговоров Мариана поняла, что они все шли по разным делам и, не зная о запретной зоне, попадали в нее. Гитлеровцы их ловили и отправляли в этот барак.

Мариана немного успокоилась. Она надеялась, что их отпустят или куда-нибудь выведут вместе с этими явно невинными женщинами, а потом и бежать будет нетрудно. Но не тут-то было. В барак вошел немец, схватил Мариану за руку и толкнул к двери.

“Неужели Анатолий не выдержал?” — промелькнуло в ее голове. — Как же держать себя дальше?

Солдат проводил ее через двор и толкнул в маленькую полуподвальную каморку. От сильного удара у Марианы потемнело в глазах, и она упала на цементный пол. Через несколько минут она очнулась, оглядела помещение. На разваленной плите увидела ломти хлеба и большой чем-то наполненный котел.

“Что это? Зачем они меня сюда привели? Что это за хлеб?” — думала Мариана. Жажда и голод нестерпимо томили ее. Она протянула дрожащую руку к хлебу, лежавшему на плите, и тут же отдернула ее.

“Нет, нет, я не должна его есть. Может, он отравленный...” — убеждала девушка сама себя. Но голод брал свое, и она не выдержала...

Хлеб был испечен из опилок и отрубей. Но она не могла остановиться, пока не наелась.

К вечеру Мариана почувствовала себя плохо: опух живот, под глазами образовались отеки, кружилась голова.

“Зачем я съела этот ужасный хлеб?” — в отчаянье думала девушка.

Кто-то снаружи подошел к двери. Мариана услышала, как поворачивается ключ. Дверь открылась. На пороге стоял человек в черном прорезиненном фартуке. Заметив исчезновение нескольких кусков хлеба, он уставился на девушку.

— Ты съела все это?

— Да...

— Ну и дура! Подохнешь, прежде чем тебя повесят! — сказал человек в фартуке и вышел, заперев за собой дверь:

“Повесят? Неужели Толя проговорился? Ведь доказательств у фашистов не было... Никаких улик против нас не обнаружили. Как бы поговорить с Толей или хотя бы увидеться, узнать, в чем дело. Не мог же он так легко сдать? Но как, как повидаться? Где он сейчас?” — ломала голову Мариана, забыв на мгновение о жгучей боли в животе.

Она с трудом подошла к окошку. Схватила рукой за железную решетку. Но за ее спиной раздались шаги, затем звяканье ключей. В комнату в сопровождении вооруженного немца вошел человек в белом халате.

“Врач, — догадалась Мариана. — Почему такая забота? А-а, они подозревают и хотят испробовать знакомые приемы... завербовать”.

Человек в халате действительно оказался врачом.

— Ложитесь! — приказал он. Ощупав живот и посмотрев язык, врач обратился к сопровождавшему немцу: — Ничего, обойдется! Она полностью не съела порцию, после которой наступает конец.

Немец помог Мариане встать.

— Пейте, пейте большими глотками, — сказал он, и девушка пила розоватую воду, противно пахнущую марганцовкой, из большой алюминиевой кружки.

— Вот так. Теперь не есть до утра ничего, — сказал врач.

— Дзенкуе, пан, бардзо дзенкуе, — едва могла произнести обессилевшая Мариана.

— Тебя приказано перевести в камеру, — сказал вооруженный немец. — Марш!

Камера, куда перевели Мариану, оказалась темной комнаткой. Маленькое окошечко-глазок, выходившее во двор, было замазано белой краской. В углу лежала охапка смятой соломы.

“Что с Толей? И что это за камера? За кого они нас принимают?” — эти вопросы мучили девушку всю ночь.

Утром Мариана попробовала соскоблить со стекла краску. Получился небольшой “глазок”. Взглянув через него во двор, она оцепенела от представившейся глазам картины.

Анатолий в сопровождении конвойного шел по двору со связанными за спиной руками, с большим камнем на шее. Под тяжестью груза он сгорбился, лицо его выражали боль, гнев, злобу.

Чтобы не вскрикнуть, Мариана до крови закусил губу... Пальцы, как чужие, вцепились в волосы.

Не мерещится ли ей все это? Значит... значит, они от него ничего не могли добиться...

Девушка горько заплакала. Ей и жалко было товарища и в то же время она им гордилась! Фашисты его не сломали... Молодец Анатолий!

Ну, теперь держаться, держаться, держаться! Нужно только как-нибудь дать знать Анатолию, что она здесь... и что она тоже стойко держится.

Гестапо не давало покоя Мариане и Толе. Ежедневно его, по-прежнему с камнем на шее, со связанными руками, измученного до предела, проводили мимо окошка, за которым в оцепенении стояла Мариана.

Разведчик шел по двору, не зная о том, что с волнением, тревогой и болью в сердце, совсем близко за ним наблюдает верный друг и товарищ.

Досталось в гестапо и Мариане!

Дня не проходило, чтобы не вызывали на допрос. Били, угрожали, но Мариана, как и Анатолий, молчала. Они не сознавались ни в чем.

— Сколько раз ты прыгала с самолета? — спросили девушку на первом допросе. — С каким заданием?

Мариана понимала, что фашистам ничего не известно. И поэтому каждый раз отвечала одно и то же:

— Не понимаю, о чем вы говорите. — И крестилась, роднимая глаза к потолку.

Потом ее начинали бить. Если она падала, теряя сознание, ее отливали водой и снова били. Потом вводили в камеру. И так изо дня в день.

— Где радиостанция? Где партизаны? Кто командир? — сыпались на девушку вопросы один за другим.

“Нет, они ничего не знают, раз спрашивают про партизан”. — И она по-прежнему притворялась, что не понимает, чего от нее хотят, и терпела все.

— Начальника. Назовите его фамилию и имя, — бешено брызгая слюной, кричал жандарм.

— Фамилию командира отряда! Назовите фамилию...

Три недели, точно три года тянулись для Марианы и Анатолия в этом фашистском застенке. Перемешались дни и ночи. Мариану поддерживала только одна мысль: “Я делаю это для Родины”. Она часами простаивала у маленького окошка и если случалось, что мимо проходила пожилая женщина, она искала в ней черты матери. “Дорогая! Хоть бы одним глазом посмотреть на тебя, прежде чем погибнуть!”

Фашисты могли убить разведчиков, повесить, сделать все, что им вздумается. Но заставить их говорить они не могли. Гитлеровцы имели цель выудить у этих людей, заподозренных в шпионаже, важные данные, завербовать и забросить в СССР в качестве своих агентов.

В одно утро, к удивлению Марианы, ей принесли обед из офицерской столовой: кусочек мяса и горячий суп.

— Вот, — бросил коротко часовой, ставя тарелку на табурет. — Мне приказано вас хорошо кормить.

— Не нужна мне ваша забота. Вы не имеете права так обращаться с нами. Где мой муж? — закричала Мариана.

— Это, пани, не в моей воле, — ответил солдат, продолжая стоять на пороге. — Кушайте, кушайте, вы очень ослабли...

Девушку удивил тон, каким были сказаны эти слова.

— Я вижу, вы добрый человек. Скажите, что с нами будет? — спросила она.

— Не знаю, пани. Но ходят слухи, что через три дня должна решиться ваша судьба. Вас подозревают в шпионаже против армии райха.

— А разве только нас нашли в тех местах? Ведь там были и другие люди, но их выпустили, — сказала девушка, сиюсь выведать хоть что-нибудь о намерениях фашистов.

— Такие, да не совсем. Ну, я пойду, а то как бы за разговоры с вами самому не угодить за решетку, — сказал часовой и захлопнул дверь.

Мариана бросилась к двери.

— Нас убьют? — спросила она, прижавшись ртом к замочной скважине.

— Не знаю, — ответил солдат. — Скажу, что вы хорошо поели, иначе опять будут бить.

Мариана слушала, как удаляются шаги единственного человека, который обошелся с ней по-людски. Ей казалось, что вот затихнут эти шаги, и жизнь кончится.

— Три дня... три дня, — повторяла она страшные слова.

В понедельник ее вызвали к начальнику гестапо. Там, в мягком кресле, уже сидел... Анатолий.

Бледное, заросшее, еще больше исхудавшее лицо его как будто вытянулось, стало продолговатым. Вместо теплой ватной тужурки на нем была изорванная немецкая шинель. Весь вид Анатолия говорил о том, что ему пришлось много вытерпеть, но он не сдался. Увидев Мариану, он бросился к ней и крепко прижал к груди.

— Ни слова! — закричал, вскакивая из-за стола, офицер.

Мариана-Зося посмотрела на Толю. “Что все это значит?” — спросил ее взгляд. Анатолий чихнул, приоткрыл рот и, притворяясь, будто хочет еще раз чихнуть, прикусил язык.

— Предлагаю вам еще раз. Выбирайте — жизнь или смерть, — заговорил фашист. — Вы будете жить, если примете наше предложение — отправитесь к русским и выполните наше задание.

— Как к русским? — привскочил в кресле Анатолий. — Мы эвакуировались, чтобы не угодить в лапы к русским, а вы нас хотите послать к ним. Почему вы с нами так обращаетесь?

— Не притворяйтесь. Это бесполезно. Людям, преданным фюреру, нечего искать в прифронтовой полосе. Нам известно, что вы партизаны. Вы недурно играете свою роль. Из вас получились бы хорошие агенты для немецкой разведки. Согласитесь — и вас ожидают комфорт, деньги, прекрасная вилла в живописной местности... Советую подумать хорошенько.

“Испытывает фашист, да только ни черта он о нас не знает”, — решила Мариана и обратилась к гестаповцу.

— Пан офицер! Вот крест, если мы хоть в малейшем провинились перед фюрером. Случай, слепой случай привел нас сюда. Если бы мы знали... Мы разыскиваем родителей. Понятия не имеем, где фронт и вот попали в такую историю...

— Мы ни в чем не виноваты, пан начальник, — поддержал Мариану Толя-Янек. — Мы цивилизные люди, и ваши предложения нас просто пугают.

— Я вам сказал: или-или. Через три дня дадите ответ.

— Пан начальник! — взмолился Анатолий, — разрешите мне- быть вместе с женой.

— Хорошо. Даю вам три дня на размышление. — Начальник нажал кнопку. Вошел солдат.

— Приготовьте камеру номер три для двоих и отправьте обоих туда, — приказал начальник.

В камере стоял широкий топчан, покрытый старым потертым одеялом. Дежурный принес две тарелки гречневой каши с маслом.

— Кушайте, пожалуйста, кушайте, иначе у вас будут неприятности, — просил солдат. — Это был старый знакомый Марианы, что говорил с ней утром.

Когда часовой удалился, Анатолий взял тарелку и протянул Мариане.

— Кушай. Нам нужны силы.

— Как быть? Что предпринять? Бежать? — шепнула Мариана в самое ухо Толе.

— Бежать безусловно, но как? — написал он пальцем по полу.

Они молча прикидывали разные варианты. Ночью дежуривший солдат тихонько открыл дверь и шепотом сказал:

— Я сменяюсь. На дежурство заступает другой. Ярый нацист. Будьте осторожны.

Анатолий коснулся руки Марианы.

— Что это значит?

— Наверное, антифашист, — тихо сказала Мариана. Так прошла ночь. Для разведчиков она отличалась от остальных тем, что их никому не вызывали, никто не кричал на них, не избивал.

Утром снова принесли еду из офицерской столовой. Новый конвоир вел себя, как автомат. Он поставил мисочки на полу возле дверей и, не сказав ни слова, захлопнул дверь. На этот раз Анатолий настоял, чтобы Мариана поела.

— Этим ничего не докажешь, только себя уморишь, — говорил он и вылавливал для Марианы из своей миски кусочки мяса. Мариану до слез тронула эта чуткость. Но она тут же возвращала все обратно, уговаривая его:

— Ты мужчина, тебе больше нужно. Женщина выносливее.

За завтраком последовал обед, затем ужин. Немцы, видимо, надеялись сломить их волю, склонить на свою сторону и решили изменить тактику.

На второй день после обеда на дежурство заступил прежний часовой. Он сразу открыл дверь и осведомился:

— Как здоровье, пани?

— Благодарю. А как погода? — в свою очередь спросила Мариана.

— Погода хорошая. Уже сюда доносится канонада. Видимо, близок конец. До свиданья, Панове, дай вам бог дожить до светлого дня.

Он тихонько закрыл дверь и стал ходить взад-вперед.

— Возможно, это наше спасение, — шепнул Анатолий Мариане. — А может, ловушка?

— Нет, парень, видно, честный, хоть и немец. Но боюсь, что он не решится помочь нам.

Речь шла о побеге. Молодой немец, часовой, был здесь единственным, кто обращался с заключенными, как с людьми, и они решили просить его о помощи. Анатолий подошел к дверям, тихо постучался. Дверь открылась. Часовой стоял спиной к дверям, заслоняя ее собой, и сказал тихо:

Говорите.

— Вы друг? — шепнул Анатолий по-немецки. — Как нам быть? Могут ведь убить, прежде, чем дождемся избавления...

— Ждать. Уже недолго. Кушайте, — отрывисто проговорил часовой.

— Понял, — ответил Анатолий и закрыл дверь.

В следующую ночь заключенные и не думали о сне. Слова часового “ждать”, “уже недолго” звучали надеждой и гнали сон.

Время тянется очень медленно. В камере темно и сыро. По стенам и полу ползают мокрицы, с шумом пробегают крысы. Мариане становится жутко.

— Словно в гробу, — с тоской шепчет она, поджав под себя ноги. Казалось, ночи не будет конца. Мариана так сидя и уснула. Проснувшись, она увидела Анатолия по-прежнему у глазка. Он так и не прилег ни на минуту.

— Я долго спала? — спросила Мариана, желая нарушить мертвую тишину.

— Часа три, — ответил Анатолий, подошел и погладил ее по голове.

— Ты поспи немного, — сказала Мариана, подкладывая ему под голову единственный свой жакетик. Через мгновение он уже спал. Дверь приоткрылась, часовой протянул мисочки.

— Ешьте, пожалуйста, обязательно ешьте. Потерпите, — говорит он и исчезает.

Мариана берет мисочки, вылавливает ложкой крупу и перекладывает в миску Анатолия.

“Мужской организм быстрее слабеет”, — думает он? и ставит миски на топчан. Ей жалко будить Анатолия. Кто знает, может, это последний спокойный день.

Но Анатолий неожиданно открывает глаза:

— Вот так. Кушай, — он берет миску с супом погуще и протягивает Мариане.

— Нет, это для тебя.

— Я все видел, — смеется Анатолий. После обеда их выводят.

— К начальнику, — говорит часовой.

Они переступают порог кабинета и останавливаются у дверей.

— Ну, что, подумали? — спрашивает гестаповец. Его губы кривятся в улыбке, отчего все лицо становится еще более противным.

Мариана смотрит на него и думает: “Такой не пожалеет”. Заключенные молчат. Жандарм понимает это молчание по-своему и дает команду стоящему у дверей часовому:

— Уведите. Пусть думают. Предупреждаю, — обращается он к заключенным, — это последние сутки.

Снова та же камера. Последние сутки... А что дальше?

Опять ночь. Днем они оба поспали немного, и теперь легче коротать время, ибо спать ночью невозможно.

Но вот после полуночи разведчики услышали за окном крики, выстрелы:

— Партизаны!

Они бросились к окну. Стрельба усилилась, потом вдруг стало светло, как днем.

— Пожар!

Через несколько минут распахнулась дверь.

— Пани! Пани! — закричал их приятель-часовой. — Пришли партизаны, убегайте быстрее и больше не попадитесь. — Он сам стал пробираться по темному коридору. Но в это время на лестнице появились трое с автоматами. Они быстро обезоружили дежурного.

— Арестованные есть? — спросил басом кто-то, и Мариана поняла: партизан.

— Есть, есть, — ответил немец. — Пан и паненка.

— А ты, проклятый, что здесь делаешь? — закричал кто-то на немца, прижимая его автоматом к стене.

— Пани, возьмите меня с собой, — взмолился немец, — я не фашист.

— Если можно, возьмите его, — попросила девушка. — Он, кажется, хороший человек.

— Давай, сгодится, — сказал другой на украинском языке. — Бывает и меж сволочей порядна людина.

Грузовая немецкая машина, крытая зеленым брезентом, мчалась на последней скорости. К утру Мариана и Анатолий уже находились в партизанском лагере.

— Ну як, пани, дела? — спросил усатый пожилой украинец, улыбаясь. — Испробовали немецких шей? — А затем уже серьезно спросил:

— Били сильно?

— Порядком, — ответил Анатолий.

— Гады. Бесятся от злости, — сказал усатый партизан. — А ну-ка, хлопцы, покормите гостей, да дайте по стопочке для дезинфекции.

В тот же миг подбежал молодой парень и скороговоркой пригласил:

— Просим на кухню.

— Да сюда принеси, — скомандовал усатый. — Ишь ты, до кухни. Это гости, да еще яки дороги гости, а вин до кухни.

Мариана улыбнулась шутке гостеприимного усача, а он, заметив это, обрадовался:

— Ось так краще, а то и смиятысь разучились, — сказал он.

Мариана поняла, что это был один из партизанских командиров. Он хотел вывести ее из оцепенения и добился своего.

— Раз улыбнулась, значит все в порядке, — сказал он уже серьезно и пригласил: — Сидайте, друзи. За вашу счастливу звезду!..

Он опрокинул стакан и посмотрел на Анатолия.

— А вы?

— Нам нельзя. Мы изголодались, и это может плохо кончиться.

— О-о, рассуждав як ликарь, — засмеялся кто-то.

— А я и есть врач, — ответил Анатолий.

Мариана не участвовала в разговоре. Она оглядывалась по сторонам. Это не ускользнуло от усача.

— Что вы так озираетесь? Не доверяете, может?

— Да нет, — ответила Мариана. — А где немец, который ехал с нами? Не пустили ли его случайно “в расход”? Он кажется честный человек. Антифашист. Сохраните, пожалуйста, ему жизнь.

— Жив он, жив, — ответил усач.

— А можно его покормить?

— Ладно. — Командир тут же обратился к стоящему рядом партизану:

— Гаврило, ну-ка, покличь сюда нимця.

— Посадить за стол? — удивленно спросил партизан.

— Ни, за стол с нами — много чести для него, а исты дай.

— Спасибо, — сказала Мариана и тоже принялась за еду.

— Ну, а теперь як и кому о вас доложить? — спросил командир после завтрака.

— У вас есть рация? — спросила Мариана и, недолго думая, попросила: — Разрешите мне связаться с “Большой землей”.

Командир внимательно посмотрел на нее и, поглаживая ус, сказал не то в шутку, не то всерьез:

— О ни, голубко. Це заборонено. А вы радистка?

— Я радистка. Но вы правы. Никого допускать к радиции нельзя, — ответила Мариана, поняв нелепость своей просьбы.

Она сказала, как сообщить о них и попросить указания “Большой земли”.

К обеду была получена радиограмма: “Готовьте площадку. Примите самолет”.

* *
*

Слабые, измученные, сидели Мариана и Анатолий в самолете. Когда они шли на задание, время летело быстро. А теперь каждая минута казалась часом. Ведь они летели в родную Москву.

...Над Тушинским аэродромом самолет сделал круг и пошел на посадку. Мариане показалось странным, что никто не подает команды “приготовиться”, “прыгайте”. Самолет мягко коснулся земли, пробежал немного и остановился. Кто-то подбежал, приставил к самолету лесенку.

— Неужели мы дома? Даже как-то не верится, — сказал Анатолий, оглядываясь вокруг и снимая мешок с неиспользованным парашютом.

— Как во сне, — ответила Мариана, также оглядываясь.

Но это было так. И эти счастливые минуты останутся в их памяти на всю жизнь. Их доставили на квартиру.

— Мариана, а ты ведь поседела, — удивленно воскликнул Анатолий, разглядывая ее.

— Да, дорогой Курц, седая в двадцать два года, — сказала девушка с огорчением, увидев свое отражение в зеркале.

— Во-первых, я уже не Курц, а Анатолий Алексеевич Бабушкин. Прошу любить и жаловать, — засмеялся Анатолий. — А во-вторых, не огорчайся из-за седины. Она ничуть не портит тебя. Главное, что голова на плечах осталась. А о женихе мы уж побеспокоимся. Такого молодца найдем, что залюбуешься...

— И охота тебе болтать, — сердито отмахнулась Мариана, а в душе радовалась за товарища, с которым прошла такой тяжелый путь.

Она задумалась:

— Подумать только, — не могла успокоиться она, — что вчера наша жизнь висела на тонюсеньком волоске, а сегодня я смотрюсь в зеркало и огорчаюсь из-за пряди седых волос.

— Это и понятно. Умиравший думает о жизни, а счастливый — о красоте, — сказал Анатолий.

— Да. Ты счастлив. У тебя есть к кому поехать. А мои родные еще там, где пока свирепствуют гитлеровцы.

— Мариана! Поедем со мной в отпуск, а? — предложил неожиданно Анатолий, — отдохнем в домашних условиях, забудешься немного.

— Куда? — удивилась девушка.

— Как куда? Ко мне, на Урал. К Сашеньке, к Томочке. Мне обещали небольшой отпуск.

— Спасибо, Анатолий. С удовольствием бы, только не могу я отдыхать и веселиться, пока мои родные томятся в фашистской неволе. А вдруг не сегодня-завтра освободят Молдавию, и я буду так далеко...

В дверь постучались, в комнату вошел комендант.

— Вот вам почта, — сказал он, обращаясь к Мариане. — А для вас, товарищ военврач, в машине рюкзак с продуктами. Вечером отвезу вас на вокзал. Будьте готовы. Отпуск оформлен на две недели.

Пока Анатолий разговаривал с комендантом, Мариана вертела в руках конверт, разглядывая его.

— Не пойму, откуда мне письмо может быть, — удивилась она вслух. — Почерк незнакомый. Не от шурина, не от Романа.

— И как ты можешь так медлить? — сказал Анатолий и выхватил у нее письмо из рук.

У них не было секретов друг от друга. За время пребывания во вражеском тылу они сроднились, как брат и сестра.

— А может, это любовное, и я зря старался о женихе? — пошутил Анатолий и вернул письмо Мариане.

“Дорогой, малознакомый друг! Бесстрашная сестрица...” — прочла вслух Мариана и недоуменно пожала плечами.

— Ничего не пойму, — сказала она, — какое-то загадочное письмо.

— Читай, читай дальше, — сказал Анатолий. “... Разыскиваю тебя все эти годы и пока не найду, не успокоюсь. Тебе я обязан жизнью и тебе хочу ее отдать”.

— Здорово! А ну-ка, ну-ка. Я, кажется, угадал, — вскричал Анатолий. — Кто же это?

— Сама не знаю. Подписан какой-то Валерий Усков, гвардии майор.

Читая дальше, Мариана вдруг вспомнила все. Писал тот раненый, которому она оказала первую помощь еще тогда, в 1941 году.

...Это случилось в самом начале войны, в день ее первого боевого крещения, во время переправы. Воды Днестра вздыбились под вражеской бомбежкой, словно хотели стать преградой на пути оккупантов, топтавших молдавскую землю.

Фашисты бомбили все живое и мертвое. Трудно было разобраться, где кончается фронт и где начинается тыл. По дорогам взад и вперед сновали машины с боеприпасами, с зенитками. В открытых кузовах, плотно прижавшись друг к другу, стояли красноармейцы. Они пели песни, и в их голосах звучал призыв к борьбе с ненавистным врагом. А по обочинам большой дороги тянулись вереницы подвод, за которыми шли усталые, запыленные женщины. На возах поверх свертков и узлов сидели дети и старики. Все они устремлялись на восток.

На обоих берегах реки в ожидании переправы скапливалось множество людей. Каждый старался подойти вплотную к барже, чтобы быстрее переправиться на ту сторону. На переправу то и дело налетали самолеты. Они сбрасывали свой смертоносный груз и улетали, оставляя на земле убитых, раненых, лужи человеческой крови...

Во время очередной бомбежки Мариана не успела укрыться и осталась в кузове машины, прижавшись к борту. Крик “Помогите!”, раздавшийся где-то рядом, заставил девушку оторваться от борта и спрыгнуть. На земле лежал раненый. Мариана склонилась над ним, пытаясь расстегнуть ворот гимнастерки. Над головой опять раздался пронзительный вой. Казалось, самолет падает прямо на них. Девушка собой прикрыла раненого.

Отовсюду неслись крики, стоны... Когда самолет улетел, Мариана приподнялась и увидела лужу крови.

— Куда вас ранило?

Лежащий одними глазами указал на правую сторону груди. В лице его не осталось ни кровинки. Руки беспомощно дрожали. Девушка попыталась снять с него гимнастерку. Раненый, заскрежетав зубами, прохрипел:

— Не трожь, сестрица. Все равно конец мне...

— Не говорите глупостей, — строго прикрикнула Мариана. — До смерти далеко, не спеши, браток.

Разрезав рубаху раненого, Мариана увидела, что рана была серьезной.

Что же делать? Она не подготовлена к такой операции. Но не бросать же товарища в таком состоянии.

“Сделаю все возможное и невозможное!” — решила она. Желание спасти человека придало девушке смелость, силу. Она осторожно повернула раненого, уложила на спину. Узкий бинт, что был в сумке, не годился для такой цели. Сорвав с головы кусок марли, заменявший платок, Мариана затампонировала рану и сделала перевязку.

— Лежите тихонько и не двигайтесь, пока я не вернусь, — приказала она раненому, а сама побежала разыскивать санитарную машину. Но в такой суматохе нелегко было найти то, что ищешь. Ни одной санитарной машины вблизи не оказалось. Заметив человека в белом халате, девушка закричала:

— Доктор, доктор! Там тяжело раненный лежит, прошу, окажите помощь...

— Я не доктор, а санитар, сестрица, — ответил человек, поднимая с земли другого раненого. — А доктора ищи вон там. — И он указал на наклонившуюся набок машину с красным крестом.

Девушка побежала туда, но в машине оказался только шофер. Он неподвижно сидел за рулем. Мариана схватила его за рукав, начала трясти. Рука безжизненно упала.

— Господи, да он убит! — в страхе крикнула девушка.

Оплакивать мертвого однополчанина не оставалось времени. Надо было спасти жизнь еще живому.

Заметив большую санитарную сумку, какие имеются только в боевых санитарных машинах, девушка, не задумываясь, схватила ее и побежала обратно. Но не успела добежать до своей машины, около которой лежал ее “пациент”, как из-за туч снова вынырнул “месер”. Снова посыпались бомбы. Что-то ударило Мариану, тряхнуло и бросило оземь. Когда она открыла, глаза и попыталась подняться, левая рука не слушалась. Противная тошнота подступила к горлу, и девушка от острой боли лишилась сознания. Когда Мариана очнулась, первая мысль ее была о раненом.

“Умер, наверное, бедняга, не дождавшись меня”, — подумала она. С трудом открыв сумку, она достала нашатырный спирт, и, открыв пробку, вдохнула. Стало легче. Превозмогая боль, она подползла к раненому. Тот лежал на спинетах же, где его оставила Мариана. Увидев ее, слабо улыбнулся одними глазами и прошептал:

— Жива? А я беспокоился за вашу жизнь, сестрица... Уж больно молода.

— Ничего со мной не случится, — насколько было в ее силах, бодро ответила Мариана. Она взялась левой рукой за сумку, но тут же вскрикнула от боли.

— Вы ранены? — с тревогой спросил “пациент”. Он, забыв о себе, приподнял голову и посмотрел на Мариану.

— Вы ранены, сестрица? — вновь проговорил он хриплым голосом, но голова его тотчас упала.

— Пустяки! — сказала Мариана, пересиливая себя. Только теперь она заметила шпалу в петлице раненого.

— Лежите спокойно, капитан.

Не зря в народе говорят, что воля человеческая все переборет. Мариана, хотя и чувствовала боль в левом плече, работала проворно. Промыла рану марганцовым раствором, смазала вокруг йодом, сняла ранее наложенную окровавленную повязку и наложила новую...

— Теперь вам станет легче. Ждите, я сбегу за врачом, — сказала она, но тут раздалась команда: “По машинам!” Мариана растерялась: что делать с капитаном? В этой суматохе его могут и не найти свои...

— Мариана! Скорее! Поехали, — услышала она голоса товарищей, которые уже сидели в кузове.

— У меня здесь тяжело раненный, — сообщила она, подбегая к машине. — Помогите поднять его на машину.

Тотчас же на землю соскочило несколько бойцов, они подложили носилки и погрузили раненого на свою машину.

Как заправский фельдшер, Мариана всю дорогу ухаживала за капитаном. Вдруг она неожиданно для всех постучала по кабине.

— Что случилось, почему остановили? — спросил, высунувшись из кабины, лейтенант.

— Раненый очень плох. Его нужно доставить в первый же госпиталь. Боюсь я за него. Рана серьезная, а вы так гоните машину... — пояснила Мариана и снова села около носилок.

— Хорошо, — ответил лейтенант.

— Сестричка, оставьте свой адрес в этой книжечке, вот в левом кармане. Славная вы. Жив буду — не забуду, — прошептал пересохшими губами капитан.

ЧАСТЬ 3

В ТРЕТИЙ РЕЙС

Прошли зимние морозные месяцы. Анатолий уже давно вернулся из отпуска. Мариана в Москве отдохнула, набралась сил. Началась подготовка к новому заданию. На этот раз командование решило забросить Мариану с небольшой группой.

— Снова в Польшу. Понятно, в другую область! — сказал Мариане начальник. — Но не исключена возможность, что вам придется отступить на территорию Германии. Там группами действовать удобнее. Дадим тебе трех хлопцев и одну девушку.

— Они говорят по-немецки?

— Немного. А один из них переводчик.

— Им уже приходилось выполнять задания?

— Нет. Они — партизаны.

— О, тогда дело несколько осложняется. Это горячий народ. Как увидят немца, так и бросаются на него. А в нашей работе требуется сдержанность.

Начальник рассмеялся.

— Народные мстители, ничего не поделаешь. Зато при одном упоминании слова “партизан” немцев в дрожь бросает. Однако ты не тревожься. Понятие дисциплины знакомо и партизанам. Они будут хорошими разведчиками.

Все повторилось, как прежде: инструктаж, изучение района, где придется действовать, тренировка...

Незаметно наступила ночь вылета. Дают себя чувствовать ранние весенние заморозки.

Прижавшись друг к другу, Андрюша, Гриша и Ольга молча сидят на своих туго набитых рюкзаках. По их напряженным позам нетрудно догадаться, что им нелегко расставаться с родной землей. Впереди — тыл врага, где тебя никто не ждет. Они привыкли к тому, что партизаны встречают людей с “Большой земли”. Обогреют, покормят, а иногда и спать положат в теплой, уютной землянке. Каково-то им придется на новой работе?

Ни о чем таком не думал Коля — самый молодой член группы. Этот веселый восемнадцатилетний паренек не знал ни партизанской действительности, ни суровой жизни разведчиков, и рвался поскорее, как он говорил, сразиться с врагом. Это желание — помочь своей Родине в дни тяжелых испытаний — привело его, студента института иностранных языков, в военкомат.

— Прошу отправить меня на какой-нибудь трудный участок, где бы я мог использовать мое пока единственное оружие — знание немецкого языка, — попросил он.

И вот Коля — на аэродроме. Он тормозит Гришу, требуя рассказать о партизанах, посвятить его в “секреты” работы разведчиков.

Мариана наблюдала за поведением своих новых спутников, старалась изучить особенности каждого из них.

Андрей, Гриша и Оля — старые друзья. Почти год воевали они вместе в партизанском отряде. Андрей и Гриша попали к партизанам после побега из плена.

У Оли своя история... Она застряла в оккупации в родном селе. Фашисты угнали ее в Германию, как и многих других юношей и девушек. Она попала на военный завод в Штеттине.

На заводе работали люди разных национальностей: итальянцы, французы, поляки. Больше всего было русских и украинцев. Как все советские люди, Оля всем сердцем ненавидела фашистов. Она подружилась с пленным французом Морисом и уговаривала его вместе бежать.

— Это очень рискованный шаг, — колебался Морис. — Поймают и будут судить, как партизан. А это — верная и страшная смерть.

— Ты трус, — не сдержалась как-то Оля.

Слово это больно ударило Мориса по сердцу:

— Зачем оскорбляешь? Ведь не о себе забочусь.

— Если обо мне забота, так помоги уйти отсюда.

...В ненастную темную ночь два человека, разных по национальности, по языку, по воспитанию, но объединенные ненавистью к фашистам, бежали из гитлеровской неволи.

Стояло лето, но ночи были прохладные.

— В лес, в лес, — лихорадочно шептала Оля. — Только бы до леса добраться.

Переждав в лесу сутки, они ночью двинулись на восток. Шли полями, избегая встреч с немецким населением.

Морис оказался смелым человеком, хорошим товарищем, и Оля раскаивалась в нанесенном ему оскорблении. Но тот понимал, что девушка не хотела его обидеть, и как мог заботился о ней.

Штеттин расположен неподалеку от польской границы. Оля и Морис скоро выбрались из ненавистной Германии и распрощались. Дальше Оля пошла одна.

“Может, удастся, встретить советских партизан или польских”, — думала она.

Минул день, как она рассталась с Морисом. Оля устала, изголодалась, но заходить в селения не осмеливалась. Ночью, вконец обессиленная, она присела отдохнуть и незаметно уснула. Разбудили ее мужские голоса. Оказалось, что уже утро.

— Смотри, кого я нашел.

Оля испуганно вскочила. Усталая, грязная, в изорванном полосатом платье — в такую одежду наряжали немцы русских пленниц — Оля, дрожа от страха, смотрела на человека с автоматом. Оружие было совсем не такое, как у тех, кто охранял их на заводе.

— Ты кто такая, чего здесь ищешь? — спросил парень с автоматом. Его румяное лицо, зеленоватые глаза светились добродушием. Девушка подняла глаза и заметила у него красную нашивку на шапке. Рядом с ним стоял другой высокий худощавый человек, больше похожий на студента, чем на партизана.

— Советские? — осмелилась спросить Оля, показывая на красную ленточку.

— Нет, польские.

— Польские, — как-то жалко улыбнулась она. — А русских здесь нет?

— Кто ты такая? — сурово спросил веселый парень, вспомнив, что Ольга так и не ответила ему... — Руки вверх! — приказал он, — Гриша, обыщи, нет ли у нее оружия.

— Я — Оля. Украинка... Я... — почти плача, выговорила девушка, поднимая руки.

Партизаны внимательно выслушали сбивчивый, прерываемый слезами рассказ Оли и отвели ее в штаб.

Так она стала партизанкой. Вначале дежурила на кухне, обшивала, обстирывала партизан, а после ей стали поручать более серьезные дела.

Несколько раз Оля ходила в разведку, добывала важный материал. Но с парашютом еще ни разу не прыгала. Это беспокоило Мариану-радистку.

Тревожил ее и Коля — переводчик, самый молодой из разведчиков. Лицо у него ни дать ни взять девичье — нежное, белое, ресницы пушистые. Непокорные прямые волосы постоянно падают на высокий выпуклый лоб. Коля всегда улыбался. И Мариана, глядя на него, не знала, что подумать — веселый или просто легкомысленный.

Но видно было по всему, что Коля смелый юноша и никогда не унывает. А это очень важно в условиях жизни разведчиков. И так иногда на душе кошки скребут, а если еще хмурые спутники, тогда хоть волком вой.

Но тут Коля вдруг заявил:

— Братцы, учтите, я трусоват. Если не смогу прыгать, вы меня подтолкните. Иначе можете улететь без переводчика...

Мариана махнула рукой. Сразу не разберешь. Дело само покажет...

То один, то другой разведчик вглядывался в темноту, опасаясь, что рассвет наступит раньше, чем они окажутся над районом высадки.

— Нелетная погодка, — вздохнул Гриша.

— Тем лучше для нас, — ответила Мариана. — Опасности наткнуться на кого-нибудь меньше.

Ее прервал голос парашютиста-инструктора:

— Готово!

— Вы хорошо проверили парашюты? — спросила его Мариана.

— Как всегда, — ответил инструктор весело. — Ну, орлы, кто себя плохо чувствует?

— Все хорошо себя чувствуют, “трудиться” вам не придется, — ответила за всех Мариана. Она-то знала, что означает этот вопрос. Инструктор помогал тем, кто в самую последнюю минуту не решался прыгать. Не зря его прозвали “толкачом”.

— В районе действия идут дожди, — сообщил инструктор.

— Ничего, нам, партизанам, не привыкать к дождю. Мы дружим с открытым небом. Лишь бы дождь не помешал самолету, — сказал Андрей.

Инструктор, присев возле разведчиков, стал рассказывать, как один парашютист, перед тем как прыгать, стал читать молитву в самолете. Все рассмеялись. Только Оля не откликнулась на смех.

— Бывают же такие трусливые люди. Я вот ничего не боюсь, — расхвастался Гриша.

— Знаем мы тебя, помолчи лучше, — разозлилась Оля, — терпеть не могу хвастунов...

Андрей тихо запел свою любимую “Сулико”:

...Сердцу без любви нелегко.

Где же ты, моя Сулико...

Он нарочно затянул песню, чтобы замять готовую вспыхнуть между Олей и Гришей ссору. Но Гриша сказал со смехом, разгадав хитрость друга:

— Ты, Андрей, лучше про пташку спой.

Андрей не заставил себя просить, хотя и понял шутку.

...Пташкин, пташкин, пташкин — попугай.

Пташкин, пташкин — один бедолай...

запел он с сильным восточным акцентом.

Все рассмеялись.

— Я вижу, у нас целая самодеятельность, — заметила Мариана. — Андрей и впрямь неплохо поет.

— Коля — по конферансу, Андрей — по сольному пению, а Гриша с Ольгой по... ссоре вполне могут первенство занять, — подытожил весело инструктор.

— Да будет вам, — запротестовал Гриша. — Можно подумать, что мы в самом деле ссоримся. Мы как-нибудь с Ольгой не раз в разведку ходили и не подводили друг друга. Правда, Ольга?

— Ладно, не оправдывайся, — неохотно отозвалась Ольга.

“Суровая, видать с характером девушка”, — подумала Мариана.

Инструктор взглянул на светящийся циферблат часов:

— Ну, хлопцы. Собирайтесь. Пора.

Ребята сразу посерьезнели. Они заботливо поправляли друг у друга мешки, подтягивали ремни. Мариана еще раз предупредила: не растерять главного — радиопитания.

В одном самолете с ними находилось еще несколько человек. Это партизаны летели к себе в отряд. Они оживленно разговаривали, то и дело смеялись. Через час после вылета им была подана команда, и партизаны прыгнули. Самолет, вновь набрав высоту, продолжал курс дальше, на запад.

А сейчас наступал черед разведчиков.

Все приготовились к прыжку.

В этот момент самолет сильно встряхнуло.

— Будьте наготове! — послышался голос из кабины самолета. — Нас нащупывают зенитки...

Мариана положила руку на кольцо парашюта. Ей уже были знакомы подобные “встряски”. Поэтому она не очень волновалась, а просто приготовилась к прыжку.

Самолет выровнялся и пошел спокойнее. Вскоре послышалось знакомое “Приготовиться”.

— Ду-ду-у-у-у — прозвучала во второй раз сирена. Разведчики стали в очередь у дверей. По правилам радист прыгает первым. Мариана стояла у самой двери, за ней держался Гриша. Затем Андрей и Оля, замыкал строй Николай.

— Не мешкайте. Шагайте друг за другом, а то растеряемся. Не забывайте о ногах. Во время приземления не становитесь на пятки. Не забывайте сигналы, — напоминала Мариана, крича во весь голос и заслоняя рот ладонью.

На минуту ей показалось, что Гриша присел. Она повернулась к нему и не поверила глазам: он крестился.

“Бедняга, — подумала она, — трусит ведь, а на аэродроме гоголем ходил...”

Не успела Мариана сказать и слова, как загорелась сигнальная лампочка. По команде “Пошел” разведчики один за другим оторвались от самолета...

Пять зонтов раскрылось в небе, Мариана быстро пересчитала их, и, успокоившись, начала маневрировать стропами, стараясь повернуться спиной к ветру. Сейчас только одна мысль занимала ее: удачно приземлиться и быстрее собраться всем вместе... Но тут мимо нее с большой скоростью пролетел вниз чей-то парашют. Мариана не помнила — показалось ей или так на самом деле было, но парашют, как выражаются парашютисты, летел колбасой.

“Что могло случиться, — встревожилась Мариана. — Не может быть, чтобы кто-нибудь обогнал меня. У меня груз тяжелее, чем у остальных, да и прыгнула я первой...”

Резким ветром разведчиков уносило в разные стороны, и проследить за всем было невозможно. Мариана опускалась прямо на село. Как она ни старалась свернуть на окраину, ничего не получалось. Вот парашют с треском зацепился за что-то около дома. Не успела Мариана отцепить ремни, как на пороге появилась закутанная в белое фигура. Хозяин дома, как выяснилось потом. В окне тоже показалось лицо, и в то же мгновение дверь захлопнулась, щелкнула задвижка. Хозяйка с перепугу заперла дверь, оставив старика снаружи.

Было холодно. Старик забарабанил в дверь.

— Открой, Стефа, это я. Стефа, открой! — он то ли с испугу, то ли от холода подпрыгивал то на одной ноге, то на другой. Осмелев, он посмотрел на “чудо”, свалившееся с неба, и перекрестился:

— Шесть десятков лет живу на земле, а ни разу не видел, чтобы с неба на парасольке кобеты* слетали. Откуда вас бог послал? — спросил он.

— Впустите меня в дом, там все расскажу.

— Разве не видишь: баба перелякалась, не отпирает.

Он опять начал звать старуху, заглядывая в замочную скважину.

— Открывай, — говорю тебе, — это паненка, а не дьявол.

— Паненка, говоришь? — недоверчиво переспросила старуха.

— Паненка, паненка. Война ведь идет, всякое бывает, открывай, — повторил старик. — Да открывай, не ломать же дверь...

Как только старик и Мариана вошли в хату, девушка сказала старикам, что она партизанка, направленная польским войском.

— Смотрите, панове, — предупредила она стариков, — если об этом хоть словом обмолвитесь, дом будет подожжен... Я не одна, нас много, — предупредила Мариана.

— Матка боска ченстоховска! Зачем жечь? Мы не желаем зла партизанам... — заверил клятвенно хозяин.

— Немцы есть в селе?

— У нас нет, а у соседей есть.

— У каких соседей? — спросила парашютистка.

— У наших, у наших... В соседней хате, — пояснил старик, жестикулируя.

— Много их?

— Солдат полсотни, пожалуй, будет и всех их прокормить надо. Ничего уже у нас не осталось, — начал жаловаться старик.

— О, Езус, и когда эта напасть кончится, — подхватила старуха. — Прошу тебя, пани, не обижай нас, стариков, уходи от нас... Мы еще жить хотим.

— Ладно. Я тоже жить хочу, потерпите. Объясните лучше, что за немцы в селе.

— Немцы, как немцы... Фашисты, — уточнил старик.

— Что они делают в селе, спрашиваю?

— А-а-а, — протянул старик, стараясь уйти от прямого ответа.

— За продуктами они. Говорю же, что все позабыли, — вмешалась старуха. — Уходи, пани. Не смотри, что обозники. Они тоже умеют убивать и вешать. Пожалей ты нас, стариков...

— Да не бойтесь вы так, пани, — прикрикнула Мариана. — Лучше спрячьте подальше парашют, да не вздумайте шить из него что-нибудь сейчас. А то вам не сдобровать тогда. И повторяю: вы ничего не видели и не слышали. К вам никто не приходил. Ясно?

— Ясно, ясно, пани, да хранит вас матка боска, — сказали старики почти в один голос, крестясь по-своему.

Мариана вышла из дому.

“Как же приземлились остальные? Кто же эго молнией пролетел мимо нее?” Выйдя в поле, Мариана несколько раз подала сигнал, но никто не откликнулся. Разведчица засвистела три раза. Молчание... Особенно тревожилась Мариана за Олю. Но вот вдаль она заметила едва видневшееся белое пятно.

“Наконец-то, — обрадовалась разведчица. — Но почему не собран парашют? Неужели покалечился кто-нибудь?”

Мариана бросилась бежать прямо по мокрой пашне, увязая по щиколотки в грязи. Рация, батареи, рюкзак — все это давило плечи и затрудняло ходьбу.

— Колюшка, это ты? Что с тобой?

Мариана достала фонарик, накрыла его полрой пальто и включила. Николай весь будто раздулся. Она взяла его за руку: пульс почти не прощупывался.

— Коля, Коленька, ты слышишь меня? — она прижалась губами к его щеке, поднесла фонарь к глазам. Они на мгновение широко раскрылись.

— Коля. Скажи хоть слово! Коля...

В груди у него что-то странно зашуршало. Глаза закатились...

Все...

Девушка с трудом поднялась и подошла к парашюту. Стала щупать полотно. Вверху купола зияла дыра.

— Не выдержал динамического... А ведь утверждал, что проверил, — вспомнила Мариана инструктора-парашютиста. — Здесь, видимо, было отсыревшее пятно...

Мариана бессильно опустила ее на землю у изголовья Николая. Что-то в ней словно оборвалось. От усталости и горя кружилась голова, слезы жгли глаза. Хотелось выплакать все, что наболело, просто по-человечески проститься с другом — товарищем по оружию. Но... это был глубокий тыл противника, где люди боятся громко разговаривать даже в собственной хате.

* Кобеты — женщины.

Надо было искать остальных, чтобы похоронить Николая и быстрее замести следы. Мариана через силу поднялась и пошла снова месить грязь в поисках своих. Компас был единственным помощником, и Мариана старалась по нему определить, в какой стороне могли находиться ее товарищи.

В ушах у нее от волнения и усталости шумело, сердце стучало так громко, что, казалось, его было слышно на расстоянии. Ноги не повиновались. Слезы застилали глаза. Казалось, она вот-вот упадет и останется лежать здесь, как и Коля. Но воля твердила — иди, ночь на исходе...

“Да, да, — внушала себе девушка, — я должна быть сильной... Нас ждет работа, от которой, быть может, зависит жизнь сотен и тысяч людей!”

Мариана подала сигнал-пароль. Прислушалась. Ничто, не нарушало тишину. Она поглядела на компас — единственную светлую точку в окружающем мраке.

“Иду, кажется, правильно, но почему их нет!” — в отчаянии подумала она. В ту же секунду, как -из-под земли, выросли перед ней две тени.

— Наконец... — шепнул Гриша. — А где Коля, Андрей?

— И Андрея нет?

— Никого, — ответила Оля, и в ее голосе Мариана почувствовала смутение...

Девушка как-то подтянулась, внутренне собралась. Ведь она здесь старший, должна ободрять остальных. Нет, нельзя ей давать волю своим чувствам.

Послышались чьи-то шаги.

— Тут. Т-с-с-с, ложитесь, — твердым голосом скомандовала Мариана.

Разведчики припали к земле.

— Берегите батареи от влаги, — предупредила радистка.

Человек подошел ближе и свистнул три раза.

— Кацо? — вскочил на ноги Гриша. Он так называл Андрея потому, что тот постоянно напевал грузинские песенки.

— Ты один? — в свою очередь спросил Андрей.

Ребята радостно обнялись, как будто давно не видались. Только Мариана стояла неподвижно. Ей трудно было вымолвить хоть слово. Но она щадила нервы товарищей. Успеют еще узнать о постигшем их несчастье. Гриша вывел ее из этого состояния.

— Вот еще Коля подойдет и можно сказать, что половина работы сделана.

Он, видимо, только теперь почувствовал по-настоящему важность момента приземления.

— Не придет Коля, друзья, — сказала Мариана. Голос ее дрогнул.

— В чем дело? Что случилось? — посыпались тревожные вопросы.

— Случилось самое страшное. Коля разбился. Пойдемте попрощаемся с ним и... похороним.

Наступила тишина. Слова, произнесенные Марианой, ошеломили товарищей. Они молчали, не двигаясь с места.

— Очень тяжело, а нужно найти в себе силы пережить это, — сказала Мариана и первая двинулась с места.

Она шла впереди. Оля, всхлипывая, шагала рядом. Сзади двигались Андрей и Гриша.

Когда разведчики подошли к Коле, Оля упала на землю рядом с телом товарища и разрыдалась.

— Как же так, как же так? — повторяла она одно и то же.

— Прощайтесь без шума, — тихо сказала Мариана, кусая губы до крови. — Нам нужно до рассвета успеть похоронить его и самим укрыться. Нельзя терять ни минуты...

— Так и не успел, бедняжка, использовать свое оружие. А как он рвался в дело... — проговорил Андрей.

Они все вместе положили тело товарища на плащпалатку, выкопали яму. Николая хоронили скромно. Но каждый из живых поклялся в душе отомстить врагу и, если уцелеет, вернуться после войны и поставить памятник на могиле боевого друга...

Польское село спало, а на его окраине четыре советских разведчика стояли с опущенными головами у свежей могилы своего боевого товарища... Они не могли даже насыпать холм, не рискуя выдать себя и провалить всю операцию.

— Мы отомстим за твою молодую жизнь! — повторял каждый из них.

...Заголосили петухи. Начинался день.

— Пошли к моим знакомым, — предложила Мариана. — Другого выхода нет.

— Каким знакомым? — удивился Андрей.

— У меня сегодня ночью случилась необыкновенная встреча, потом расскажу...

Они подошли к дому. Оля и Андрей укрылись в бурьяне, а Мариана с Гришей незаметно подошли к окну.

— Постой у угла и посматривай, чтобы никто не вышел. Тут бывают дома с потайными выходами.

Мариана постучала. К окну подошла уже знакомая старуха. Она, видимо, еще не оправилась после первой встречи. Мариана шепнула:

— Открывайте. Нас день застает на дворе.

— Не, пани, я боюсь... И старик заболел.

— Откройте сейчас же! — потребовала девушка. В ее голосе звучала такая решимость, что старуха послушно открыла дверь.

Разведчики вошли в дом и задвинули за собой засов. — Без разрешения не выходите, — предупредила Мариана хозяйку, — иначе погибнем и мы и вы...

Гриша вышел, снаружи повесил замок на дверь и вернулся в дом через окно.

— Так оно будет надежнее, — сказал он.

— Добже, пани, нех бензе так¹, — согласился хозяин. Разведчики взобрались на чердак.

Мариана воспользовалась случаем и развернула рацию. Связавшись с “Большой землей”, она коротко сообщила о приземлении и гибели Николая. Радист с “Большой земли” предложил перейти на “прием”. Но Мариана рывком выключила рацию. Кто-то открыл настежь дверь в сени. Было ясно, что их выдали. Старик, оказывается, улизнул из дома, как предполагала Мариана, через потайную дверь.

Андрей, Гриша и Оля с автоматами встали у чердачного люка. Мариана накрыла рацию и приготовила гранату.

На лестнице показался немецкий офицер. Дверь сразу же захлопнулась, загремел засов.

Хозяин, как потом выяснилось, был членом организации “Армии Крайовой” или, как ее просто называли, партией “АК”, которая действовала под руководством польских министров — эмигрантов из Лондона.

— Хальт! — крикнул Андрей, наводя на офицера автомат.

— О, о, не штреляй, не штреляй, — быстро заговорил офицер, коверкая русские слова... — Мы свуй, мы свуй...

В сенях стояло еще три человека тоже в немецкой форме.

— Мы знаем, вы русские, — заявил офицер уже на чистом польском языке и представился, по-прежнему стоя на нижней ступеньке лестницы. Затем повернулся к стоящим внизу и приказал:

— Опустить карабины.

Ребята тоже опустили свои “ППШ”, но от люка не отходили.

— Мы члены партии “АК”, — представился вторично офицер и протянул руку Грише, который опустился на одно колено у самого края люка.

— Неля, иди побалакай ты с ними, — сказал Гриша по-украински, обращаясь к Мариане.

— Это пани напугала стариков ночью? — спросил, улыбаясь, офицер.

— Я, пан, — ответила коротко Мариана, которая носила здесь имя Неля.

— А пани добже муви по-польскому². Кто здесь командир? — спросил офицер.

— А в чем дело? Ну, я командир.

— Кобета³ командир? — удивился он, широко улыбаясь, — а сконд⁴, панове?

— Естем полька, пан, — ответила парашютистка.

— А-а-а, барзо добже, пани. — Он поклонился и поцеловал Мариане руку. Заметив на ее руке большие часы, он сказал:

— Это не для пани. Завтра у пани будут другие...

— Благодарю вас. У меня есть и другие. А сейчас хотелось бы поговорить с командиром.

— Проще. Я командир! — ответил офицер.

— Чем вы это можете доказать!?

Офицер протянул Мариане удостоверение... “Юзек Станкович Адуасковский. Поляк, родился в 1916 году, в городе Кузлов, офицер”... — прочла она.

— Пани, конечно, знает, что “Армия Крайова” воюет вместе с русскими против немцев. Мы сочли своим долгом предупредить, что вам опасно здесь оставаться. Немцам известно, что сброшены парашютисты, и они не замедлят сюда явиться...

Офицер сказал это дружелюбно и просто.

Мариане были известны повадки некоторых поляков в оккупации. Знала она и многих партизан, была осведомлена о политике, проводимой различными польскими партиями на территории, оккупированной гитлеровцами. Главное то, что и у поляков и у русских была сейчас одна цель — изгнать фашистов.

Смущало Мариану только одно обстоятельство. Поляки из “Армии Крайовой” недолго любили украинцев. Видно, это исходило от пресловутого Миколайчика... А Гриша, Андрюша и Оля были украинцами. Мариана предупредила, чтобы они говорили в присутствии этих поляков поменьше.

Гриша обиделся:

— Не собираешься ли ты пойти на поводу у поляков и сделать нас немцами?

— Делайте, как говорят, — сказала ему Мариана серьезно.

У разведчиков другого выхода не было и они приняли предложение польского офицера. Они переоделись, спрятали автоматы под пальто и вышли в поле. Мариана и командир группы “АК” Юзек шагали впереди. Он рассказывал о том, как они действуют, знакомил с обстановкой в этом краю.

Через замаскированный ход в скирде сена он ввел разведчиков в землянку, а сам отлучился ненадолго, чтобы узнать обстановку.

¹ Хорошо, пани, пусть будет так (польск.).

² А пани хорошо говорит по-польски (польск.).

³ Женщина (польск.).

⁴ А сконд — откуда (польск.).

— Мы так легко отдались в руки этому поляку. Теперь он может с нами делать, что ему захочется, — упрекнул Мариану Гриша.

— Не торопись с выводами. Поляки — не немцы, — ответила радистка.

Три года пребывания в гитлеровском тылу многому научили Мариану.

— Выбора у нас нет. Пока что нам от них не грозит опасность. Они попытаются завербовать нас. Нужно выгадать два-три дня и постараться привлечь их на свою сторону, — объяснила Мариана ребятам, которых настораживало гостеприимство аковцев.

— Аковцы подчиняются Лондону? — спросил Андрей.

— Да.

— Но ведь англичане наши союзники. Значит, и эти тоже должны нам содействовать, — вмешалась Оля.

— Ну, англичане такие союзники, что крест несут в руках, а камень держат за пазухой или, как гласит молдавская пословица, “Ку кручя’н мынэ ши пятра’н сын”, — ответила Мариана. — Мне известно, что по приказу из Лондона на польской территории было уничтожено несколько наших групп. Сейчас, правда, положение круто изменилось и они стали с нами заигрывать...

— А почему на них немецкая форма? — спросила Оля.

— Это не немецкая. Материал только немецкий, а форма польская. Она у них легально существует. Их девиз — “За вильну Польску”.

Часа через два прибежал Юзек.

— Сидите здесь и не вздумайте выходить, — предупредил он разведчиков, — началась невиданная облава. Немцы считают, что этой ночью здесь был сброшен десант.

— Но, пан Юзек, они с таким же успехом могут найти нас и здесь, — сказала Мариана.

— Нет, пани Неля. Они тут искать не будут. На сегодняшний день этот бункер надежнее дома ксендза, — возразил Юзек, улыбаясь. — Вы, наверное, голодны?

— Нет, спасибо. Нам бы поскорее выбраться отсюда.

— Надо дожидаться наступления темноты. Тогда перейдем в более надежное место. — С этими словами Юзек прикрыл дверь землянки.

— С чего это он так заботится о нас? — удивился Гриша.

— Мне кажется, что он чем-то провинился перед нашими или перед люблинским правительством и теперь старается искупить вину. Чует, что скоро советские и польские войска будут здесь, — предположила Мариана.

Вечером опять пришел Юзек и рассказал, что облава была безуспешной. Немцы страшно злятся. Они обещали много денег за поимку русских.

— Они думают, что поляки продаются. Не знают, что мы от души симпатизируем русским. А немцев, поработивших нашу страну, поляки ненавидят, — сказал Юзек.

Он всячески старался убедить разведчиков в преданности своих соотечественников Советскому Союзу.

— Юзек, а как вы узнали о нас? — вдруг спросила Мариана.

— Хм. Пан Стась, хозяин дома, куда вы попали, аковец, пани. Он выполнил свой долг, сообщив нам о своих неожиданных гостях.

Когда окончательно стемнело, разведчики вышли из землянки. Шли вдоль большой просеки. Юзек шел впереди, рядом с Марианой, показывая дорогу. Чувствовалось, что он знает здесь все тропинки.

По дороге Юзек интересовался успехами Советской Армии на фронте, расспрашивал о жизни советских людей.

— Пани, а какова будет Польша после войны? Советская или самостийная? — этот вопрос, видимо, мучил его больше всего.

— Что значит советская? Поляки сами установят у себя такой строй, какой им будет по душе.

— Видите ли, пани, я спрашиваю потому, что поляки считают так: если русские освободят нас от немцев, то они останутся здесь.

— Это придумали немцы, чтобы запугать и держать в подчинении вашу страну, пан Юзек! — сказала Мариана. — Советская Армия не имеет целью оккупировать чужие территории. Ее священная цель — изгнать фашистов со своей земли и помочь в освобождении других народов. Кроме того, вам должно быть известно, что вместе с русской армией сюда идет и войско польское.

— Настоящее войско польское? — удивился Юзек. — Немцы говорят, что это русские, переодетые в польскую форму.

— Я знаю, что немцы так говорят. Эту ложь они распространяют из опасения, как бы поляки не взяли за оружие и не повернули его против оккупантов в их тылу.

— Они уже взяли, пани. Почти все мужчины ночью вооружаются и совершают нападение на немцев. Вся Польша воюет, — сказал Юзек. — Они это прекрасно знают и ночью очень осторожны. Войска их движутся, главным образом, днем. Знали бы поляки, что там вправду воюет польское войско, то двинулись бы ему навстречу, уверяю вас, пани.

— Верю, пан, верю. И все же мне непонятна ваша пассивность. Ваши действия не мешают немцам продвигаться по железным дорогам, взлетать их самолетам с аэродромов со смертоносным грузом, — сказала Мариана, шагая в ногу со своим новым знакомым.

— Понимаю, что пани хочет сказать, — оправдывался Юзек. — Но не забывайте, кто нами руководит. Лондонскому польскому правительству не очень-то хочется, чтобы русские войска вступили на польскую землю...

— А вы бы слушались не лондонского голоса, а люблинского. Это правительство по-настоящему заботится о судьбах всей Польши, а не только о верхушке, как ваш Миколайчик, — ответила Мариана. — Тогда бы люди знали правду.

— О! Я вижу пани разбирается в политике, — заметил Юзек.

— За Польшу мне больно так же, как и вам, я такая же полька, как и вы, — ответила Мариана, наблюдая за своим собеседником.

Юзек внимательно выслушал Мариану и неожиданно протянул руку.

— Предлагаю вам свою дружбу.

— А как же аковцы?

— Я их обведу вокруг пальца.

— Их или нас?

— Вот бог свидетель, — Юзек поднял глаза к небу, — я — буду выполнять все ваши поручения. Я буду вам полезен, пани Неля...

— Юзек, вы слишком быстро согласились, — прервала его Мариана, останавливаясь, чтобы остальные могли их догнать. — Подумайте хорошенько. Есть вещи, с которыми нельзя торопиться. А вам действительно надо решиться: или мы или они. На двух стульях сидеть рискованно.

— Мне хочется, пани, сказать вам вот что. Уже три года как я хожу с карабином на плече, а зачем — не знаю. К немцам я не пристал, не терплю их. К Миколай-чику не примкнул, потому что не доверяю ему. Я запутался. Одно время мне казалось, что большевики не одолеют, и я пробовал шагать в ногу с немцами. Совершил кое-какие глупости. Теперь вижу, что ошибся. Только с русскими мне по пути. Давно искал я возможности помочь русским партизанам или парашютистам, но не выпадало случая... Если хотите, мне не доверяли... А сейчас судьба мне вас послала. Прошу вас, пани Неля, не прогоняйте меня, я буду вам полезен.

— Хорошо, пан Юзек, мы посоветуемся. А сейчас надо избавиться от этой облавы...

— Спасибо, спасибо, — ответил Юзек и крепко пожал ей руку, прикасаясь к ней губами.

— Что он тебе крестным братом заделался? — удивленно спросил Андрей девушку, заметив оживление Юзека.

Прибыв на новое место, группа расположилась в доме знакомого Юзека. Стояла еще довольно ранняя весна, так, что жить в лесу было слишком холодно. Удобным, а главное безопасным жильем группа была обязана польскому другу Юзеку.

Юзек старался быть полезным. Он употреблял всю свою смелость, свою энергию, которая, казалось, не иссякает.

— Я оправдаю доверие, друзья, — часто повторял Юзек. Поляк был неизменно любезен с девушками группы. Он удвоил свою заботу, когда понял, какую трудную и рискованную работу выполняют они.

— Ценить нужно наших девушек, — говорил он ребятам. — Немного все-таки таких.

Особую симпатию он питал к чернявой Ольге. Ее чуть вздернутый нос, теплые карие глаза, видно, крепко запали ему в сердце. К тому же Юзеку льстила дружба с советской девушкой из Молдавии.

— Пани Неля наша, полька, а вот как пани Ольга решилась выброситься с парашютом так далеко от родины?

Когда он говорил “пани Неля наша, полька, ей, мол, бы сам бог велел воевать за Польшу”, ребята втихомолку посмеивались.

— Видал? Не колеблясь, принял Мариану за свою, — засмеялся Гриша.

Юзек окружал Олю трогательным вниманием. Это чувство было понятным. Человеку, которому дорога дружба с Советским Союзом, дорог каждый советский человек. А тут еще девушка решилась на такой подвиг. Он буквально не сводил с нее глаз и старался подчеркивать во всем свое уважение к советской отважной девушке. К Неле-Мариане он тоже относился с большой чуткостью, но повторяя каждый раз, что она, Неля, дома, на родной земле, а значит меньше нуждается в его поддержке.

Андрей с Гришей решили разыграть Ольгу.

Андрей как-то сказал:

— Влопался парень по уши...

— Не шути, Андрей, — оборвала его Мариана, беря Юзека под защиту и стараясь не обидеть Ольгу, помня о ее строгом характере.

— Разве ты не видишь, что он готов в огонь и в воду за одну ольгину улыбку. Какие могут быть шутки? — не сдавался Андрей.

— Скажешь ерунду такую, что противно слушать, — сердилась Ольга.

Мариана прислушалась к этому разговору и, подумав, спросила:

— Ты, правда, что-нибудь заметил?

— А ты будто нет? — ответил он с хитринкой.

— Если это в самом деле так, то его можно всерьез привлечь в нашу группу и окончательно оторвать от аковцев. А нам он был бы очень полезен — местный житель, хорошо знает немецкий. Переводчика-то мы потеряли.

— Это идея! — поддержал ее Гриша.

— Боюсь, что это твоя идея, Гриша, слишком дорого нам обойдется, — заметил Андрей, пряча улыбку и притворно вздыхая.

— Может быть ты обождешь? Отложишь свои переживания и вздохи до окончания войны, Андрей? — сказала Мариана. — Неужели тебе надо объяснять, как нам нужна любая поддержка в тылу у врага?

— Даже ценою сердца? — спросил он шутя.

— Андрей, ты не разыгрывай комедию, не мути воду. Знаешь, что Ольга не любит таких шуточек, — предупредила Мариана Андрея.

Тот расхохотался от души.

— Марианка, дорогая, да пусть он хоть трижды влюбляется в нашу Олюшку. Лишь бы в тебя не встретился. А то пропала тогда моя головушка, — сказал он полушутя, полусерьезно.

— Ну и болтун же ты неисправимый. Смотри, дожدهшься, что Ольга отгаскает тебя за чуприну, — шутя погрозила пальцем Мариана. Потом уже серьезно сказала:

— А вообще должна вас предупредить, ребята, шутите да знайте меру. Иной шуткой и обидеть человека недолго. А мы должны поддерживать друг друга и не допускать никаких недоразумений, обид и тем более любовных сцен. Таков закон разведки. Суров, конечно, но коль на такое дело пошли, будьте добры, соблюдайте его.

— Хм! Закон разведки! А закон сердца? Ему ведь не прикажешь, как в песне поется, — не сдавался Андрей.

— И сердцу надо уметь приказывать, если этого требуют интересы Родины.

— Тут, можно сказать, по острию ножа ходишь, а он — нате, пожалуйста, со своими любовными переживаниями суется... Тьфу, — Гриша сплюнул с досады.

— Ха-ха! — рассмеялся Андрей, — пошутил я, а они уж насели на человека. Влюбляйся, не влюбляйся, словно по расписанию.

— Хватит, хватит, ребята. Пошутили и будет, — вмешалась Мариана. — Не дай бог проговориться при Юзеке. Как бы шуточками дело не испортить. Да еще и неизвестно, не ошиблись ли вы, хотя я и сама почти влюблена в нашу Ольгу.

— В Ольгу, а не в Юзека? — опять не утерпел Андрей, но потом спохватился и поднял руку. — Ой, проба-те, будь ласка, забыл я, что про любовь — ни-ни. Извиняюсь.

Все рассмеялись, а Ольга погрозила пальцем.

— Смотри, кацо, еще раз проштрафишься, — пеняй на себя.

— Шутки-шутками, а я ему не совсем доверяю, хлопцы, нашему пану, — заметил Гриша. — И вообще у партизан это делается иначе. Человеку дается определенное задание, за ним наблюдают, проверяют... А здесь как-то по-иному.

— Да, Гриша. Здесь, действительно, по-иному, — подтвердила Мариана. — Бывает положение, когда на размышление, проверку и прочее, как у партизан, не остается времени. Далеко за примером не надо ходить. Возьми наше приземление. Разве у нас был выбор? Это одно. И другое. Если бы Юзек хотел нас предать, то сделал бы это в самом начале, когда все преимущества были на его стороне.

Ребята согласились с этими доводами, и уже все вместе стали обдумывать план дальнейших действий.

Юзек подтверждал мнение Марианы своим поведением. Он подружился с советскими парашютистами, стал их надежным агентом и связным. После тщательной проверки, о которой Юзек и не подозревал, группа стала поручать ему ответственные задания. Он переводил с немецкого языка содержание добытых документов. Правда, переводил по-польски, но польский уже хорошо знала Мариана.

Таким образом, разведчики выходили из положения, в которое их поставила гибель Николая.

А с фронта шли отрадные вести. Советские войска стремительно продвигались вперед на всех фронтах. Большие успехи были одержаны Украинским фронтом.

Вначале Мариана один раз в неделю выходила в эфир специально для того, чтобы послушать передачи "В последний час". Позже с разрешения командования она стала делать это через день, записывая подробно результаты боев войск, армиям которых предстояло освободить Польшу. Эти известия она диктовала Юзеку на польском языке, а затем в виде листовок их расклеивали в многолюдных местах.

Юзек делал это с большой охотой, каждый раз горячо комментируя новости:

— Так его, так его! Что, съел, фриц проклятый?

Уходя с листовками, Юзек не раз шутил в ответ на просьбу товарищей быть осторожней:

— Я наклею листовку какому-нибудь фашисту на спину. Пусть тогда разыскивают распространителя, — весело смеялся он своей выдумке.

Но однажды случилось так, что свою выдумку он осуществил.

— Подошел я к прилавку буфета, — рассказывал он впоследствии, — а там стоят три фашиста уже тепленькие. Я вплотную прильнул к одному, вроде хочу дотянуться до стойки, а когда отодвинулся — у немца на спине осталась листовка с сообщением Советского информбюро... Ребята покатывались со смеху, слушая Юзека.

— Потом я издали наблюдал, как они вышли из буфета и, взявшись все трое под руки, подались в сторону вокзала. Но самое интересное было то, что за ним потянулись люди. Некоторые даже вслух читали, а другие,

прочитав, сразу шарахались в сторону, видимо, боялись, как бы их не обвинили. Представляете картину? — радостно хохотал Юзек.

Разведчики от души посмеялись, но потом строго-настрого запретили Юзеку так рисковать.

Как-то Юзек вернулся с задания с тревожными новостями:

— Полиция сбилась с ног. Немцы уверены, что где-то поблизости сброшены советские парашютисты. Обыски производили почти во всех домах вокруг Кузлова, обшарили все чердаки и сараи, да только — вот! — Юзек показал кукиш, — придется им остаться с носом.

Но это была серьезная опасность, и группа ушла временно в подполье. Действовали, главным образом, по ночам.

Свободно ходили лишь Юзек и Неля-Мариана. Она даже решилась отправиться по знакомым местам.

Ребята опасались за нее, не хотели отпускать.

— Такой риск с лихвой окупится интересными материалами, которые можно добыть в этом районе, — убеждала друзей Мариана.

И она настояла на своем. Переодевшись и соорудив при помощи папильоток модную прическу, Мариана взяла корзиночку и снова превратилась в “хандляжку”.

Выйдя поутру, она к обеду была уже в предместье Кракова. На черном рынке торговля была в самом разгаре. Смешавшись с потоком людей, Мариана затерялась в рыночной суматохе, но от ее внимательных глаз не ускользало ничего. У магазина с большой витриной она заметила двух офицеров. Они шли не торопясь сквозь поспешно расступившуюся толпу. За ними на расстоянии двух шагов следовали офицеры помоложе. Щеголеватые мундиры, начищенные до блеска сапоги. Несомненно, начальство в сопровождении адъютантов. Мариана старается определить звание и род войск... Она с озабоченным видом проходит мимо офицеров, опережая их.

Ага. Полковник. А другой? Тоже. Но петлицы рассмотреть не удалось. “Нельзя ли по адъютантам определить род войск”, — думает разведчица. Но возвращаться нельзя, поворачивать голову тоже. Надо свернуть в сторону, обойти, чтобы опять оказаться сзади.

Она заходит в туалетную, быстро снимает шляпу, надевает платок и возвращается на прежнее место. Ее “добыча” не ушла далеко. Мариана краешком глаза рассматривает младших офицеров. Высокий — фельдфебель. Второй — старший вахмистр. Белый погон с тремя полочками посередине...

“Штабные работники, — догадывается она. — Но какой штаб, какой род войск? Это еще предстоит узнать”.

Офицеры направляются к центру города. На почтительном расстоянии Мариана следует за ними. Вот они подходят к одноэтажному зданию. В дверях часовой козыряет и громко произносит: “Хайль Гитлер!”

Разведчица проходит мимо, “безразлично” глядя на телефонные провода. Затем заходит во двор дома напротив. Там частная лавочка. Пожилой поляк с красным от холода носом прыгает с ноги на ногу, потирает руки приговаривая:

— Все, что угодно для души, пани. Пуговицы, браслеты, серьги — все, что угодно молодой красивой паненке. А может, пани, курит? Проще, пани, сигареты, самые лучшие во всем Краковском воеводстве...

— Что же вы двери не закроете? — говорит Мариана, тоже потирая руки и глядя через окно на улицу.

“Прекрасный наблюдательный пункт, — думает разведчица. — За пять минут вышло и вошло четыре офицера. Патрульный вытягивается в струнку, значит, большие чины...”

— Хм! Закрыть дверь, значит, закрыть торговлю, дорогая пани, — говорит владелец магазина и снова начинает потирать руки. — Сюда нет-нет и заскочит офицер Их много, а мой магазин прямо под носом. На них, господах офицерах, и держусь...

Мариане очень хочется расспросить этого словоохотливого поляка о его постоянных клиентах. Но она знает прием немецкой контрразведки — вербовать или сажать в таких лавочках своих агентов.

Она покупает цепочку для часов и, бросив “До видzenia, пан”, выходит.

Миновав штаб, Мариана идет дальше, по направлению проводов. Чутье бывалого разведчика подсказывает ей, что это штаб не полевой части.

...Чем он занимается, какой воинской единицей руководит? — оставалось пока неясным. Одно было несомненно — это штаб танковой части. И она не ошиблась. Провода привели ее к окраине города, где под деревьями и у домов, под разными укрытиями, маскировались танки — “тигры” и “пантеры”.

Девушка проходит по этому знакомому ей кварталу, завязывая узелки на бахроме своего платка — по числу танков. Это ее старый метод счета. Сердце стучит учащенно. Шутка ли — такая удача! Она пересчитывает узелки — 44 танка. А вот и орудия. Калибр, кажется, 75 миллиметровый.

Больше ничего не удастся узнать. Но и это большая удача — разведать, что здесь стоит запасной танковый полк...

Возможно, эта новая часть будет брошена на прорыв... С момента, когда советские войска перешли в наступление по всему фронту и стали изгонять врага с территории восточно-европейских государств, гитлеровцы начали перебрасывать к фронту запасные дивизии, находившиеся в непосредственном подчинении ставки Гитлера.

“Нельзя медлить с сообщением, — решает разведчица. — До вечера нужно вернуться в группу”.

Когда она, наконец, добралась к себе, то застала только Гришу и Андрея.

— А где Ольга? — встревожилась Мариана.

— Пошла на вокзал, сразу после тебя, — ответил Гриша. — Ты не беспокойся. Она знает повадки немцев, не попадетсЯ. А как твой поход?

— Есть важные сведения.

— У нашей Марианы все сведения страшно важные, разве ты не знаешь? — весело сказал Андрей.

— Нет, ребята, сейчас не до шуток. Сведения, в самом деле, очень важные. На окраине Кракова расположился, по всем признакам, танковый полк.

Андрей протяжно свистнул:

— А нельзя его поднять в эфир, выражаясь на твоём языке, то есть на языке радиста?

— Сразу видно партизана, — улыбнулась Мариана. — Нет, дорогой Андрей, — посерьезнела она. — Здесь это оказалось бы серьёзной ошибкой. А разведчик, как и минер, ошибается только раз.

— Понимаю, понимаю. Сейчас скажешь — мы глаза и уши армии, знаю, — Андрей сделал строгое лицо. — С вами и шутить нельзя.

Как только стемнело, ребята заняли свои посты в охране. Мариана зашифровала радиogramму, передала её и перешла на приём. С “Большой земли” запросили дополнительно данные: цель полка, его направление, номер и в конце неизменное: “Действуйте осторожно”.

Теперь сведения из тыла врага приобретали особую ценность — их использовали немедленно. Помимо постоянных указаний группа получала приказ за приказом. Советское командование интересовалось подробностями отступления гитлеровских войск. Чрезвычайно важно было знать направление, пути отступления, а также основные базы.

Время шло. Немцы лихорадочно строили укрепления, всячески старались сдержать натиск советских войск, идущих по направлению к Берлину.

Членам разведывательной группы с каждым днём прибавлялось работы. Мариана теперь выходила в эфир каждый день.

Но вот фронт на некоторое время приостановился. Немцы стали поднимать головы. Они лихорадочно сосредоточивали войска. К Варшаве беспрерывно двигались колонны автомашин с живой силой и боевым снаряжением.

Гриша, Андрей, Ольга и Юзек разделили между собой участки и ежедневно добывали ценные сведения. Мариана еле успевала их передавать. Однажды Гриша принес необычную информацию.

— Немцы что-то задумали. Уже второй день возят бетонные трубы не менее двух метров в диаметре и расставляют их вдоль главной трассы между населёнными пунктами Зелена и Глуздовиши.

— Возможно, задумали строить укрепрайон наподобие знаменитых валов, чтобы преградить нашим дорогу на Берлин, — высказала свои соображения Мариана. — Эти трубы охраняются?

— Да. Прямо по-над дорогой дежурят солдаты.

Вечером собралась вся группа. Было принято решение: Мариана с Ольгой наполняют корзинки яйцами, маслом и ещё чем-нибудь и направляются к городу якобы на базар. Продукты взялся достать Юзек.

По дороге они вступят в разговор с солдатами. Задача состояла в том, чтобы установить род войск и часть.

Нарядившись сельскими девчатами, разведчицы направились в город.

Около группы солдат, возившихся у громадных труб, девушки замедлили ход. Мариана кокетливо улыбнулась солдатам.

— Яйко, пан, масло не купите? — заговорила она по-польски, раскрывая корзину. — Вшистка едно до рынка несем.

— О-о-о. Яйко! — обрадовались солдаты. Они, как саранча, набросились на корзины и за несколько минут опустошили их, бормоча: Яйко, яйко, паненка, зер гут.

Пока Мариана заговаривала зубы солдатам, Оля внимательно рассмотрела необычные сооружения. Она успела заметить глубину вырытых котлованов, куда закапывали трубы, расположение труб и, конечно, постаралась запомнить знаки отличия и род войск.

Чувствуя, что их время истекло, Мариана посмотрела на Ольгу и протянула руку.

— Пенсзы¹, панове, пенензы. Пять злотых.

В ответ один из солдат подошел поближе к девушке и плюнул в её раскрытую ладонь. Остальные солдаты заготовали.

Девушки подхватили свои корзины и, не сказав ни слова, удалились, радуясь тому, что их никто не задерживает.

— Ну что тебе удалось рассмотреть? — спросила Мариана Ольгу, когда солдаты остались далеко позади. Она все ещё терла свою ладонь, гадливо морщась.

— Диаметр примерно около двух метров, Гриша прав. А работает здесь не одна часть. Я видела опознавательные знаки инженерных войск и войск связи.

Возвратившись на базу, Мариана сообщила командованию короткой радиogramмой о том, что удалось установить, приняла приказ внимательно наблюдать за ходом строительства укрепрайона и регулярно сообщать об изменениях.

¹ Пенензы — деньги (польск.).

— Я кое-что придумал, — сказал Юзек, выслушав приказ центра. — Я переодеваюсь в форму офицера связи, а пани Неля нарядится важной паненкой, и мы попробуем выведать у солдат нужные сведения.

— А зачем вам Неля? — спросила Ольга. Она не любила, когда Мариана оставляла рацию. — Все может случиться, а без радистки вся наша работа ничего не стоит.

— А вот зачем, пани Ольга. Когда офицер с дамой, — объяснил Юзек, — к нему больше доверия.

Мариана нашла этот план дельным и принялась за приготовления.

...Черная вуаль прикрывала лицо, делая разведчицу неузнаваемой, а элегантный костюм придавал ей вид настоящей дамы.

После обеда, когда по их расчетам офицеры расходятся по квартирам, Юзек и пани Неля-Мариана направились к интересующему их объекту.

Подходя к месту, Юзек замедлил шаги и незаметно поднес к глазам миниатюрный бинокль.

— Сейчас установим, есть ли начальство. — Юзек уже привык к своей роли и держал себя, как заправский офицер армии фюрера. Ничто в нем не выдавало переодевшегося поляка-разведчика.

— Кажется, все в порядке. Не опасно, — заявил он, пряча в карман бинокль.

У машины, покрытой брезентом, Юзек остановился и сделал знак рукой.

Несколько солдат при виде офицера вытянули руки вперед и разом крикнули “Хайль Гитлер” и поклонились Мариане. Юзек ответил тем же напыщенным жестом и, бросив в сторону Марианы “Пардон, мадам”, спросил строго:

— Как идут работы? Когда закончите? Генерал беспокоится.

— Все в порядке, господин офицер. Уложимся в срок, а может и к двадцать пятому числу.

Мариана не без удовольствия заметила среди солдат того, что вчера плюнул ей в ладонь. Сейчас он стоял, вытянувшись в струнку.

— Гут... Генерал будет доволен вами, — сказал Юзек. Крикнув “Хайль Гитлер”, он взял под руку Мариану, и разведчики важно удалились.

Ночью Мариана передала советскому командованию дополнительные данные о сроках окончания строительства.

Советские войска освобождали село за селом, город за городом... Бои шли уже на территории Польши. Каждый стремился сделать для победы как можно больше.

Разведчики все чаще задумывались о будущем. Им хотелось дожить до победы. И в то же время они усиливали работу. Группа держала под наблюдением ряд военных объектов, передавая командованию сведения о дислокации немецких войск, об аэродромах, складах, о моральном состоянии гитлеровской армии.

Юзек стал настоящим советским разведчиком или, как он сам себя называл, — парашютистом. Но его частые отлучки вызвали недовольство в штабе аковцев. Там знали, что где-то поблизости находятся советские парашютисты, знали и о том, что Юзек встретился с ними, но полагали, что на этом связь и оборвалась.

Получая все новые указания лондонского эмигрантского правительства Миколайчика, аковцы изменили отношение к советским партизанам, разведчикам и другим группам. Тут-то они и спохватились относительно Юзека. Его заподозрили в предательстве.

Рассказав Мариане об этом, Юзек спросил совета, как ему быть.

— Воля ваша, — ответила Мариана. — Вы должны решиться раз и навсегда: или они или мы. Народ Польши еще скажет свое слово — кто предатели, а кто его верные сыны.

— Я же давно решил, разве вы не убедились в этом? — ответил Юзек.

Советская Армия одерживала победы на всех фронтах. Ее части вместе с польскими войсками уже вступили на территорию Польши и двигались дальше, очищая польскую землю от фашистских оккупантов.

Польский народ ликовал. Хотя фронт находился за десятки километров, а в некоторых направлениях и за сотни, но везде чувствовалась радость. Люди собирались группами, оживленно беседовали. Больше всего народ интересовало два вопроса: яка бенза Польска? (какой будет Польша) и правда ли, что вместе с Советской Армией идет войско польское. Более оборотистые искали связи с советскими партизанами. Каждый стремился заручиться свидетельством о том, что он как-то содействовал, сочувствовал партизанам или разведчикам-парашютистам или, на худой конец, был нейтрален. Те, кто знал хозяев дома, у которого приземлилась Мариана, возлагали большие надежды на пани Нелю.

— Все же, как ни есть, а полька она. К тому же, видно, главное лицо в группе.

Юзеку и всей группе хорошо были известны эти разговоры обывателей. Не будучи убеждены в победе Советского Союза, такие поляки колебались или, как сами говорили, “держали нейтралитет”. А как только фронт на время останавливался или немцам где-то удавалось временно закрепиться, настроение моментально менялось: обыватели не прочь были услужить фашистам.

Но большинство поляков было другого мнения. И хотя они не выступали против гитлеровцев с оружием в руках, зато всегда молча спрячут советского партизана, накормят его. Настроений было много и все разные. Поэтому разведчикам пришлось уйти в глубокое подполье и соблюдать строгую конспирацию.

Народовцы, или, как они называли себя, “Партия народовца”, всю войну были заодно с немцами и свирепствовали с особой силой. У них на учете был каждый поляк, помогающий советским партизанам. Одетые в немецкие мундиры, вооруженные немецкими автоматами, народовцы врываются в дома и переворачивали все вверх дном.

— Где большевик? — орали они на перепуганных женщин.

Большинство мужчин, в какой-то мере связанные с советскими партизанами, прятались в тайниках или уходили в лес. Даже сложена была песня, призывающая мужчин идти в партизаны:

“Ходьмо, ходьмо, мы до лясу, до партизанцы,
Бо в партизанцы не ест зле.
Идмо, идмо попид лясек.
А тут вода, а тут пясек
Бо я естем поляк часный...”

Зашевелились и фашисты. Они усилили антисоветскую пропаганду. Чего только не говорили они! Начиная с того, что большевики всех перебьют и заселят Польшу русскими, увезут поляков в Сибирь на каторгу, и, кончая тем, что Польша перестанет существовать как государство. Наряду с этой геббельсовской пропагандой, радио и газеты ежедневно передавали ложные сведения о положении на фронтах.

В последнее время, когда фашисты стягивали все свои силы к фронту, снимая воинские части с запада и перебрасывая их на восток, группа была перегружена разведывательной работой. Занимались разведкой все. Даже Мариана, которая была по горло занята работой на рации.

Но разведчики чувствовали, что они не имеют права молчать, что они обязаны разъяснять народу истинное положение на фронте, Подлинную роль советских войск-освободителей. Но для этого требовалась санкция центра. Мариана передала основную радиogramму: “В Катовицах формируется пулеметная рота № Командир — майор Фокке. Личный состав 500. Направление Краков. Пехотный полк № ... передислоцировался в направлении Перемышль (подробности дополнительно). В нашем районе дислоцируется отдельный гренадерский маршевый батальон (номер дополнительно). Моральное настроение солдат падает. Есть дезертиры”. Затем передала еще одну коротенькую: “Немцы усилили антисоветскую пропаганду. Разрешите заняться разъяснительной работой среди населения”.

Через несколько минут была получена ответная радиogramма из центра: “Благодарим. Продолжайте разведку. Подберите агитаторов из поляков, снабдите сводками информбюро. Соблюдайте строгую конспирацию”.

После этого Юзек и Мариана работали всю ночь. В душном бункере горела карбидка, воздух был пропитан гарью.

Гриша с Андреем ушли на “акцию”, так они называли свои вылазки. Это выражение перешло к разведчикам от польских партизан. Они вели постоянное наблюдение за движением по железной дороге.

Оля свернулась на сколоченной из досок кровати. Она целые сутки не спала, ходила в разведку, и теперь Юзек и Мариана разговаривали шепотом. Даже чихнуть или кашлянуть не решались, чтобы не спугнуть чуткий сон товарища.

Вначале Мариана диктует, а Юзек пишет. Потом оба переписывают текст вновь и вновь. Так рождаются листовки. Мариана отстает от Юзека. Она недостаточно знает польскую грамматику и боится выдать себя. Ведь она молдаванка, а не полька. Но Юзек и все, кто знает пани Нелю, убеждены, что она полька.

Уже выросла целая пачка листовок. В них кратко, но ясно сообщается положение на фронтах. В конце крупными буквами написано:

“Друзья поляки! Немцы вас обманывают. Советский Союз победит. Его цель — помочь полякам освободиться от фашистов. Польша будет свободной и самостоятельной. Советскому Союзу не нужны чужие территории. Боритесь! Наносите фашистам удары с тыла. Это ускорит освобождение Польши.

Нех жие вильна Польска!”

На следующий день Юзек нашел надежных людей. Они быстро распространили листовки среди населения. Позже разведчики с удовольствием узнали, что число листовок выросло почти в сто раз. Члены “Армии Людовой” размножили их и распространили в народе.

Немцы расвирепели. Они устраивали облаву за облавой.

Активизировались и фашистские прислужники.

Выполняя приказ “правительства” Миколайчика, они стали охотиться за советскими парашютистами, находящимися на территории Польши, ловили и убивали польских партизан, коммунистов. Надеюсь, что этот приказ является тайным, аковцы действовали скрытно. Они всячески старались разыскивать советские группы, но безуспешно. Тогда они решили для этой цели использовать Юзека.

Однажды в воскресенье Юзек отправился в костел. Несмотря на прогрессивные взгляды, молодой поляк, как ни странно, был очень религиозен. Его мучила совесть, что он больше двух воскресений не бывал в костеле. Он не раз удивлялся Мариане:

— Як пани Неля може? Костел обязателен для каждого поляка и полячки. Это наша клятва с детства, — говорил он Мариане и вспоминал польскую клятву, которую она так тщательно изучила еще год тому назад:

“Кем ты естеш?
Поляк малый.
В цо ты вежешь?
В орял бялый...”

и так далее. Но она каждый раз отвечала коротко, стараясь не обидеть его религиозных чувств:

— Я, пан Юзек, верю в бога без ксендза. Сердцем верю.

И вот в этом-то костеле, святом, как верил Юзек, месте и схватили его аковцы.

— Парашютисты или смерть, — объявили ему прислужники Миколайчика. — Радистка вместе с рацией нам нужна.

Юзек сразу прикинул обстановку: откажись он сразу, его не выпустят. И он решил схитрить.

— Уже давно я о них ничего не знаю. Несколько месяцев, как они ушли из наших краев. Нужно время, чтобы найти их, — сказал он. Желая проверить, знают ли аковцы местонахождение группы разведчиков, он спросил:

— А может, Панове, знают, где они? Может, подскажете?

— Знали бы, тебя не спрашивали. Ты один можешь указать их местопребывание. Это приказ нашего командования, — заявил офицер. На всякий случай он приказал арестовать Юзека.

Но не зря Юзек изучил повадки аковцев. Сейчас это ему пригодились. Юзеку удалось бежать.

Он рассказал Мариане о приказе из Лондона и требованиях лже патриотов Польши.

— Идиоты! Они думают, что я продаюсь за деньги. Радиста подай им. Они не знают, какое место этот радист занимает в нашей жизни! — при этих словах он поцеловал руку Мариане.

— Вам, Юзек, придется сейчас законспирироваться строже, как и нам, — сказала Мариана. — В ближайšie дни переменим место. Есть приказ отойти дальше в тыл.

— Я самый счастливый человек, — сказал Юзек ночью Андрею, лежа рядом с ним в кювете около железнодорожного полотна. Они выжидали благоприятной минуты для перехода дороги.

— Вам, русским, наверно, трудно понять человека, который рвется на волю, а его держат в клетке, как узника.

Сколько лет мы уже невольники. А теперь, может, даст бог, и поляк вздохнет свободно. Я могу сейчас горы сдвинуть, чудеса творить, — горячо шептал Юзек на ухо Андрею.

— Ш-ш-ш! — Андрей пожал ему руку. Невдалеке послышались шаги. Разведчики всмотрелись в темноту. Прямо на них двигались два солдата. Андрей дернул шнур, предупреждая Мариану, Гришу и Ольгу. Те лежали метров на сто правее, охраняя рацию. Все прижалось к земле, пережидая, пока немцы обойдут свои участки и вернуться в сторожку. Тогда разведчики должны перебежать дорогу. Это было нелегким делом. Откос очень круто поднимался к полотну. Достаточно кому-нибудь из разведчиков сорваться с откоса, чихнуть или кашлянуть, как их тотчас обнаружат: при сторожке всегда дежурит взвод солдат.

Группа рассчитывала после перехода железной дороги заминировать полотно, а встреча с солдатами охраны может провалить все дело вообще.

Как только тройка получила второй сигнал, что означало “время перелезть” — Мариана, Ольга и Гриша тихо поднялись к полотну, ползком перебрались через линию и незаметно спустились в кювет. Потом поднялся Андрей и заложил мину под рельсы.

Юзек остался последним. Его задачей было прикрывать отход товарищей, отвлекая на себя огонь патрулей в случае тревоги.

Гриша, Мариана и Ольга ушли подальше и укрылись в условленном месте. Время тянулось томительно долго.

— Что-то мешкают наши, — шепнула Ольга. — Как бы не обнаружили их.

— Не поднимай панику, — сердито зашептал Гриша. — Что-нибудь было бы слышно, а так тихо.

— Ой, боюсь, — прижалась Ольга к Мариане. — А ты?

— Тоже. Но не разговаривай.

— Сказано бабы, — сердился Гриша. — Не могут без разговоров.

Девушки замолчали. Кругом было тихо. Холод забирался под одежду, ноги окоченели моментально, руки тоже.

Все трое вглядывались в непроницаемую темноту.

Вот, наконец, идут. Но не двое, а трое. Почему?

Гриша взялся за автомат.

— Ольга, приготовь гранату, — приказал он. — Стрелять по моему сигналу.

...“Неужели все? Какой глупый конец”, — подумала Мариана, снимая предохранитель. У нее на всякий случай была запасная граната-лимонка. Другие в безвыходном положении стреляются в висок. Мариана думает не только о себе.

“В висок значит — только себя. А рация? Им останется? Она же секретная. Дудки...” — Держа пистолет наготове, она нащупала в кармане лимонку. Те трое движутся к ним. Один из них идет как-то странно.

Слышится тихий троекратный свист. Это Андрей. Только он умеет свистать по-всякому, подделываться под любую птицу.

Гриша догадывается первый:

— Они волокут немца.

— Зачем вы его взяли? — недовольно спрашивает Мариана.

Другого выхода не было. Остановился, зараза, автомат направил прямо на меня. Решил наверное отличиться, крест заработать, — объяснил кратко Андрей. — Так я его цап. А тут и Юзек подоспел. Справились аккуратно, без шума.

Вот, оказывается, чем была вызвана задержка. Мариана в душе гордится другом. Не ошиблась она, когда в первую же встречу определила, что он самый смелый из всех.

Во рту у немца торчала Андреева шапка, руки связаны за спиной шарфом. На груди у Юзeka два автомата.

— Ну, что теперь с ним делать? — спрашивает Мариана.

— Что, что? Отправить в гости к праотцам и дело с концом, — отвечает Андрей. — Небось, не одного нашего жизни лишил. Нечего с ним церемониться. Тем более, что из-за этого гада можем провалиться как пигь дать...

Дальше они идут все вместе. Как всегда впереди Юзек, за ним Мариана-Неля, Андрей, Гриша и Ольга шагают рядом.

— Чем-то напоминает партизанский отряд, правда, Андрей? — спросил Гриша. — Вот бы сейчас в засаду. Аж руки чешутся, все-таки в отряде веселее.

— А здесь интереснее, — возражает Ольга.

— Ну да. Для девушек, конечно, а нам, здоровякам, автомат давай, гранаты.

— Хватит вам. Давайте тише. Как бы не проворонить чего-нибудь, — строго предупредила Мариана. Она не любила, когда разговаривали в пути.

А вообще ей тоже нравилось слушать про партизанские были.

— Вот это герои! — говорила она, слушая рассказы Гриши или Андрея. Но Ольга придерживалась другого мнения.

— Да что там. Ринутся в бой, повоюют, а потом снова в лес. И не чувствуешь, что ты в тылу у врага. У разведчиков — другое дело. Ходишь среди местных жителей, идешь рядом с немцем, смотрит он на тебя и не знает, что вот ты сейчас не просто взглянул на него, а узнала, в какого рода войсках он служит, да мало ли чего. Вот это интересно. А в партизанском отряде я была год, а немцев видала только пленных. Получалось, как в анекдоте: “Поддай его сюда, я его убью”. Нет, здесь интереснее, — закончила Ольга с таким видом, как будто бы ей сейчас предлагают выбрать между партизанами и разведкой.

Ребята от души хохотали.

— Ну и потешная ты, Ольга. Не зря француз влюбился в тебя, — пошутил Гриша.

— Не влюбился, а подружился, — поправила его Ольга.

— Ну, ладно подружился. А насчет “Поддай его сюда, я его убью” то, милая ты моя, это только в анекдоте говорится, а я примерно нащелкал швабов не один десяток.

Такие разговоры начинались частенько, как только ребятам не терпелось броситься в открытый бой или, как они говорили, “чесались руки”.

На новом месте разведчики действовали по новым документам. Это понадобилось для того, чтобы окончательно сбить со следа полицию и обезопасить себя от неприятных случайностей.

Как только подобрали место для рации, Мариана сразу связалась с центром, сообщила новую информацию о дислокации войск противника в районе “К” и приняла ответную радиogramму. Расшифровав ее, Мариана с радостью сообщила о новой благодарности командования.

— Мариана, — спросил, смущаясь, Юзек. — А обо мне знает Москва?

— Конечно, знает! Вот посмотрите, здесь упоминается и ваше имя. — Мариана показала Юзеку то место, где речь шла о нем, затем перевела содержание радиogramмы на польский язык.

Растроганный до глубины души, Юзек всех обнимал и восклицал:

— Теперь я настоящий советский разведчик!..

СТРАШНЫЙ АРСЕНАЛ

Война в тылу врага продолжалась...

“Севернее пункта X оборудуются новые аэродромы... В Н. прибыла дивизия “СС” под номером 86. С вокзала Z отправилась пять составов с пехотой”, — ежедневно передавались радиogramмы на “Большую землю” из глубокого тыла противника.

— Здесь неподалеку строится подземный арсенал, — доложил однажды Юзек, возвратившись с задания.

— Где именно? — встревожилась Мариана.

— Отсюда километров девяносто, пожалуй, будет...

— Без гака? — спросил Андрей. Он помнил украинскую привычку определять все с “гаком”. А этот как иногда оказывался больше самого пути.

— Не удалось узнать. Известно только, что на работу мобилизуют поляков. Но оттуда никто не возвращается. Люди в этом страшном арсенале работают до тех пор, пока совсем не выбиваются из сил. А потом... их отравляют в душегубках.

Вечером Мариана передала радиogramму в центр и приняла приказ: “Узнайте немедленно назначение арсенала”.

...Узнайте немедленно! Легко сказать. Что делать? — Мариана застыла над радиogramмой. Одному из них придется пойти на верную смерть. Нет, нет! Пока есть возможность, надо искать другие пути. Узнать любой ценой, но только не ценой жизни товарища...

— Что случилось? — спросил Андрей, взглянув на ее побледневшее лицо. — Что случилось? Почему ты плачешь?

— Я не плачу, глаза у меня болят, — уклончиво ответила девушка, смахивая набежавшие слезы.

Но от Андрея не так-то просто скрыть что-нибудь.

— Что с тобой, Мариана?

— Ничего. Что говорил Юзек? — уже твердым голосом спросила она. — Немцы убивают всех, кто работает на стройке?

— Да, но что с тобой? — не отступал Андрей. — Почему ты плачешь? Разве всех оплачешь? Фашисты уничтожают людей на каждом шагу. Нужно не плакать, а мстить.

— Ты меня не так понял, Андрюша. Нервы разыгрались. Где ребята?

— Гриша спит, а Оля латает Юзеку брюки.

— А Юзек?

— Так я же тебе говорю. Оля латает ему брюки, а он ждет за перегородкой. Не выходить же ему сюда в кальсонах.

— Когда Оля кончит работу, позовешь всех. Андрей вышел из бункера.

Через несколько минут группа была в сборе. Мариана прочла радиogramму из центра.

— Какие будут мнения?

— Я пойду узнать назначение арсенала! — сказал Андрей.

— Нет, я, — возразил Юзек.

— А вы хорошо подумали? Нравы фашистов вам ведь известны?

Андрей посмотрел многозначительно на всех и заявил:

— Именно поэтому я и предлагаю свою кандидатуру.

— Нет, я должен пойти, товарищи, — настаивал Юзек. — Я хорошо знаю немцев, говорю по-немецки...

— Спасибо, брат, но лучше мне пойти. Я знаком с химией, с медициной и тоже немного знаю немецкий язык, — перебил Юзека Андрей.

— У меня другой план, товарищи, — перебила Мариана. — Туда надо идти мне. Женщине легче вывернуться.

Ольга, видимо, задетая немного, сказала:

— Если уж женщине, то идти должна я. Тебе нельзя. Ты радистка. Если ты погибнешь, мы окажемся оторванными от всех, а я...

— Глупости болтаешь, — вмешался Гриша. — Скоро конец войне, мы все должны жить... Задание выполнить, но жить.

— Когда нужно идти? — спросил Андрей, давая понять, что вопрос решен. — Дай карандаш.

Мариана поняла его. Раз Андрей сказал, значит, хорошо подумал, и ответила, глядя в радиogramму, которую до сих пор держала в руке:

— Немедленно!

— Ну, друзья дорогие, до свиданья, — поднялся Андрей и поочередно стал прощаться со всеми. Он пожал руки Грише, Оле, Юзеку и остановился перед радисткой.

— До встречи, Мариана. До счастливой встречи. Вот прочтешь это, если... — Андрей протянул ей сложенный вчетверо листок бумаги.

— Не надо, Андрюша, мы будем тебя ждать, — она приподнялась на цыпочки, обняла его голову и поцеловала.

— Спасибо, Мариана, не забывай меня!

— Мы все ждем тебя. Знай, что кого ждут, того судьба бережет.

Андрей остановился, посмотрел Мариане в глаза, взял ее руки, поднес к губам, потом поцеловал в обе щеки Ольгу.

— Вернись, родные, обязательно! — он протянул обе руки Юзеку, но тот мягко отстранил их.

— Я провожу тебя, брат...

Трудно передать, что переживает человек, провожающий друга на дело, из которого редко кто возвращается. Мариана, Оля, Гриша долго молча стояли и смотрели вслед Андрею и Юзеку.

— Итак, нас осталось трое. Вернется Юзек — будет четверо. Чего носы повесили? Оля, причешишь, посмотри, на кого ты похожа?

— Мне тяжело так, что закричала бы. Сердце будто окаменело, — прошептала Оля, обнимая Мариану. — Вот уже виден конец войны, а дни такие длинные, хмурые.

— Не отчаивайся, родная. Это потому, что мы потеряли Колю и не знаем, что ожидает Андрея. Но будем надеяться на лучшее, — утешала подругу Мариана.

* *
*

За годы войны, во время длительного пребывания в тылу врага, Мариана возмужала, закалилась, стала волевой и выносливой. Она никогда не теряла присутствия духа. И на сей раз, несмотря на то, что сердце ее

разрывается от боли, она старалась приободрить других. Больше, чем когда-либо чувствовала сейчас Мариана, что Андрей ей не безразличен, что он дорог ее сердцу. Но она не должна, не имеет право показывать это.

...В марте 1944 года Советская Армия отбросила немецкие войска за Днестр. Радостно забилося сердце Марианы, и вместе с тем тревога не покидала ее. “Мама, мама, что с ней? Только бы увидеть тебя живой, маленькая, старенькая моя мама”.

Вот уже сколько времени прошло с тех пор, как ее Родина освобождена, а Мариана не может послать весточку домой. Каждый день казался вечностью.

Советская Армия двигалась стремительно на запад. И как ни напрягались фашисты, бросая на поля сражений солдат тотальной мобилизации, было ясно, что крах гитлеровской Германии неизбежен.

“Польска партия народова” начала тоже искать связи с советскими партизанами. Поляки, убившие хотя бы одного немца, цепляли на шапку или рукав красную нашивку, что означало — партизан. Каждый честный человек с нетерпением ждал освобождения. Он понимал, что это освобождение идет с востока, что его несут коммунисты, советские люди.

Теряя последнюю выдержку, фашисты все больше лютовали. Свирепствовали и аковцы — прислужники Миколайчика.

Они рыскали по деревням в поисках советских парашютистов, а Юзека объявили предателем Польши. Они установили слежку за домами, хозяева которых поддерживали связь с польскими коммунистами, с “Армией Людовой”, которая всячески помогала бежавшим из плена русским солдатам.

Но злобствование аковцев не производило впечатления. Польский народ ликовал.

“Освобождение не за горами” — говорили их взгляды, их действия. Даже старики Юзефовичи, которые до сих пор молча прятали Мариану и ее товарищей, теперь оживились, стали разговорчивей, вновь научились улыбаться.

— Вы, пани, оставьте нам какие-нибудь акты, свидетельство, как русские говорят. Придут советские, покажем — не сидели и мы сложа руки. Чем могли и как могли помогали, — сказал с гордостью старик Мариане.

— Спасибо, спасибо, дедушка. Вы много сделали для нас. — И написала от руки свидетельство о том, что семья Юзефовичей содействовала советской разведгруппе.

В это время в селении, недалеко от города, гитлеровцы поспешно заняли здание школы. В течение двух дней здание было полностью переоборудовано: навезли множество каких-то аппаратов, упакованных в ящики. А на третий день стали прибывать в закрытых машинах какие-то гражданские люди, и как установили разведчики, разных национальностей. Во дворе флигеля срочно оборудовалась кухня. По тому, что все работы делались немецкими солдатами, было очевидно, что здесь будет размещаться какое-то сугубо секретное учреждение.

Необходимо было как можно скорее разведать цель этого загадочного учреждения.

Такое задание мог лучше других выполнить Юзек. Он хорошо говорил по-немецки, а когда надевал форму, то даже самый проникательный немец не узнал бы в нем поляка.

Юзек охотно взялся за дело. Спустя два дня он возвратился с точными данными.

— Сюда переезжает дивизионная школа одной из армий. Готовить будут шпионов для заброски в советский тыл, — доложил Юзек. — Срок обучения — месяц. Потом неделя на сборы.

Разведчики решили не допустить ни одного выкорымыша этой школы в советский тыл. Было решено взорвать здание школы вместе со всеми ее обитателями. Сообща выработали план операции. Требовалось кому-нибудь из членов группы проникнуть в здание.

— А если мне попробовать устроиться официанткой или уборщицей? Как думаете, товарищи? — спросила Мариана.

Разведчики тщательно взвесили все “за” и “против” и согласились с предложением Марианы. Вечером она связалась с “Большой землей”. Центр одобрил выработанный группой план.

Для начала Мариана устроилась уборщицей в буфете, расположенном недалеко от школьного здания. Для этого Юзек предварительно познакомился с хозяйкой буфета пани Еленой и употребил все усилия, чтобы понравиться ей. Его старания не пропали даром. Миловидная полячка увлеклась Юзеком. Она охотно согласилась взять к себе уборщицей и судомойкой родственницу хозяина пана Рудольфа-Юзека.

— Вот и моя протезе, — отрекомендовал Юзек Мариану. — Такие, знаете ли, времена теперь, пани, что девушке лучше быть пристроенной. А приятнее хозяйки для нее, чем вы, пани Елена, не сыскать. Это я по себе чувствую.

Пани Елена зарделась от удовольствия и была рада угодить своему галантному кавалеру.

— Спасибо, пан Рудольф, — улыбалась хозяйка. — Мне в самом деле нужна помощница. Работы стало много, некогда и отдохнуть...

— О! — поторопился заверить Рудольф-Юзек. — Я не позволю пани Елене скучать или переутомляться...

Не прошло и недели, как Мариана-Неля стала своим человеком в буфете. Она часто заменяла пани Елену и вскоре приобрела знакомства среди офицеров, обслуживающих школу.

Так было положено начало выполнению задуманного плана.

Мариана следила за собой, модно причесывалась, носила кокетливые фартучки. И офицеры не остались равнодушны к молодой хорошенькой помощнице хозяйки буфета. Особенно настойчиво добивался внимания

пани Нели белообрый прыщеватый лейтенант. Он постоянно торчал у стойки и все приглашал пани Нелю посидеть с ним за рюмкой коктейля.

Группа поручила Юзеку “прошупать почву”, и он выяснил, что лейтенант — не последняя спица в колесе. Тогда разведчица стала оказывать ему особое внимание, дарить улыбки. Это очень понравилось гитлеровскому офицеру, и он изо всех сил старался подчеркивать свое положение среди офицеров.

Занятия в школе уже начались, и Мариана приступила к главному. Как-то вечером, управившись с делами, она подседа к столику, за которым лениво потягивал пиво лейтенант.

— Не знаю, где бы мне лучше устроиться. Здесь я почти ничего не зарабатываю, — пожаловалась она. — Хорошо бы поступить в столовую какую-нибудь. Как вы мыслите, пан?

— М-да, неплохо было бы, чтобы пани Неля подавала мне кофе, коньяк, — самодовольно протянул лейтенант. Мариана ухватилась за сказанные лейтенантом слова.

— Я была бы очень благодарна пану...

— Что ж, я поговорю. Возможно, в нашу столовую требуется кельнерша, — сказал лейтенант.

— Я бы вас очень просила, если можно. Пан офицер будет доволен мной, — и Мариана многозначительно опустила глаза.

— Да, я могу это устроить, — сказал он, прищурив свои бесцветные глаза. — Начальник здесь — мой отец.

— Я была бы вам очень благодарна, пан, — повторяла все время Неля.

— Приходи завтра. Я прикажу, чтобы тебя пропустили во двор. Только... будь умницей, там много молодых красивых парней.

— Разве есть кто-нибудь интереснее пана лейтенанта, — лукаво улыбнулась Мариана.

Польщенный лейтенант заверил девушку, что все уладит и важно удалится.

Ночью Мариана связалась с центром и предупредила, что некоторое время не будет появляться в эфире.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АНДРЕЯ

На всех участках фронта гитлеровские войска неудержимо откатывались на запад. А здесь, в оккупированном городе, фашистские офицеры кутили, как будто ничего не изменилось. Но это только так казалось...

В легоньком платьице и белом фартуке, повязанная кружевной косынкой, Мариана проворно двигалась среди курсантов с большим подносом в руках, стараясь быстрее их накормить, чтобы перейти в комнату офицеров.

— Коньяк, кофе, бутерброды, прошу, прошу, господа, — предлагала она, обходя столики.

К стаканам и бутербродам протягивались волосатые руки и жадно хватали все с подноса.

Девушку сопровождали нахальные взгляды. Иные солдаты норовили обнять ее или ущипнуть. Мариана пригрозила, что пожалуется лейтенанту. Она чуть не плакала от омерзения.

...За окном спускалась ночь. Разведчица заканчивала работу, сбрасывала платье официантки, передевалась и выходила на улицу. Ее одолевали тревожные мысли. Вот уже скоро месяц, как от Андрея ничего не было. Что с ним? — сердце девушки томили тревожные предчувствия. Неподалеку от столовой в каком-нибудь укромном уголке ее ожидал кто-нибудь из друзей. Они задавали ей один и тот же вопрос:

— Ну как, все в порядке?

Вместо ответа Мариана и на сей раз не выдержала;

— Что слышно об Андрее?

Они молчали, и она понимала, что новостей нет... Дни тянулись очень медленно. Мариана продолжала работать в столовой. Особую ненависть испытывала она к курсантам из числа “власовцев”. “Продажные твари”, — мысленно называла их разведчица. Она уже успела передать центру сведения о количественном составе курсантов, о районах, которые они изучают. Эти сведения были очень важны. Командование советовало как можно дольше продержаться на этой работе, сообщать обо всех изменениях и постараться добыть список курсантов.

Оля постоянно ездила в город, где можно было узнавать что-нибудь интересное. Гриша и Юзек установили наблюдение за железной дорогой. У Юзека нашлись даже помощники — его школьный друг, который теперь работал в депо. Все старались не упускать ничего, что могло интересовать советское командование.

Но вот минул месяц. Скоро отдельные группы диверсантов начнут готовиться к переброске в советский тыл. Мариана сообщила центру последние новости о школе и получила приказ:

“Взорвать школу прежде, чем хоть один фашистский подрывник будет переброшен”.

Но как внести на территорию школы взрывчатку? Было решено, что в один день Мариана задержится в столовой, а Юзек в немецкой форме подойдет к пропускному бюро и вызовет ее. Она должна будет выйти с какой-нибудь глубокой посудой в руке и тотчас же вернуться обратно. Так и было сделано. Охранники и не подозревали, что в кастрюле официантка занесла на территорию школы мину с часовым механизмом.

Занятия в школе подошли к концу. Пора было приводить план в исполнение. Но Мариану останавливала мысль об Андрее. Неужели действовать, пока он не вернулся? После взрыва группе придется перебраться в другое место, если Андрей окажется жив, он не сможет их найти, а то и попадет в руки разъяренных гитлеровцев.

И Мариана медлила. Каждый день ее подмывало прочесть записку Андрея, но она вспоминала его последние слова “если...” и ждала.

Прошло еще два дня. Оля, Гриша и Юзек ежедневно выходили по очереди на условное место встречи, но Андрей не появлялся.

Началась пятая неделя. Разведчики ходили хмурые, молчаливые. Каждый знал, что благополучно вернуться с такого задания, значит, совершить чудо. Но наперекор всему продолжали ждать.

— В партизанском отряде куда лучше, — не выдержал, наконец, Гриша. — Убили ежели тебя, так похоронят, как человека, дадут салют над твоей могилой. А здесь и вздохнуть не имеешь права. Будь она проклята, эта жизнь...

Мариана за последние дни осунулась, побледнела. Как-то она пожаловалась на головную боль, отпросилась у начальника столовой с работы и отправилась в рощу. Там, возле старого дуба, они условились встретиться с Андреем, когда он вернется. Она сидела на опавших листьях и с грустью перебирала в памяти последние дни перед уходом Андрея. Вдруг послышался шорох. Девушка мгновенно повернулась и глазам своим не поверила.

Андрей! Неужели это он?

Андрей неподвижно стоял, прислонившись к дубу и, казалось, спал. Мариана инстинктивно огляделась вокруг — нет ли хвоста — и, прячась за деревьями, подбежала к нему.

— Андрюша, живой? — шептала она, задыхаясь от душивших ее слез.

— Марианка, моя Марианка, — Андрей сжал ее руки. — Я вернулся потому, что вы меня ждали. Я это чувствовал.....

— Ждали, родной, ох, как ждали. Идем скорее к нашим...

Друзья чуть не задушили Андрея в объятиях. Нахмуренные лица расцвели улыбками. Каждый радовался возвращению товарища, словно сам вырвался из когтей смерти. Даже полутемный бункер, казалось, посветлел.

— Там крупный арсенал, много артиллерийских и авиационных боеприпасов, а главное, — рассказывал Андрей, — гитлеровцы держат этот объект в большом секрете, никто оттуда не возвращается...

— Как же тебе удалось вырваться?

— Медицина выручила. Первые три дня я работал наравне со всеми. Старался понравиться немцам. Потом сказал фельдфебелю, что я фельдшер. “Гут, — говорит он, — нам нужен врач для этих тварей, они слишком быстро слабеют. Я поговорю с начальником о тебе”. Вот так я получил право лечить несчастных узников, которые были уже живыми трупами. Когда мне удалось узнать все, что меня интересовало, я начал искать способ вырваться из этого ада. И случай помог мне. Печальный случай...

Андрей говорил медленно, с трудом произнося слова. Куда девалось его неизменно хорошее настроение? Худой, небритый, он был слаб и изможден. Одни только глаза светились на измученном лице.

— Вечером, — продолжал он, — один грузчик в подземном складе упал с ящиком. Он тут же скончался. Из ящика полилась жидкость, распространявшая противный, одуряющий запах. Фельдфебель, заметив это, стремглав бросился вон, я — за ним. Мне казалось, что должен произойти взрыв.

— Что же это за жидкость была?

— Не знаю, что-то отравляющее. Так вот, фельдфебель побежал, а я за ним, значит.

— А остальные?

— В этот момент, кроме меня, фельдфебеля и того несчастного, что упал, близко никого не было. Я быстро обвязал нос и рот марлей, догнал фельдфебеля, силой втолкнул его снова в подземелье и запер дверь. Когда я открыл ее снова, он еле дышал. Ясно. Отравляющие газы. Я тут же решил: если не удастся вырваться, я подожгу ящик и устрою взрыв.

— Рискованное дело! — шепнула Мариана.

— Там можно было выбирать между таким риском и медленной смертью, — ответил Андрей. — Я достал ампулу с ядом, которую этот фельдфебель мне дал, чтобы отравить рабочих, ножом разжал ему зубы и влил содержимое в рот. Он захрапел, и все было кончено. Тогда я схватил его на руки и побежал в санчасть.

“Рабочий уронил ящик и газы, видимо, его отравили!” — крикнул я, сваливая труп на топчан.

“Где разбился ящик?” — вскричал, побледнев, как смерть, врач. Среди фашистов поднялась дикая паника. Им было не до меня. А я потихоньку выбрался и... вот здесь...

В тот же вечер Мариана передала радиogramму на “Большую землю”: “В районе “К” 51 градус южной широты, ориентир: чистая поляна между селами “Н” и “С”, на расстоянии восьми километров — подземный арсенал отравляющих веществ”.

Уничтожить этот арсенал можно было только с воздуха. Поэтому командование дало группе следующий приказ: “Удаляйтесь примерно на сто километров севернее объекта. Указанная территория будет подвергнута бомбардировке. О прибытии на новое место доложите”.

Теперь, когда Андрей вернулся и все были в сборе, можно готовиться к отступлению на новое место.

— Ну, друзья, пора привести в действие мой аппарат, — сказала Мариана.

Мина с часовым механизмом все еще лежала на территории школы, спрятанная в надежном месте — в вентиляционной стенке под кухонным окном.

На следующее утро Мариана, как всегда опрятно одетая, вошла в зал столовой и стала накрывать столы. Через час должен начаться завтрак. Здесь завтракали и обедали одновременно все. Начальник курсов, полков-

ник Кирнер, уже пожилой мужчина с двойным подбородком, прикрывавшим воротник пиджака и даже узел галстука, любит пунктуальность во всем.

— Во время принять пищу — значит продлить свою жизнь на десяток лет, — говорил он всякий раз, усаживаясь за стол и повязывая большую туго накрахмаленную салфетку. Начальник носил гражданский костюм, волосы обильно смазывал брильянтином и зачесывал их на прямой пробор. По середине головы шла ровная белая полоса. Мариану почему-то всегда смешила эта прическа. Подходя к столику полковника, стоявшему в углу отдельной комнаты, девушка старалась не смотреть на него. А полковник, видно, был красивым в молодости. Об этом свидетельствовал прямой нос, маленькие уши и высокий лоб.

Дверь комнаты всегда даже была настежь открыта. Начальник любил наблюдать за своими питомцами даже во время еды.

В это утро Мариана заметила некоторые отклонения от обычного порядка. Четверо курсантов, которые раньше сидели за разными столами, теперь расположились в комнате по соседству с той, в которой находился начальник. Заведующая залом — польская немка фрау Эльза — позвала Мариану на кухню и предупредила:

— Запомни, в нашей работе существуют тонкости. Нужно тебе их изучить. В маленькую комнатку подай рому. С уборкой стола не спеши. Эти курсанты поставлены на особый стол на несколько дней. Смотри, будь внимательна к ним.

— Слушаюсь, пани, — покорно ответила Мариана. Но мозг ее сверлила мысль: “Что означает уединение этих четырех и усиленное питание. Может быть, перед вылетом? Как бы не опоздать”.

Подойдя с полным подносом к столу, она медленно стала выкладывать рюмки, бутылку с французским ромом и закуски.

— С чего это фрау Эльза так расщедрилась? — спросил один из сидящих за столом и отбросил движением головы клоч рыжих волос, падающий на лоб. Он говорил на чистом русском языке, показывая глазами на ром и как бы не замечая официантки.

— Это не фрау, а шеф раскошелится. Кормит собак перед охотой, как и наш батя Власов, черт бы его побрал, — ответил сидевший напротив. В его голосе Мариана уловила плохо скрытое раздражение.

— Ну их к черту. Все равно пропадать. Давай, ребята, тяпнем, как говорят русские, — отозвался третий и стал открывать бутылку с ромом.

Мариана не подавала виду, что понимает, о чем они говорят. На кухне она умышленно задержалась подольше.

“Пусть выпьют по две–три рюмки, язык у них развяжется”, — думала она, готовя тарелки под бифштекс.

— Ну, что ты там возишься столько? — окликнул ее повар из своего окошка.

— Зараз, зараз, пан. Нужно, чтоб все было аккуратно. Так наказывала фрау Эльза, — ответила Мариана.

Она не ошиблась. Власовцы уже тяпнули, как они выражались, и беседовали в ожидании горячего.

— Барышня, видно, решила нас сегодня голодом заморить, — сказал курсант с рыжим чубом, падающим на узкий лоб.

— Не барышня, а товарищ. Привыкай, дружище, — поправил другой.

При слове “товарищ” Мариана вздрогнула и почувствовала, что в горле застрял комок: “Продажная шкура. Священное слово товарищ — не для твоей грязной пасти”, — подумала она. Мариана поняла, что эта четверка уже готовится к вылету. Через несколько дней они должны приземлиться в тылу советских войск, везя с собой смертоносный груз. “Нет, не бывать этому, предатели, — поклялась в душе Мариана. — Завтра, и не позже, вы позавтракаете в последний раз”.

Разведчица до мелочей продумала выполнение своей задачи. Мину она поставит в отверстие дымохода. Нужно рассчитывать так, чтобы она взорвалась в разгар завтрака. Но как уйти самой?

Вечером она еще раз посоветовалась с товарищами. Главная трудность заключалась в том, что все должно произойти днем. Было решено, что Мариана исчезнет незаметно за пятнадцать минут до взрыва. Пока ее хватятся, произойдет взрыв. Пользуясь паникой, группа успеет скрыться.

Так и сделали. Мариана завела часовой механизм мины на 8 часов 30 минут, когда в столовую собирается весь персонал школы. В 8 часов она накинула платок, пальто, схватила графин и побежала к буфету пани Елены, сказав часовому, что ее послали с поручением.

Как только Мариана скрылась с глаз патрулей, она свернула в сторону и побежала к тому месту, где ее ожидали друзья.

Ровно в 8.30 раздался страшной силы взрыв. В воздух поднялся столб черного дыма...

Разведчики облегченно вздохнули.

— Вот вам, гады, за все! — не сдержался Андрей.

* *
*

На новом месте Мариана прежде всего развернула рацию. Антенну на сей раз растянули на ветках деревьев, и короткие волны понесли на Родину известие о новом подвиге советских разведчиков в тылу врага.

ПРОСТИЛИСЬ С ЮЗЕКОМ НАВЕКИ!..

Последние события — взрыв диверсионной школы, уничтожение арсенала, бомбардировка эшелонов с военными грузами и многое другое — сильно обеспокоили гитлеровское командование. В этот район для борьбы с партизанами было направлено два батальона пехоты, поддержанных танками, тяжелой артиллерией и самолетами. Были взяты в кольцо город и окрестные села. Начались повальные обыски: подозрительных расстреливали на месте. Оказалось окруженным и село, в котором находились разведчики. Среди бела дня они бежали в лес. Другого выхода не оставалось. Вместе с ними двигались и местные жители с семьями, домашним скарбом. Заметив бегущих к лесу людей, немцы открыли по ним огонь. Над головами засвистели пули... Группе грозило окружение.

— Надо разойтись, — решили разведчики. До утра во что бы то ни стало нужно было выбраться из лесу. В отдельности это сделать легче. Встретиться условились у деда в Кемнице.

Товарищи обнялись на прощанье, и каждый пошел своей дорогой. Мариана осталась с Андреем. Натянув антенну, она передала: “Мы в опасности”. В ответ поступил приказ: “Прекратите работу. Маскируйтесь”.

Только благодаря сметке и находчивости, разведчикам удалось выбраться из окруженного немцами леса.

Дом старика в Кемнице стоял в трех километрах от леса. Старик приходился родственником Юзеку. Когда-то он бывал в России и с тех пор сохранил чувство симпатии к русским людям. Старик спрятал разведчиков, он стремился хоть чем-нибудь быть им полезным. Юзек ликовал. Он завоевал право называться честным польским гражданином. В короткие минуты отдыха он делился с разведчиками мечтами о будущем, заветным желанием побывать в Москве... Его чувства разделяли все. Девушки обнимались и плакали от радости.

— Значит, скоро, я увижу свою Украину.

— Скоро, скоро! — ответила Мариана и тоже представляла себя в родной Молдавии.

В условленный час радистка связалась с центром и приняла необыкновенную радиограмму: “Поздравляем высокой наградой Мариану Флоря орденом “Отечественной войны”, Андрея Павленко — Орденом Красного Знамени, Григория Михалюка — Орденом Красной Звезды, Ольгу Слюсаренко — Орденом Славы, Юзека Станкевича — Орденом Красной Звезды”.

Андрей от полноты чувств запел свой любимый марш, а Юзек вскочил на ноги и сорвал шапку с головы:

— Служу Советскому Союзу! Спасибо, товарищи, — отрапортовал он. Глаза у него заблестели. Непрошенные скупые мужские слезы покатались по его щекам.

— Как подойдут советские войска, я уйду с вами, не отстану от вас, друзья. Вот только схожу, попрощаюсь с матерью.

— Не знаю, Юзек, можно ли вам выходить, — выразила опасение Мариана. — Заметит кто-нибудь из недругов — беды не оберешься.

— Ничего, я буду осторожен. Надо успокоить старушку. Я ведь один у нее. Глаза, поди, все проплакала, ожидая меня. Через два-три дня вернусь.

К вечеру Юзек ушел. Но прошло пять суток, а он не возвращался.

Мариана послушала последние известия: советские войска вступили на территорию Германии.

— В нас, по-видимому, уже нужда отпала, сказала Мариана. — Но где Юзек? Что с ним?

Андрей и Гриша отправились на поиски: кое-что разузнать взялся и дед из Кемница. На следующий день разведчики вернулись с поникшими головами и поведали страшную историю.

...С тех пор, как Юзек ушел с русскими за ним установили слежку. Не успел Юзек переступить порог, как сидевшие в засаде схватили его, связали руки и выволокли во двор. Там его привязали к дереву и начали избивать, требуя выдать русских партизан. Юзек молчал. Когда стало окончательно ясно, что ему живым не уйти, он плюнул в лицо одному из палачей. Его выволокли в лес и там расстреляли...

А через несколько дней в село вошли советские и польские войска. Как мало осталось Юзеку ждать, чтобы увидеть день освобождения своей Родины...

Разведчики отправились в лес, где был расстрелян Юзек, простились с ним. Затем выехали к месту приземления, отыскивали могилу Коли и возложили на нее ранние подснежники.

Был светлый весенний день. Наши войска ушли далеко вперед, и впервые разведчики почувствовали: нет заданий, нет страха, нет голода...

Тут же Гриша заявил командованию о своем желании идти вместе с армией.

— Хочу своими глазами увидеть, как гитлеровские вояки будут драпать по своей же земле, как фашизму окончательно хребет перешибут, — сказал Гриша.

Все поняли его чувство.

Но не довелось Грише дожить до окончательной победы. В первом же бою он пал смертью храбрых — погиб еще один отважный партизан и разведчик.

Мариана, Оля и Андрей горько оплакивали друга, уже теперь не скрывая своего горя от окружающих.

Каждый представлял себе, как Гриша побегал первым в бой, дабы удовлетворить свою давнюю мечту: бить фашистов без оглядки, и шальная пуля скосила его.

Больно было сознавать, что возвращаются они только втроем. По обычаю Андрей, Оля и Мариана вышли в поле и троекратными выстрелами почтили память друга.

Но жизнь есть жизнь. Близкая победа окрыляла разведчиков.

В Ченстохове их ждало то, о чем они так долго мечтали — известия от родных.

Когда они сели в самолет, Мариана вспомнила, что у нее в кармане лежит письмо Андрея, которое он оставил, уходя на боевое задание.

— Теперь-то уж можно прочесть? — спросила Мариана Андрея.

— Лучше я все тебе сам расскажу!..

* *
*

Весна в полном разгаре. На душе спокойно и непривычно радостно. Всем хочется петь во весь голос, поздравлять друг друга с победой. Но что-то сковывало друзей. У каждого в сердце были незабываемые образы боевых товарищей Николая, Юзека и Гриши.

— Как было бы хорошо, если б сейчас рядом сидели Гриша, Коля и Юзек, — сказала, вздохнув, Мариана.

— Да, война без жертв не бывает, — с грустью произнес Андрей.

А самолет летел, и казалось странным, что никто не командует “приготовиться”, что они сидят без груза, только Мариана не может расстаться со своей рацией. Она за все эти годы работы в тылу врага настолько привыкла к закону радиста: “рацию не оставлять ни на минуту” что и теперь верна этой привычке.

— Это мой верный, неизменный друг, — говорила Мариана, ласково проводя рукой по маленькому портативному аппарату.

— Летим над советской землей, — объявляет бортрадист, и разведчики бросаются к маленьким окошечкам. Каждому не терпится коснуться родной земли, прижаться к ней губами: “Здравствуй, Родина любимая”.

— Идем на посадку, — передает бортрадист. Сердца разведчиков бьются учащенно и гулко. Мариане казалось, что она задохнется от счастья.

— Никогда я так не волновалась, — говорит она Оле. Вот самолет обо что-то легко ударился и остановился.

Открылась дверь. Кто-то услужливо подставил трап.

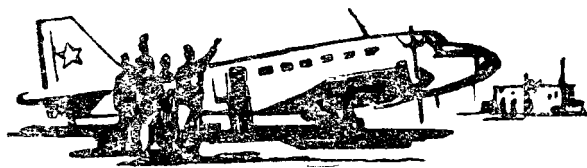
На этот раз Мариана впервые выходит из самолета последней. Она останавливается на верхней ступеньке трапа, и какой-то туман застилает глаза. Это слезы. Неудержимые слезы потекли по ее щекам. Слезы радости, счастья.

— Неужели кончились все мученья? — говорит она вполголоса, все еще не веря, что уже дома, на свободной, советской родной земле.

Андрей бросился обнимать и целовать всех, кто оказался поблизости. Оля плакала и смеялась одновременно.

Этот день никогда не забудется. Кончилась война. Свершилось долгожданное. Грудь славных разведчиков украсили боевые ордена и медали — знак благодарности Родины за ратный труд.

— Поздравляю вас с благополучным возвращением на Родину, — говорит друзьям Мариана. — Пусть наша победа служит предостережением всем, кто когда-нибудь помыслит о новой войне... Пусть наши дети только из истории узнают то, что нам пришлось испытать...

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
ЧАСТЬ I	
Грозные дни	9
Полицай	37
На подпольном комсомольском собрании	56
На острие ножа	65
Непрошенные гости	74
Похищение карты	78
ЧАСТЬ II	
Накануне нового задания	91
В глубоком тылу	105
“Облава запрещена”	118
Запеленгована фашистами	124
В застенке гестапо	142
ЧАСТЬ III	
В третий рейс	159
Страшный арсенал	194
Возвращение Андрея	200
Простились с Юзеком навеки	206

Дидык Прасковья Герасимовна

В ТЫЛУ ВРАГА

Редактор *А. Лисовицкая*
Художник *И. Макаренко*
Художественный редактор *Л. Донец*
Технический редактор *В. Теллис*
Корректор *Э. Шварцман*

*

Подписано к печати 4/III-1960 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумажных листов 3,31.
Печатных листов 10,87 + 1 вкл. Уч. изд. листов 10,92 + 1 вкл.
Тираж 150000 (4-ый завод 120 001–150 000)
Государственное издательство МССР
“Карта Молдовеняска” Кишинев, Жуковского № 44.
Цена 4 руб. 85 коп. Заказ № 792

Тираспольская государственная типография